

Исхак Машбаш

Собрание сочинений в двадцати томах

Исхак МАШБАШ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

ОАО «Полиграф-Юг»
Майкоп
2015

Исхак МАШБАШ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ
ТОМ XII

ОАО «Полиграф-Юг»
Майкоп
2015

УДК 821.352.3-31
ББК 84(2=602.2)6-44
М 38

Машбаш И. Ш.
М 38 Собрание сочинений в двадцати томах. Том двенадцатый. Изгнание. Исторический роман. – Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2015. – 320 с.

В собрание сочинений вошли стихотворения, поэмы, романы, публицистика Исхака Машбаша, народного писателя Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, лауреата Государственных премий СССР, России, Адыгеи, Российской литературной премии М. А. Шолохова.

ИЗГНАНИЕ

Исторический роман

ISBN 978-5-7992-0833-2
ISBN 978-5-7992-0000-0

© Машбаш И. Ш., 2015

«...Эхо Кавказской войны, в которой были принесены большие человеческие жертвы и материальные потери, до сих пор болью отзывается в сердцах многих россиян. Пусть земля будет пухом тем, кто пал на поле боя, потерял жизнь от жестокости войны, и тем, кто, будучи вынужденным покинуть Отчизну, умер на чужбине, испытав горечь утраты родины. Пусть память о тех давних трагических событиях хранится в сердцах потомков и служит всем нам предостережением от новых трагедий...»

*Из обращения Президента РФ Б.Н. Ельцина
к народам Кавказа в связи со 130-летием
окончания Кавказской войны.*

Был для адыгов этот век жесток –
Век девятнадцатый. Но вслед за ним, спеша,
Я словно вижу времени итог,
И болью отзывается душа.

Век нынешний мне говорит: «Забудь,
Прошедшего не ищут впереди».
Но мой народ, прошедший этот путь
Как адов мост, мне говорит: «Иди!».

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Неожиданное беспокойство вывело Магомет-Амина из дома. Большой диск красного солнца будто плавил край белоголовой горы, видневшейся неподалеку, и ему показалось, что оно обожгло и его сердце. Он сел в тени орехового дерева, растущего у крыльца, но беспокойство не унималось и, не усидев, пошел в сторону конюшни. Вдруг, резко развернувшись, опять вошел в дом, где обычно читал Коран. Погладив рукой позолоченный фолиант Корана, стал вслух читать и почувствовал успокоение, но взгляд, упавший на горевшее на восточном небосклоне солнце опять вывел его во двор.

«Больше десяти лет прошло с тех пор, как посланник Аллаха святой Шамиль послал меня из Дагестана наибом в Черкесию, к абадзехам, – думал Магомет-Амин Асиялов. – За это время я много раз попадал в трудные ситуации, но такого отчаянного положения не испытывал... О, Аллах, прояви к нам свое милосердие. Нет, нет, я не ропщу, не жалуюсь на трудности, но как предводитель абадзехов, среди которых нет согласия, ищущий возможность для защиты их от неверных. К сожалению, адыгские племена всегда искоса смотрят друг на друга, каждое из них – первое и главное. Упрямый народ, но об их героизме, свободолюбии, честности и справедливости можно долго говорить. Много у них и хороших обычаев, которых нет у нас, в той стороне, откуда я родом. А что сейчас происходит там, в Дагестане? Какие новости у посланника Аллаха, благословенного Шамиля?..»

Магомет-Амин сел на коня и, взяв с собой несколько всадников, выехал в сторону Мамрукского ущелья.

Полуденное солнце было уже спокойным. В горах тепло, но не так жарко и душно, как в предыдущие дни. Лес, чувствуя приближение осени, ласкал взор своими яркими красками. Между Дахом и Хаджохом, в долине реки Шхагуаш-Белой, он с двух сторон постепенно уходил в горы. Легкий ветерок освежал, унося за собою пыль, взбитую копытами лошадей.

Со стороны Лабинска, по дороге длиною верст пятьдесят, шло войско: пешие, всадники, обозы, запряженные волами и лошадьми, пушки. Абадзехские всадники, стоя группами на возвышенностях, наблюдали его продвижение по долине реки Фарза шириной в два-три забега скаковой лошади, возмущаясь тем, что происходит на их земле: слышались звуки выстрелов, сверкали на солнце выхваченные из ножен сабли и кинжалы.

«Не вступайте с абадзехами в конфликты, будьте осторожны», – наказывал офицерам генерал Филипсон.

– Не обращайтесь на наших неприятелей, запевайте песню! – послышался приказ в идущей колонне. Песня солдат, широко разливаясь, была слышна и в абадзехских аулах, разбросанных в ущельях Фарза, Белой, Кужипса, и дальше.

Долина, примыкающая к Гузериплю, полна неприятельских войск. Магомет-Амин знает это, хотя и не видит их. Мысли его летят в далекий Дагестан, к Шамилю. «Что сейчас там происходит? Крепись, мой старший мудрый брат, я далеко, но сердцем с тобой, Аллах нас сохранит. Я отправил тебе весть, что в Черкесии неспокойно, войска неверных брошены на нее...»

– Абадзехи! – стреляя в воздух, воскликнул Хасан Биржев, как будто услышал тревожные мысли наиба. – Мы попали в трудное положение, но Аллах с нами!

– Тебе, что, Биржев, не терпится пострелять?.. – то ли осуждая, то ли шутя произнес Магомет-Амин, слезая с

лошади. Его спутники тоже спрыгнули с седел. – Одним ружьем, Хасан, с войском неверных ничего не сделаешь. Думаю, настало время для незамедлительного созыва абадзехского хасэ.

– Хорошо бы знать намерения генерала Филипсона... – сказал Марау Афамготов, размышляя об увиденном.

– Их намерения понятны... – отозвался Бжец Дауров, глядя в сторону колонны неприятельских солдат. – Послушайте их... Своим пением они затачивают наши клинки...

– Ничего не изменится от того, что мы во все глаза рассматриваем неверных и слушаем их песни. Поехали, у нас много дел, – Магомет-Амин, тяжело подняв свое тело в седло и проехав немного рысью, обратился к Биржеву: – В течении трех, нет, пяти дней, собери абадзехское хасэ. Вы, Марау и Бжец, соберите аульских мухтаров-старост, – добавил следовавшим за ним всадникам.

– За пять дней вряд ли возможно собрать хасэ, – с сомнением произнес Бжец.

– Может, и соберем... Ты же знаешь нас, абадзехов... – Затем окликнул начальника охраны: – Мирзабеч! С сегодняшнего вечера выставь посты в окрестностях Даха и Хаджоха, пусть наблюдают. – Не показывая вида, что обеспокоен увиденным в долине, шепнул Биржеву: – Не зная намерения неприятельских войск не будем заранее нарушать спокойствие абадзехов...

– Но, наиб, сидеть сложа руки, видя, что на нас идет войско...

– Да, да, – выдержав паузу, согласился наиб, – но мне нужно трое суток для прочтения Корана... Вы за это время встретитесь с предводителями, с каждым по отдельности, подготовьте их к хасэ. – Затем продолжил, чтобы слышали сопровождавшие его всадники: – Пяти дней для подготовки, как сказал Дауров, мало. Как ты считаешь, Афамготов?

– Решать тебе, наиб, – с готовностью ответил Марау Афамготов, расценив вопрос наиба признаком его расположения и уважения к себе.

– Тогда, думаю, десяти дней будет достаточно... «Но какие новости там, в Дагестане?..» – эта мысль неотступно тревожила наиба.

До аула наиба Аминовки оставалось проехать одну горную вершину, спуститься в ущелье и еще раз подняться на следующую, но подошло время для совершения полуденного намаза. Всадники спешили у родника и сделали омовение. После намаза они проехали еще около часа, когда на противоположной стороне, на поляне, показался аул Магомет-Амина. Увидев возле своего дома толпу пеших и конных, наиб подумал: «Что мне им сказать?..» Но нашел слова, чтобы их успокоить:

– Абадзехские герои! Успокойте свои семьи, для тревоги нет повода, мы на своей земле, над нами наше солнце! Но мы должны быть бдительными и готовыми к тому часу, когда Аллах призовет нас к борьбе, без Его благословения не приближайтесь ни на шаг к войску неверных!

Прибывший из Дагестана гонец доложил Магомет-Амину о пленении Шамиля. Эта новость болью отозвалась в душе наиба, хотя он и был готов к этому. Совершив молитву, мысленно обратился к Шамилю: «Пусть ты и в плену, лишь бы был жив... Так решил Аллах, чьим посланником ты являешься, и где бы мы ни были, Он не забудет нас, даст нам свое благословение и защиту». И, проведя ладонями по густой черной бороде, еще раз спросил вестника, собиравшегося в обратный путь:

– Посланника Аллаха везут в Россию, так ты сказал?..

– Да, утром возле Прочного Окопа я последний раз видел его. Ни принуждения, ни унижения, наиб, я не увидел. Посланника Аллаха и его изнеженную жену Шуанат везут, меня легкие кареты, сто всадников, не считая охраняющих дорогу. По-моему, он вовсе и не пленный.

– Если это так, хорошо, – сказал Магомет-Амин и, помолчав, глухо продолжил: – Но когда тебя увозят из родного дома, какая это радость?.. Да, так устроен этот обманчивый мир... И кто знает, что с нами случится...

Мирзабеч, возьми с собой всадников и ночью переправьте гостя через Лабу.

На следующий день он объявил о переносе абадзехского хасэ на более ранний срок, объясняя это тем, что дело не терпит отлагательства. В душе наиб был неспокоен. Его могут обвинить в обмане, поэтому нужно заранее подготовить пути отхода. Он думал, как встретиться с генералом Филипсоном, командующим русскими войсками на Западном Кавказе. Встретиться с ним тайно, договариваясь о личной выгоде, считал недостойным для себя. Но взять с собой еще кого-то тоже не хотел – это уже могло быть не тайной, абадзехи узнают о переговорах – не простят. Трусливо убежать, чтобы сохранить свою голову...

Тревожные мысли не давали покоя: «Что же произошло со святым Шамилем, почему он оказался у русских?.. «Если бы он погиб от вражеских штыков, как сделал Газимагомет, а не сдался неверным в плен, это было бы мужеством», – я знаю людей, которые так скажут... Но лучше плохой мир, чем война. Неужели нет выхода? Можно ли примириться, учитывая выгоды обеих сторон, или согласиться с тем, что Россия силой оружия завоюет нас? Как остановить войска неверных, чтобы сохранить вековые уклады абадзехов, их мусульманскую религию и принять соглашение о выгодной торговле сторон? С кем вести переговоры? С генералом Филипсоном или с русским царем, который собирается приехать на Кавказ? Для меня теперь все равно. Более десяти лет я жил среди абадзехов, нашел с ними общий язык, меня приняли, признали, и сейчас я хочу покинуть их мирно, по-добру, по-здорову. Правда, могу исчезнуть и тайно. Но что скажут обо мне адыги, для которых честь превыше всего? Если бы мне удалось уйти от них с чистым сердцем и незапятнанной честью...»

Его мысли остановили вошедшие в комнату Хасан Биржев и Бжец Дауров.

– Добро пожаловать, салам алейкум, дорогие мои друзья, – пряча за приветливостью свое плохое настроение встретил утренних гостей наиб, – я только что вспоминал вас. Почему Цея и Афамготова нет с вами?

– О, алейкум салам, наиб, пусть Аллах сделает твоё утро добрым, – ответил Хасан Биржев. – Мы утренние гости, но, как говорят адыги, пришли не сметану отвесть. Мы направляемся в долину Кужипс, в аулы, и, проезжая околицу, решили завернуть к тебе, чтобы рассказать, как идет подготовка к абадзехскому хасэ.

– Если бы вы начали разговор с того, что заехали меня увидеть, я бы этому больше порадовался, – пошутил наиб, – это лучшая награда, когда люди тебя вспоминают. Спасибо вам, пусть Аллах будет вами так же доволен, как и я. Буду рад, если вы согласитесь позавтракать со мною.

Но гости торопились, и Биржев продолжил разговор:

– Почти всех предводителей хасэ мы известили. Все говорят: «Ваше слово – наше слово, ваше дело – наше дело».

– Выслушать мнения и прийти к единому решению – это хорошо. – Магомет-Амин блистал красноречием и радушием, подчеркнув, что тоже без дела не сидел. – В эти дни я встречался с людьми, обеспокоенными абадзехскими делами, слушал их советы. А какие новости в дальней цеевской Тубе?

– Там находятся Цеев и Афамготов... – ответил Биржев и, усмехнувшись, продолжил: – Только один Аллах знает, что им приходится терпеть от упрямых тубинских абадзехов...

– После Аллаха и я это знаю, – засмеялся Бжец Дауров. – Они говорят: «В нашу сторону не пропускайте войско неверных. Если вы их не одолеете, мы вам покажем, как надо воевать».

– Что делать, – с болью в сердце сказал Биржев, – так мы, адыги, устроены... Не имея единого государства, не

поддерживая друг друга, мы, разрозненные племена, даем победить себя поодиночке.

– Это происходит не только с адыгами, – ответил Магомет-Амин, подумав о том, что не смог выполнить задание, с которым его отправили к абадзехам, – с разобщенностью племен встречаешься и в Дагестане, и Чечне. Но как бы к нам не относились неверные, не будем падать духом. Аллах даст нам свое благословение и защиту.

Неожиданные гости уехали. Раздумывая о событиях, Магомет-Амин принял незамедлительное решение о встрече с генералом Филипсоном, как только стемнеет. Не от имени абадзехов, а от своего имени, лично от себя. Но что сказать? Сдаться в плен, стать их сторонником? Нет, это предательство, я сам перестану себя уважать. Бросить дело, за которое столько лет, проливая кровь, боролся, и добровольно стать пленником неверных? Но как объяснить противостоящим сторонам о выгоде, о пользе согласия?.. В трудное положение попали абадзехи, в таком же положении и царские войска, не одно десятилетие воюющие на адыгской земле. Какие меры могут привести их к обоюдному договору?

Наиб Магомет-Амин Асиялов, сцепив руки за спиной, ходил по комнате, размышляя о возможностях согласия обеих сторон. Он то подходил к окну, то отходил от него, потом сел за стол и стал записывать на арабском языке мысли будущего мирного соглашения.

ГЛАВА ВТОРАЯ

День клонился к вечеру, когда Магомет-Амин позвал Мирзабеча Гишева и распорядился:

– Оседлай моего выездного коня, что-то он застылся.– И добавил: – Поедешь со мной.

В горах, как только солнце уходит за горизонт, быстро наступают сумерки. Темнота окутала землю, казалось, что и топот копыт стал глуше. Оставив далеко аул наиба Аминовку, подъехали к Хаджоху. Мирзабеч, отставая на пол корпуса коня от наиба, заметил:

– Пусть Аллах умножит твои дела, которые ты творишь во благо абадзехов, наиб, но мы слишком далеко отъехали от аула, дальше ехать опасно.

– Встань рядом со мной, – отозвался наиб.

– Если кто-то увидит, что я рядом, осудит...

– Стой, кто идет? – три казака перегородили дорогу, три встали позади.

– Я, Магомет-Амин Асиялов, этот человек со мной. Проводите меня к генералу Филипсону.

Генерал Филипсон обычно ложился спать рано и вставал с первыми лучами солнца. Он уже собирался лечь в постель, когда ему назвали имя человека, требовавшего встречи с ним.

– Как вы сказали?.. Вы не ошиблись?..

– Нет, ваше превосходительство, это так, – ответил штабс-капитан Сердюков. – Предводитель абадзехов наиб Асиялов хочет с вами встретиться.

– Сейчас же пригласите его в гостевую комнату. – Генерал Филипсон быстро оделся, убрал с широкого лба прядь волос с наметившейся сединой, поправил пальцами длинные усы. Но не спешил встретиться с ночным гостем: если пришел, пусть ждет. Прошелся по комнате раз, другой, подошел к окну, постоял возле него, вглядываясь в ночную темень, затем отправился в комнату, где его ожидал Магомет-Амин. Следом за ним вошли два офицера, сопровождавшие его от дверей спальни. Войдя, генерал отдал честь предводителю абадзехов. Усевшись, пригласил присесть Магомет-Амина и учтиво произнес: – Слушаю вас, уважаемый наиб.

– Хочу поговорить с вами с глазу на глаз, – сказал Магомет-Амин. Филипсон кивнул головой и жестом указал сопровождавшим его штабс-капитану Сердюкову и офицеру оставить их одних. Оставшись наедине, наиб продолжил: – Мы с вами, генерал, знаем друг друга не первый день, поэтому сразу перейду к делу. То, что случилось в Дагестане, наверное, было угодно Аллаху, но я пришел к вам не для того, чтобы стать пленником. Я пришел, чтобы мирными путями обсудить возможности вашего примирения с абадзехами, это часть миссии, которую я выполняю по воле Аллаха на этой земле. Хочу знать ваше мнение. Только не откладывайте решение этого вопроса надолго.

Дело, с которым предводитель абадзехов Магомет-Амин Асиялов обратился к Филипсону было неожиданным для него. Он размышлял: «Чтобы остановить бессмысленное кровопролитие, он предлагает примирение, вместо того, чтобы внушить абадзехам, что они подданные России. Но как он себе представляет это примирение?..

– Я согласен, наиб, что мирное соглашение, о котором вы говорите, предпочтительнее войны, но на каких условиях оно состоится? По Адрианопольскому мирному соглашению, подписанному Россией и Турцией, уже тридцать лет черкесское племя абадзехов – верноподданные России¹. Они сложат оружие и будут жить с нами

¹ «...После окончания русско-турецкой войны 1829 г., когда Турция уступила эти земли победителю, Северо-Западный Кавказ входит в состав империи, – пишет В. Н. Рябцев в своей книге «Черкесский вопрос, Олимпиада – 2014 и политика Грузии на Кавказе». – Точкой отсчета здесь является Адрианопольский мирный договор 1829 г. Согласно этого договора, заключенного между Россией и Турцией, восточный берег Черного моря от устья реки Кубани до крепости Св.Николая переходил из состава Турции в состав России. Тем самым Турция как бы «уступала» черкесские земли России. Уступка эта, однако, имела скорее формальное значение. Как говорили тогда в Европе, Турция не могла уступить России то, чем не владела сама. Ведь местные адыги (черкесы) никогда не признавали турецкого господства над собой, являя тем самым де-факто независимые сообщества. Поэтому они отказались

мирно, согласившись с тем, что являются подданными нашего государства?

– Буду с вами откровенен, генерал. На это соглашение можете смотреть, как вам будет угодно. Но мне нужно заключить письменный договор между вами и абадзехами, чтобы уйти от них мирно и дальше проживать под вашим покровительством.

– Наиб, если сможете уговорить абадзехов сложить оружие, даю честное офицерское слово, что тайну вашу я сберегу, абадзехи о ней никогда не узнают. Это дело огромной важности, поэтому мы должны подумать.

– Еще раз, генерал, повторяю: это дело не требует отлагательств.

– Наша с вами договоренность, наиб, не все решает. И в Тифлисе еще будут рассматривать эти условия, и в Санкт-Петербурге. Но нам надо подготовить соответствующий документ.

– Такую бумагу я уже подготовил, Григорий Иванович, – уже как своего союзника назвав Филипсона по имени-отчеству, наиб протянул ему текст будущего мирного соглашения. – Мне кажется, это подойдет и вам, и нам. – Сделав паузу, продолжил: – Но предупреждаю, генерал, я обещаю только то, что могу выполнить. Здесь на арабском языке написаны условия, которые подходят вам, и было бы хорошо, если бы их перевели на русский язык и переслали мне. Правда, сейчас они мне не нужны, для съезда представителей абадзехского хасэ хватит и копии этой бумаги, которую я оставил себе.

– Если вы гарантируете, что все написанное в ней будет выполнено, наиб, то я со своей стороны даю слово

признать свой новый статус и не захотели подчиниться власти царского правительства России. В 1830 г., после отказа адыгов признать над собой власть Петербурга, происходит первое вторжение царских войск в Западную Черкессию. Так возник еще один – западный – театр военных действий на Северном Кавказе и стало разгораться пламя той войны, которая, идя с переменным успехом, то разгораясь с новой силой, то затухая, в итоге привела к событиям мая 1864 г».

сделать все, что в моих силах. Перевод документа на русский язык с моей воинской печатью вам доставят завтра вечером.

– Думаю, генерал, что вышестоящее начальство оценит вашу работу, а абадзехов предоставьте мне, я уговорю их пойти на мирное соглашение. Моим доверенным будет Мирзабеч. И вы, генерал, назовите имя своего посредника.

– Штабс-капитан Николай Петрович Сердюков. А когда придем к окончательному заключению мирного соглашения, тогда открыто поставим под ним свои подписи.

– Аллах это благословил, поэтому я подпишу, – сказал Магомет-Амин, удовлетворенный переговорами.

«Если ты так торопишься, наиб, я не буду ждать ответа из Тифлиса и Санкт-Петербурга, подпишу сам, бумага все стерпит. Так я успокою абадзехов, которых невозможно сдержать силой оружия, а потом посмотрим...» – подумал, улыбаясь, генерал Филипсон, глядя вслед неожиданному ночному гостю.

Магомет-Амин в это время тоже думал о своем собеседнике: «Ты посмотри на этого длинноусого, как он старается казаться беспомощным... Спросит Тифлис, отправит гонца в Санкт-Петербург... Если тебе предлагают мирную, радуйся, гяур; сейчас абадзехи, окруженные вашими войсками, в безвыходном положении. Они не будут мне перечить, а я был бы сердцем спокоен, оставив их в мирной ситуации, ведь из пятидесяти лет, прожитых мной, десять отдано им. Только мирным соглашением я могу помочь абадзехам, хотя здесь и моя личная выгода. Прости мне это, мой Аллах, благослови и сохрани...»

– О нашей поездке, Мирзабеч, не должна знать ни одна живая душа, понял? Позже я сам все объясню абадзехам.

– Да, понял. Я слеп и глух, наиб, – с готовностью отозвался Мирзабеч.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Осеннее утро принесло тепло, но холодный ветер с гор не дает ему устояться. Солнце, поднимаясь все выше, освещает поляну, где собрались сто сорок девять представителей абадзехского хасэ и более пятисот аульских мухтаров-старост. Белые одиночные облака, сходясь и расходясь, виднеются на западе, а на земле яркими красками заворачивает осень. Но тишина эта обманчива: неприятельские войска, расположенные у подножья гор, вызывают беспокойство. Оно не только на лицах людей, находящихся на поляне, верховые лошади тоже чувствуют его, бесконечно фыркая и нетерпеливо перебирая копытами.

– Что-то генерал Филипсон запаздывает... – обеспокоено проговорил Бжец Дауров.

– Еще полчаса до назначенного времени, – отозвался Магомет-Амин, глядя на показания своих серебряных карманных часов. – С тех пор, как мы начали переговоры о соглашении, они ни разу не дали нам повода в чем-нибудь усомниться. Декларацию на русском и арабском языках доставили нам в точно оговоренное время, ни одного слова из предложенного нами не изменили. На вчерашнем съезде представителей абадзехского хасэ мы с этой бумагой ознакомились, аульские мухтары тоже ознакомлены с ней. Остается с двух сторон подписать мирное соглашение.

– Хорошо, если это так, как ты говоришь, наиб, – с сомнением сказал Хасан Биржев. – Но только веры им нет, что обещают сегодня, завтра делают наоборот.

– Да, да, гяур семь раз на дню меняет свои решения, – заметил один из стоявших поблизости мухтаров.

– Если бы жизнь человека в этом временном мире складывалась только так, как мы хотим, то ничего бы из того, что с нами случилось, не произошло, – слова мухтара

не понравились наибу, но он сдержался. Сделав паузу, громко, чтобы слышали и те, кто подальше, сказал: – Соглашение с гяурским генералом угодно Аллаху, пусть Он благословит и защитит нас. А неверные не обманули нас, они едут! – Со стороны, куда указал наиб, показалась свита во главе с генералом Филипсоном. – Встречающих будем высылать?

– Мы всегда рады доброжелательным гостям... – сказал Биржев. – Тех, кто хочет с нами примириться, нужно встретить по нашим обычаям. Не надо суетиться: когда приблизятся, два-три всадника выедут им навстречу.

Бжец Дауров не очень-то обрадовался поручению, но, взяв двух всадников встретил казаков.

Рыжий бородатый Ислам Брагунов, разглядывая гостей, обратился к старшему брату по матери:

– Смотри, Гуфес, какие длинные усы у этого генерала, как они ему не мешают...

– А казаки, приехавшие с ним, напялили нашу черкеску... – заметил Бачир Марзухаев. – Она им совсем не подходит ...

– Мало им одежды, они и нашу землю хотят присвоить... – добавил Гуфес.

– Хорошо, что ваш отец Мишка Брагунов не увидел тех бед, которые принесли нам они... – не сдержался Бачир.

В этот же момент Магомет-Амин Асиялов громким, хорошо поставленным голосом обратился к абадзехскому съезду:

– О, джамаат, о, люди, послы Абадзехии, у которых в сердцах великий всемогущий Аллах, слушайте! А ты, Ислам Брагунов, чей отец с чистым мусульманским сердцем предстал перед Богом, русским языком, которому он обучил тебя, переведи генералу Филипсону то, что я скажу. Вот два соглашения, под которыми стоят печати двух сторон – они написаны на русском языке и на языке Корана. Обе стороны ознакомились с их содержанием.

Тексты написаны на разных языках, но ни одной буквой, ни одним словом не расходятся. То, что написано на языке Корана священо, и я, понимая ответственность, которую возложил на меня Аллах, перевожу его на адыгский язык. Слушайте и воспринимайте сердцем! – Шесть глашатаев, перекрикивая друг друга, повторили слова Магомет-Амина.

– Наиб, посланник Аллаха, – обратился к нему худой, но крепко сложенный Хатырбай Цеев, – до того, как ты переведешь соглашение, я хочу задать вопрос: – Это клятва только абадзехов или же и русские подписались под ней?

Генерал Филипсон, которому Ислам Брагунов перевел вопрос Цеева, вышел вперед и встал рядом с Магомет-Амином:

– Я, командующий русскими войсками на Западном Кавказе, соглашение о перемирии уже подписал, хотя окончательное решение принимается не мною. Но я взял на себя эту ответственность, чтобы прекратить противостояние и кровопролитие между нами, ведь каждый день приносит новые жертвы обеим сторонам. Уверен, что Тифлис и Санкт-Петербург поддержат меня, – закончил генерал и про себя добавил: «Зря забыли, что вы уже подданные России».

– Хорошо, что вы не сомневаетесь в этом, генерал, но трудно поверить в соглашение, на котором нет подписи русского царя, – не унимался Цеев. – И еще один вопрос. Что случилось со святым Шамилем?

– С его согласия он вместе с семьей находится в России.

Бачир хоть и знал об этом, но услышанное «с согласия» сбило его с толку. Он с беспокойством спросил Магомет-Амина:

– Что теперь будет с тобой, наиб?

– Самое главное для меня – сегодняшнее соглашение, Бачир. Пусть Аллах обрадует тебя хорошими днями, а я,

вашими молитвами, уж как-нибудь. Если разрешите, я ознакомлю вас с ним на адыгском языке, но принять его или нет – решение за вами. Одно хочу сказать: на сегодняшний день другого выбора у нас нет. Послушайте текст соглашения, ради которого мы собрались:

«Мы, мухтары абадзехов, от имени всех тфокотлей, дворян, крепостных, исходя из наших обычаев, даем клятву верности России: быть верноподданными царю, выполнять все его законы и указания начальников, поставленных над нами, не совершать разбоев и преступлений. Тех, кто будет их совершать, выдавать начальству, чтобы понесли наказание, соответствующее их вине; не принимать участия в делах, которые непослушные творят против русских, а так же оберегать свои земли от них; изгонять преступников, замышляющих недоброе; русских дезертиров незамедлительно выдавать ближайшему начальству».

– Когда составлялась эта клятва, – продолжил Магомет-Амин, – мы познакомили высшее начальство с нуждами и чаяниями нашего народа, и генерал Филипсон добавил следующее: «Когда абадзехи примут клятву верности русскому царю, пусть выдадут в аманат четырнадцать мальчиков в залог того, что они будут выполнять клятву, которую генерал Филипсон по указу царя доведет до людей; мусульманская религия останется с нами, и никто не будет чинить препятствий в соблюдении религиозных обрядов; если кто-нибудь из нас пожелает поехать в Мекку, Стамбул или другое святое место, один или с семьей, им не будут препятствовать; с абадзехов не будут собирать налог, их не будут призывать в армию, приравнявая к казакам; те абадзехи, которые захотят служить в русской армии, получают такую возможность и будут приравнены к другим служащим, а их подвиги будут оцениваться по справедливости; все права абадзехских родов и их деление останутся неизменными; земли абадзехов будут их собственностью, ни одну пядь земли казачьи станицы не имеют права забирать; собственность каждого

определяется и охраняется российскими законами; так же у абадзехских дворян останутся их крепостные; если кто-либо из них сбежит к русским – без выкупа возвратит владельцу; на абадзехской земле, учитывая их законы, создать органы управления, которые должны соответствовать той структуре, которую выберет главнокомандующий Кавказской армией; русское начальство, управляя абадзехами, будет жить в Майкопе, в дела абадзехов они могут вмешаться только тогда, когда кто-нибудь совершит предательство или поступит жалоба о несправедливом рассмотрении какого-то дела, или когда кто-нибудь из мухтаров-старост совершит противоправное действие. Даем клятву, что будем выполнять условия этого соглашения, которое мы подписали от имени абадзехов, от имени Бога, от имени его великого посланника Магомет-Амина, от имени четырех книг Инджила, Таурата, Забура и Корана. Пусть будет мир над нами! Бисмиллахи рахмани рахим! Аминь!»

Магомет-Амин высоко поднял бумагу, исписанную арабской вязью, и громко провозгласил:

– От имени всех абадзехов, приехавших на съезд с добрыми намерениями и согласных с этим текстом, повторите вместе со мной трижды: «Клянемся!»

– Почему не согласны, ты сказал все, о чем мы думали сами, – крикнул заранее подговоренный наибом Марау Афангатов. Кто-то из стоящих поодаль поддержал его, и над сотней людей, стоявших до сих пор в безмолвии, пронесся ропот, послышались слова и одобрения, и неудовольствия.

– Подожди, наиб, – крикнул Гуфес, – я хочу знать, будут ли русские выполнять эту клятву?

– Брагунов! – послышался рассерженный голос Мирзабеча. – Ты не родной сын Мишки Брагунова, но так же, как и он, всему не доверяешь. Соглашайся с тем, что говорят, и делай то, что все делают.

– Мирзабеч! Хотя ты и начальник охраны наиба, но ошибаешься, если думаешь, что унижаешь меня, сравнивая с отцом, – гневно ответил Гуфес Брагунов.

– Правильно говоришь, младший брат, – обычно молчаливый Бачир Марзухаев, который вместо фамилии носил имя умершего отца, вышел из толпы и встал рядом с Гуфесом.

Поняв, что может разгореться ссора, наиб остановил своего охранника и обратился к Брагунову:

– Мирзабеч не прав. Твое замечание, Гуфес, законно и богоугодно. – Магомет-Амин сел на коня и, подняв вверх бумагу-клятву, крикнул: – Абадзехи, клянитесь три раза подряд!

– Перед тем, как это сделать, наиб, я хочу задать два вопроса, – сказал Бачир Марзухаев. – Ты перечислил книги Инджил, Таурат, и еще одну. Что это за книги?

– Это книги христианской религии, которую проповедуют православные. Положа на них руку, они произносят клятву. – И подумал: «Пока абадзехи не подняли шум, надо положить конец вопросам».

– Тогда хорошо... Если эти книги для них являются святыми и перед ними произносят клятву, то соглашение я принимаю. И второй вопрос: мы все волнуемся, наиб, за твою дальнейшую судьбу и просим своими намерениями поделиться с нами.

– Наш наиб вел нас за собой все эти трудные годы, открыл нам истинно священную мусульманскую религию, делил и радости, и невзгоды, и где бы ни находился, он всегда с нами, – поспешил ответить до сих пор молчавший Хасан Биржев.

Услышав то, что хотел, Магомет-Амин, приподнимаясь в седле, продолжил:

– Вы и ваше дело – это для меня главное. Где бы я ни был, что бы со мной ни случилось, я буду жить с Аллахом в сердце. Но я хотел бы разделить горести и радости со

святым Шамилем, который прислал меня к вам. Великий Аллах да услышит нас, с верой в его благодеяния и будем жить. Теперь, с верой в Аллаха, трижды произнесем абадзехскую клятву, как это будет угодно Ему.

Когда абадзехи произносили клятву, птицы испуганно, лес колыхнул верхушками деревьев, заржали лошади под седлами.

Ислам Брагунов с несколькими адыгскими всадниками сопровождали Филипсона и его свиту до околицы и уже прощались с ним, когда генерал заметил, обращаясь к Исламу:

– Русский язык знаешь хорошо, а имя у тебя мусульманское... – И, как бы шутя, добавил: – В сегодняшнем соглашении записано, что таких, как твой отец, который дезертировал из русской армии, нужно выдать законным властям.

– Генерал, мой отец, Михаил Изотович Брагунов, мусульманином покинул этот мир, таких и сейчас немало в Абадзехии, но их вам не выдадут, да они и сами не вернуться... – И вспомнил дочку Бачира Марзухаева Нат-Нат и сына старшего брата Гучипса.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Тамбиехабль заполнили голоса глашатаев: «... Русские и абадзехи заключили мирное соглашение, они не будут больше воевать между собой... В Абадзехии мир, радуйтесь, люди!.. Магомет-Амина, посланного нам всемогущим Аллахом, просим остаться с нами...»

Бачир Марзухаев вернулся из соседнего аула. Обеспокоенный тем, что дочка не выбежала его встречать, позвал:

– Где ты, Нат-Нат, почему не встречаешь меня? И ты, дочь Тазовых, куда подевалась...

Уже войдя в сени, Бачир услышал голос жены:

– Доченька, маленькая моя, не плачь, я тебя никому не отдам!.. Вот и отец твой приехал...

– Что случилось? – спросил Бачир.

Обнимая и успокаивая Нат-Нат, которой было около шестнадцати лет, Джаншир накинулась на мужа:

– Абадзехам, прежде чем заключать договор, надо было хорошо подумать! Вы принесли нам беду. Пусть Аллах покарает и наиба, и гяурского генерала, от них все наши несчастья!..

– Мы радуемся, что в Абадзехии мир, а ты обвиняешь и проклинаешь нас.

– Я не тебя проклинаяю. Аллах знает, что для меня нет большей радости, чем мир в семье и счастье нашего ребенка, но выходит, это не для нас... – заплакали мать и дочь.

– Кого вы оплакиваете? – рассердился Бачир. Перекладывая плетку из одной руки в другую, спросил: – Вас кто-то обидел?

– Ты слышишь, что говорят глашатаи?.. «Русские, перебежавшие на сторону адыгов, кто бы они ни были – мужчины, женщины и дети – без выкупа должны быть им возвращены». Такое решение принял абадзехский хасэ...

Бечир подтвердил:

– Да, на хасэ мы приняли и такое решение.

– Я никуда не пойду! – худенькая Нат-Нат вырвалась из объятий матери и кинулась на шею отца. – Не отдавай меня!..

– Успокойся, дочка, не плачь. Это решение тебя не касается... Это касается только мужчин. Тебе не было и четырех лет, когда я нашел тебя на берегу реки Фарз, сидящей возле умершей матери.

– Потом, доченька, отец, ища твоих родственников, объездил вместе с тобой все казачьи хутора и станицы, но

тебя так никто и не признал. Мы до сих пор не знаем твоей фамилии, а тогда ты назвала себя Нат-Нат.

– И хорошо, что не знаете!..– смахивая слезы решительно сказала девочка.– Было бы хорошо, если бы и Брагуновы – Ислам и его сын Гучипс тоже не знали свою казачью фамилию...

– Почему ты так решила, дочка? – удивился Бачир.

– Они ведь мужчины...– тихо ответила дочка, садясь возле матери.

– Вон ты о чем...– у Бачира защемило сердце, когда он понял, что Нат-Нат имела в виду решение хасэ.– Но если говорить о Брагуновых, то они, без сомнения – истинные адыги.– И добавил: – И Гуфес, и Гучипс, сын Ислама – настоящие черкесы, таких еще надо поискать.

– И я – черкешенка! – отрезала Нат-Нат.

– Конечно, ты черкешенка, Аллах увидел наше несчастье и подарил тебя нам,– заплакала Джаншир, прижимая к себе девочку.

– Ну, это уже лишнее, дочь Тазовых, вы лучше принесите мне что-нибудь покушать.

– Сейчас,– Нат-Нат вскочила, поставила перед отцом столик-анэ, принесла тазик и кумган, слила воду на руки, подала полотенце.– И чай еще горячий, и лепешки теплые, нана их укутывала, вот буйволиная сметана... И дедушка любил буйволиную сметану.

– А ты? – окуная лепешку в сметану, улыбнулся Бачир.

– И я люблю!..

– Тогда садись, поешь со мной.

– Нет! – воскликнула Нат-Нат.– Нана¹ говорит, что мужчина в доме должен есть один. Пошли, нана, пусть тата² поест спокойно. И еще я хочу сказать: не называйте меня больше Нат-Нат, зовите Нафисет.

Бачир от неожиданности прервал еду:

– Дочка, почему ты так говоришь, у тебя очень красивое имя. Так и дедушка тебя называл.

¹ Н а н а – мама.

² Т а т а – папа.

– Да, дедушка называл меня так, когда маленькую гладил по головке, но сейчас я уже взрослая и пусть все называют Нафисет.

Джаншир, обращаясь к мужу, неуверенно сказала:

– Иногда Гучипс Брагунов называет ее другим именем, наверное, потому она решила поменять его.

– Каким именем может называть ее этот ветренник? – рассерженно спросил Бачир, отодвинув от себя еду.

– Не только поэтому, нана...– едва слышно произнесла девочка.– Гучипс, когда нас никто не слышит, называет меня Наташа-Натала... Вы же слышали, что кричали глашатаи...

– Слышишь, дочь Тазовых, что она говорит? – в словах Бачира, обращенных к жене, было больше недовольства, чем упрека. А девчонку успокоил: – Это, дочка, тебя не касается.

После завтрака Бачир размышлял: «Что это еще за за Наташа-Натала? Когда я нашел ее на берегу Фарза и спросил ее имя, она ответила Нат-Нат, поэтому и семья, и весь аул зовут так. Теперь, когда она выросла, девочке напоминают, что она русская. Когда она была русской? Мы и сами уже забыли, а люди никак не успокоятся... – И упрекнул себя: – Я, перекладывая со дня на день, в этом году ни разу не был на могиле ее бедной матери. Пожалуй, съезжу сейчас к тому дубу, под которым она покоится. Расскажу ей, какой умницей и красавицей становится Нат-Нат, отведу душу...»

Бачир сел на коня и, проезжая по улице, подъехал к дому Ислама Брагунова. Хозяин радушно встретил своего старшего друга:

– Добро пожаловать, Бачир!

– Спасибо, Ислам. Еду по своим делам, но не смог проехать мимо твоей калитки.

– Это хорошо, но ты, я вижу, чем-то обеспокоен.

– Да, кое-что меня волнует... Глашатаи объявили на весь аул, что всех русских, ставших нашими, выдадут казакам. Девочка наша очень переживает, да и мы тоже...

– Вот ты о чем... Но вы зря переживаете. Глашатаи не так все поняли, ну а служители религии не упускают своей выгоды представить это так, как им хочется.

– Я теперь понял, почему мой младший брат Магомет такой разговорчивый... Учился в медресе, был в Каабе, стал эфенди Тамбиехабля и теперь внушает людям то, что нужно ему самому. Лучше обзавелся бы семьей...

– Зря ты, Бачир, так отзываешься о своем брате... Но я не понимаю, при чем здесь ваша девочка? Я разговаривал с глашатаями и предупредил их, что говорить они могут только то, что им сказали. А решение, принятое в Абадзехии, касается русских пленных солдат, которых или удерживают в аулах, или они сбежали из армии. Если бы дело обстояло так, как вы думаете, тогда это можно отнести и ко мне, – не пощадил себя Ислам и добавил: – После хасэ, провожая генерала Филипсона, мы продолжили разговор и он еще раз подтвердил это.

– Филипсон открыто сказал о своих намерениях, а у нас в ауле живет человек, который намеками беспокоит Нат-Нат, – выразил недовольство Бачир. – Не буду лукавить, это твой сын Гучипс. Он называет девочку русским именем Наташа-Натала.

– Что ты говоришь?.. – удивился Брагунов и сказал: – Не беспокойся, уважаемый. На языке моего бедного отца он больше не заговорит с девочкой.

– Да, Брагунов, ты поговори с ним... – Бачир уже пожалел о сказанном. – Но мы не должны забывать, что неосторожное слово может поссорить наших детей. А сейчас, если хочешь, поехали со мной.

– Бачир, еще наши отцы говорили: «Тот, кому ты нужен, говорит «пошли». И я поеду с тобой, не спрашивая, куда.

За Кужипским перевалом со стороны Туапсе виднелись белоголовые горы. Бледное солнце, выпцветшее на летнем зное, степенно плывет, приближаясь к полудню.

Топот копыт пугает птиц, и они, вспархивая быстрыми крыльями, сбивают разноцветные листья с деревьев, которые как бабочки летят по воздуху.

Перейдя в брод реку Шхагуаш-Белую и поднявшись на пригорок между Майкопом и Хаджохом, Бачир залюбовался окружающей природой:

– Как красива наша Абадзехия, многие сейчас желают ее...

– Не только Абадзехия, – тут же отозвался Ислам. – Начиная с Убыхии, Шапсугии, Бжедугии, Беслинеи и до самой Кабарды – вся адыгская земля прекрасна. Мы с русским войском в Абадзехии заключили мирное соглашение, но все же ходим по нашим дорогам с опаской... Бачир, старший брат, намекни хотя бы, куда мы едем?

– Не спеши, всему свое время. Я доверяю тебе, потому открою нашу семейную тайну... – Бачир перевел лошадь на рысь. Заинтригованный Ислам ринулся за ним. Доехали до Фарза, проехали по берегу. Под большим дубом Бачир слез с коня и показал неприметную могилу. – Это могила матери Нат-Нат.

– Откуда ты знаешь?! – воскликнул Ислам.

– По воле Аллаха я здесь нашел девочку... Преследуемый казаками, укрылся на этой стороне и увидел мертвую русскую женщину. Возле нее сидела маленькая девочка. Я похоронил мать, а девочку, которая назвала себя Нат-Нат, принес домой... Постоим возле могилы... скажу бедной женщине, зачем пришел. Но сначала помолимся. – Подняв перед собой руки, они произнесли молитву. Закончив, Бачир попросил: – Теперь ты, Ислам, прочти молитву.

– Мы же только что ее прочитали... – удивился Брагунов.

– Я говорю о молитве русских, чьей дочерью была бедная женщина. Когда ты был маленьким, я слышал, как отец твой, Мишка, учил тебя молиться.

– Да, я знаю молитву «Отче наш», – согласился Ислам, размышляя: «Как несчастная женщина оказалась здесь с малюткой?» – Если хочешь, прочту.

– Ты хорошо запомнил христианскую молитву, – похвалил его Бачир. – Правда, я ничего не понял, но чему тут удивляться, мы ведь тоже не понимаем своих молитв на языке Корана... – И, повернувшись к могиле, произнес: – Я знаю, женщина, что ты русская, но не знаю ни имени твоего, ни фамилии. Бедная, ты умерла, не увидев счастья родного дитя. Я пришел к тебе с сыном русского Мишки Брагунова, Исламом. Мишка стал одним из нас, он мусульманином закончил свой век. Хочу сказать тебе: пусть местом твоего обитания станет рай, не беспокойся о девочке, мы в любви и заботе растим ее. Нам, адыгам, трудно, но она стала одной из нас, она наша. Войска твоих соплеменников и абадзехи недавно заключили мир. Наверное, Всевышний захотел этого, ведь как Он пожелает, так и будет...

Ислам, видя волнение Бачира, коснулся его плеча:

– Ты сделал для этой бедной женщины все, что мог. А теперь поехали, солнце уже клонится к вечеру.

Солнце на закате пылало, зарево огнем охватило горизонт. Этот огонь словно коснулся и сердца Бачира. Не выдержав душевной боли, он вслух произнес:

– И как эта несчастная оказалась здесь с маленькой девочкой?..

– Никто, кроме Аллаха этого не знает. Если бы не было нужды, она не пришла бы к нам...

Сдерживая волнение, Бачир обратился к Брагунову:

– То, что ты увидел и услышал, Ислам, пусть останется между нами. Не знаю, почему именно тебе я открыл свою тайну... Наверное, чтобы облегчить душу, а, может, потому, что в тебе течет русская кровь... Не знаю, не знаю... Аллах поймет и рассудит нас...

– Да, все в Его власти. А брат твой Магомет знает твою тайну?

– Знает. Он поклялся на Коране, что сохранит ее. Но я не уверен в своем младшем брате эфенди.

В лучах заходящего солнца на горизонте сгорали темные облака.

ГЛАВА ПЯТАЯ

За прошедшее время со дня подписания мирного соглашения, в мире адыгов о нем говорили разное. С соглашением абадзехов были солидарны бжедуги, кабардинцы, бесленеи, а шапсуги, убыхи и садзы-абадзы считали, что их обманули. В каждой гостинной обсуждали эту тему, на любом хасе-съезде, даже в разговоре двоих.

Генерал Филипсон, добившийся передышки, не сидел без дела. Он строил горные дороги, вырубал леса вдоль них, организовывал базары, на которых абадзехи и жители казачьих станиц охотно вели торговлю. Посылал к абадзехам докторов, лекарства, разрешал в своих лазаретах осматривать больных из близлежащих аулов, а при необходимости отдавал приказ вести больных в Майкоп. Делал все для того, чтобы между абадзехами, русскими солдатами и жителями казачьих станиц был мир. Не повиновавшегося, кем бы тот ни был, строго наказывал.

Большинство абадзехов верили в мирное соглашение. Правду знали только четыре человека: император Александр II, генерал Филипсон, наиб Асиялов и находившийся в Тифлисе наместник Кавказа Барятинский. Абадзехи не хотели верить, что обмануты, они чувствовали огонь, но, казалось, не ощущали жжение пламени.

Больше всех волновались шапсуги и убыхи, до которых доносился запах гари выжженных земель. Их послы во главе с Карбатыром Заном и Джерандуком Берзеговым

остановились в хачеше-гостиной Магомет-Амина Асиялова.

Тот же час эта новость стала известно всей Абадзехии. А гонец из Хаджоха за час доскакал до Майкопской крепости.

Генерал Филипсон отдал короткий приказ:

– Посланники воюющих с нами шапсугов, убыхов не имеют права ступить на эту землю. Их должны незамедлительно выдать нам. Поезжайте и передайте это Асиялову!

Люди высказывали различные мнения о посланниках и сложившейся ситуации: «Зачем они приехали, чего хотят?..» «Убыхи тоже не лучше шапсугов-хакучинцев...», «Когда мы ездили к ним на побережье торговать, они называли нас замшелыми абадзехами и, смеясь, отбирали товар...» «Те, с которыми мы заключили мир, строят для нас дороги, организывают торговлю, лечат нас. Набегов и стычек стало меньше...» «Если бы мы послушались Сафербия, отца Карбатыра Зана, умнейший был человек, и тогда еще сплотились, то смогли бы сохранить себя от гибели...», «Джерандук Берзегов – умный, много повидавший человек, встречался с турецким султаном, разговаривал с ним...», «Пожалей мои уши, не хочу слушать от нем с его грязной чалмой...», «Шапсуги, убыхи, упрямые садзы-абадзы – все они ищут своей выгоды...»

– Ну, ладно, хватит, – не выдержал напора толпы Бачир Марзухаев. – Не надо так встречать гостей, проехавших опасный и длинный путь, где ваше гостеприимство?

– Бачир говорит правильно, – поддержал его Мирзабеч Гишев. – Сдерживайте себя, не говорите плохо о наших гостях, хотя они не гостить приехали. Не сомневаюсь, что их привел к нам мирный договор, который мы заключили по воле Аллаха, следуя советам нашего наиба Магомет-Амина.

– Мы довольны, что наиб выполнил дело, возложенное на него великим Аллахом, – сказал тфокотль Мола Гумиштов в белой шапочке, которая свидетельствовала о его соблюдении ислама. – Мирзабеч, ты доверенный и правая рука наиба Магомет-Амина, скажи, какое дело привело их к нам.

– После великого и всемогущего Аллаха, после его посланника наиба Магомет-Амина мы тоже кое-что знаем об абадзехских делах... – «Я не сомневался, что этот вечно голодный Мола скажет что-то подобное», – подумал Мирзабеч и уверенно произнес: – Но уединившиеся в хачеше четыре предводителя племен сами доведут до вас то, что посчитают нужным.

– Да, старший брат, ты умнее всех нас и многому научился у мудрого наиба, – согласно закивал головой Мола и продолжил: – Ты сказал, что их четверо, но я знаю троих. Из Шапсугии – Зан, из Убыхии – Берзегов, от Абадзехии – наиб Асиялов... Наверно, ты забыл назвать имя председателя аульских мухтаров Хасана Биржева...

После этих слов большеносый, с толстыми губами и массивным подбородком Мирзабеч стал еще чернее. В тот же момент на пригорке, со стороны Хаджоха, показались более десяти русских всадников. Абадзехи заволновались, зашумели. Бжец Дауров призвал тфокотлей:

– Успокойтесь, не надо тревожиться! – И обратился к Афамготову: – Возьми с собой Брагунова, Марзухаева, Гишева и выезжайте навстречу всадникам, – а сам зашел в хачеш.

Дауров стал около двери и прислушался. Говорил хаджи Берзегов:

– После ночи наступает день и вновь восходит солнце, зиму сменяет весна, после нее приходит лето. Многое меняется на земле, многие события происходят в мире. Адыги, разговаривающие на одном языке, живущие по одним и тем же законам и обычаям, но без единства и согласия тоже часть этого мира. Да, Карбатыр, ты пра-

вильно сказал: даже улетающие на юг птицы следуют за вожаком, иначе они заблудились бы в пути. Пока был жив твой отец Сафербий, он боролся за единение адыгов, но мы и сегодня не живем в согласии друг с другом. Посмотрите, к чему мы пришли.

– Временный мир, где Аллах испытывает нас, живет по своим законам, в этом, наш уважаемый гость, я согласен с тобой, – заговорил наиб Асиялов и подумал. – «Я ловко заставил абадзехов сделать то, чего они не сделали бы сами, но приехавшие, кажется, недовольны этим. От меня вы больше ничего не узнаете, мой конь уже оседлан», а вслух произнес: – Во всем воля Аллаха, об этом должен помнить каждый мусульманин. Абадзехи выбрали мирную жизнь и стали примером для других адыгских племен. Иногда, правда, наши мнения с Сафербием Заном расходились, не буду скрывать, мы даже хватались за оружие, но справедливость на весах Аллаха, он простил нас... – наиб сделал паузу и добавил: – Он останется в нашей памяти умным и мудрым, если бы адыги прислушивались к его советам, то не дошли бы до такого положения... А мирное соглашение нельзя считать ошибкой, в Абадзехии прекратилось кровопролитие. А ты, уважаемый, почему молчишь?

– Что сейчас говорить, время покажет, – ответил Биржев, которому не понравились рассуждения наива.

– Да, это так, – быстро согласился наиб, словно ждал такого ответа. – Впереди у нас блаженный рай и огненный ад Аллаха, благословения которого мы ждем. Что-то случилось, Дауров? – обратился он к вставшему у двери Бжецу.

– Десять русских всадников показались на пригорке, посланник Аллаха. Я отправил Афамготова с тремя всадниками их встречать, а тфокотли ждут твоего решения.

– Зачем они едут к нам?.. – встревожился наиб и распорядился: – Поменяйте стол, встретим их с адыгским гостеприимством.

– Нет, наиб, – отрезал Карбатыр Зан, – мы не будем сидеть за одним столом с послами неверных, убивающих адыгов. Нам уже понятно, что надеяться на вас нельзя. Мы слышим топот коней твоих друзей, но наших врагов. Гость приходит по своему желанию, а уход его зависит от хозяина, говорят адыги. Если мой старший спутник согласен со мной, то нам пора в обратный путь.

– Ты прав, Карбатыр, – согласился хаджи Берзегов. – «Гость адыга надежно защищен в доме бысыма-хозяина», – эта пословица относится к наibu, в чьем доме мы сидим. Но если мы уедем спешно, абадзехи осудят и нас, и нашего хозяина.

– Пусть каждый твой день, хаджи, Аллах умножит в сто раз, но напомним тебе еще одну пословицу: «Где сидит один гость, другой не останавливается». Но как бы то ни было, мы не можем переступить через наши законы гостеприимства. Дауров, узнай, чего хотят нежданные гости.

Дауров вернулся так же быстро, как вышел:

– Казаки, не желающие спешиться, во главе с штабс-капитаном Сердюковым хотят видеть тебя, наиб.

– Таких гостей можно и не приглашать в хачеш... – «Кто-то донес генералу о моих гостях», – подумал наиб и обратился к Зану и Берзегову: – Не обессудьте, но я должен выйти к ним, а ты, Хасан, займи наших дорогих гостей.

Посланники генерала Филипсона стояли в три ряда по два человека. От дома Магомет-Амина, во дворе, на улице, и дальше по полю стояли абадзехи. Наиб, сделав вид, что не знаком с штабс-капитаном Сердюковым, обратился к нему:

– Я пеший, и вы тоже спешьте, да расскажите, зачем приехали.

– Генерал Филипсон, заключив с абадзехами мирное соглашение, прислал вам эту бумагу, – и, спешившись, протянул ее наibu.

– У нас нет секретов, переведи, Ислам, что здесь написано, пусть все слышат, – сказал Магомет-Амин, передавая бумагу Брагунову.

«Я обращаюсь к наибу Магомет-Амину Асиялову, предводителю абадзехов, – начал Брагунов. – Нам стало известно, что у вас в гостях предводители шапсугов и убыхов, наших врагов. Напоминаю, что предводитель абадзехов, с которыми у нас мирное соглашение, не может их принимать. Я понимаю, что по обычаю черкесов выдать их нам вы не можете, но в присутствии моих посланников они должны немедленно уехать из Абадзехии. Впредь предупреждаю, что дальнейшие ваши встречи будут рассматриваться как нарушение наших соглашений и мы будем вправе поступить по своему усмотрению. Генерал Филипсон».

– Слышите, абадзехи, сегодня мы нарушили мирное соглашение! – громко, чтобы слышали и стоящие в отдалении, и гости, оставшиеся в хачеше, сказал Магомет-Амин. – Но это не значит, что вы не должны ездить к своим дальним родственникам и соплеменникам. Сами абадзехи тоже не закрывают калитку и не запирают свой дом перед гостем, они добросердечны и приветливы.

– Ты прав, наиб! – выкрикнул кто-то из тфокотлей.

– Мы свободны! – раздались голоса.

– Успокойтесь! – наиб поднял руку, требуя тишины, потом обратился к посланникам генерала Филипсона: – Вы слышите, что говорят люди? – И приказал Афамготову: – Казаком опасно здесь оставаться, проводите их. – Вернувшись в гостиную и сделав вид, что разочарован принятым мирным соглашением, сказал Биржеву: – Ты был прав, Хасан, разве можно было доверять гяурам... суют нос не в свои дела... Не тревожьтесь, гости дорогие, мы не пойдем у них на поводу. Вы слышали, что абадзехи не поддерживают их и громко говорят о своей свободе. Но, хоть и горько признавать, я еще раз убедился, что среди нас есть лазутчики. Мы найдем и накажем их. Жаль, гости, что абадзехи уже разошлись и у вас нет возможности поговорить ни с ними, ни с аульскими мухтарамми...

Получается, что мы сами связали свои ноги путами, теперь не имеем права говорить и поступать, как хотим.

– Не переживай, наиб, мы все поняли, – сказал хаджи Берзегов, знавший уловки наиба Асиялова. – Ваши дела мы знаем, и прежде чем надевать на себя железные кандалы, нужно было обратиться к нам. Что теперь говорить... Поехали, Карбатыр, пока день впереди, со вчерашнего дня не знаем, что происходит в Убыхии.

– Счастливого пути, дорогие гости, – с готовностью поддержал их отъезд наиб. – Но мы живем во временном мире, где Аллах испытывает нас. – И обратился к Биржеву: – Гостей я провожу сам, а ты займись делами мухтаров, от них зависит спокойствие абадзехов.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

– Зачем столько провожающих? Со мной останется Мирзабеч, остальные возвращайтесь, – сказал наиб, направляясь с гостями к горной тропе. Подъехав к ней, обратился к ним: – Не будем спешиваться и пожимать друг другу руки. Уважаемый хаджи, мы мусульмане, между нами должно быть доверие, поэтому я показываю вам мою тайную тропу. Пока солнце не зайдет за гору, вы спокойно доберетесь по ней до берега моря. Счастливого пути! Когда теперь увидимся, никто, кроме Аллаха, не знает. – И, резко развернув коня, рысью поскакал в сторону Абадзехии, размышляя про себя: «Мусульманская религия объединила меня с адыгами. Аллах привел меня к ним, и я сделал все, что было в моих силах. Русские, сделав грузин и армян своими союзниками, завоевали Дагестан, Чечню, Кабарду, теперь идут к Черному морю... О, Аллах, я не смалодушничал, но у меня надежда только

на тебя. Только ты знаешь, что будет с твоим посланником святым Шамилем и со мной... Я не бросаю добросердечных абадзехов, доверившихся мне, в трудный час. Я не могу их предать, я отдал им много лет своей жизни. Разве можно узнать все, что с нами случится? Я не ищу себе теплое место в Турции, но Россия... Что сделает она для меня?..»

– Солнце зашло, наиб, повсюду тишина... – слова Мирзабеча вывели наиба из раздумий.

– Да, солнце зашло... Наши гости, я думаю, уже подъезжают к Туапсе. Что их ждет?.. Там война... Вот так и устроен этот мир: солнце заходит – луна восходит, звезды появляются на небе... – И решительно заключил: – Едем в Майкопскую крепость, мне нужно встретиться с генералом Филипсоном. Но это тайная встреча, ты должен молчать.

Два всадника поднялись на пригорок Майкопской возвышенности, прислушались: в темноте притаился лес, пугая своей неизвестностью, с правого берега реки Шхагуаш-Белой на трех сторожевых постах горели костры.

Магомет-Амин и Мирзабеч выехали из леса, достигли берега реки Белой. Им перегородили дорогу дозорные казаки:

– Стой, кто идет?

– Азишт, – произнес наиб пароль, и их пропустили. Один из солдат проводил всадников к генералу Филипсону.

– Я был уверен, наиб, что вы приедете, но сегодня не ждал, – подчеркнуто вежливо встретил ночного гостя генерал.

– Не все так, как мы хотим, генерал, случается в этом обманчивом мире... – начал издали Магомет-Амин. – Я не знал заранее, что приедут предводители шапсугов и убыхов, но вы тут же прислали свое требование по их пребыванию... – И шутя добавил: – Получается, генерал, вы знаете о каждой птице, летающей по Абадзехии.

Филипсон поддержал его шутливый тон:

– Да, наиб, но мы еще не знаем, какая будет зима и как весеннее солнце подействует на абадзехов. – И уже серьезно продолжил: – Мы с вами храним тайну и должны доверять друг другу, потому скажу: тропинка, по которой вы отправили своих гостей, для меня уже не тайна, хотя узнал о ней не от вас.

– Я подозревал это, генерал, потому сейчас здесь. Но зачем нам упрекать друг друга, в горах Абадзехии много тайных троп, и вы наверняка их знаете. Я сделал все, что требовалось от меня. Теперь думаю, под каким предлогом я оставлю абадзехов, которых вел за собой более десяти лет. Я понимаю, Григорий Иванович, что вы можете сейчас пленить меня, и не обижусь на вас, но мы оба знаем, что абадзехи не простят вам это. Поступим, как договаривались перед подписанием мирного соглашения. Скажете, что я достаточно предводительствовал чужому вам племени абадзехов и вы вправе запретить дальнейшую мою деятельность. Да благословит меня Аллах!

«Да, каждый думает о себе, – подумал генерал Филипсон. – И плененный нами Шамиль, и этот святоша противопоставили нам Черкессию, объявив священную войну – газават, а когда это обернулось против них, ищут любые пути отхода. Как говорят адыги: «Сиди дома, никуда не выходи, но когда я вернусь, чтоб тебя не было». Так и этот... Твое счастье, наиб, что, прибегнув к хитрости, ты заключил с нами выгодный для себя «мирный договор», тем самым успокоив абадзехов. Если они узнают, кто ты на самом деле и что соглашение твое липовое, они раздерут тебя на куски за предательство. Но мы не будем сейчас рубить опоры моста, на котором находимся. Пусть пока рассказывает нам, как ценят и уважают его абадзехи. Может, сказать ему, что я знаю о нем...»

– Вы думаете, наиб, что абадзехи хорошо относятся к вам? – спросил Филипсон гостя.

– Не понимаю, генерал, почему вы так говорите, – неожиданный вопрос застал Магомет-Амина врасплох. – Вы знаете что-то, чего не знаю я, Григорий Иванович? За моей спиной заговор?..

– Все может быть... В горах не бывает прямых троп... Кто знает, что будет завтра, мы живем в мире, где неизвестно, что может случиться сегодня.

– В этом, генерал, я согласен с вами. Кто из нас знал, что абадзехи заключат с вами мир?.. Пока это не произошло я тоже не верил, хотя немало сделал для его заключения. Теперь многие с недоверием относятся ко мне и могут упрекнуть, что я чужак. А что они могут сделать завтра – не знаю, поэтому хочу как можно скорее уйти от них.

– Как вы это себе представляете?

– В следующую святую пятницу я соберу хасэ абадзехских старост. Вы явитесь на хасэ и объявите, что мне приказано без промедления быть готовым к отъезду в Петербург.

– А семья? – спросил Филипсон.

– Моя семья останется здесь. Аллах поможет, и когда-нибудь они вернутся ко мне. Если хотите, объявите абадзехам, что я пленный, – неуверенно закончил Магомет-Амин.

– Нет, наиб, так не годится, – не согласился Филипсон. – Боюсь, мы только навредим нашим отношениям с абадзехами, объявив о вашем пленении. Как бы они к вам ни относились, но вы их предводитель и абадзехи будут защищать вас. Объявим, что вас пригласили в Петербург на встречу с императором по решению их проблем.

– Пусть будет так, генерал, только бы мне побыстрее оказаться за Кубанью.

– Позволим сотням абадзехских всадников проводить вас.

– Это многовато, генерал, – пошутил наиб. – Но как решит Аллах, так и будет.

– Да, мы тоже просим Бога, чтобы все произошло так, как задумано. Но кого из доверенных вам вы можете предложить вместо себя предводителем абадзехов?

– Любого, хоть и моего охранника Мирзабеча, – Магомет-Амин улыбнулся, – никто из них не откажется. Вот поэтому, когда абадзехская делегация с просьбой приехала в Дагестан к имаму Шамилю, он отправил меня к ним... Биржев умный, хитрый, но положиться на него нельзя. Цеев, Дауров, Афамготов тоже не лучше... Но зачем вам умный предводитель? Достаточно надеть на голову дурака большую папаху и показать большой палец – он будет гордиться этим.

«Хоть бы быстрее избавиться от твоего присутствия, – подумал генерал, пожимая на прощание руку наиб. – В сердце у тебя одно, на языке – другое, да еще и нас учишь, как решать проблемы. Трусливо сбегаешь от абадзехов, но насмешничаешь над ними, считаешь, что среди них нет достойных. Стоит только сказать тому же Мирзабечу, какой ты на самом деле, он душу вытряхнет из тебя. Но мы не станем это делать, уезжай с миром и ищи место, куда приткнуться свою голову...»

– Счастливого пути, наиб, – пожелал Филипсон гостю. – Может, нужны провожатые?

– Спасибо, генерал, но ночная тьма и тайный путь мои проводники, – пошутил наиб.

Предстоящий отъезд Магомет-Амина Асиялова не остался тайной. Абадзехи разделились на два лагеря: живущие на берегах Белой, Кужипса, в верховьях Фарза и Пшехи придерживались одного мнения, живущие в дальних горах тубинцы и приморские туапсинцы противостояли им. Первые, имеющие мирное соглашение с царским войском, волновались, не зная, что их ждет завтра. Вторые, слышавшие о войске врага, но не видевшие его, в большинстве своем живущие в труднодоступных горах, как в крепостях, были спокойны: что бы ни случилось в Абадзехии, лишь бы это их не коснулось.

На молитвенном поле абадзехского хасэ Магомет-Амин, несмотря на осенний дождливый день, завершил встречу пятничным джумах-намазом.

– Спасибо, абадзехи, я доволен вами,– наиб, умело скрывая свое волнение по поводу своей дальнейшей судьбы, звонким голосом закончил: – Пусть Аллах одарит вас согласием, всегда держите Его в своих сердцах. Он милостив, почитайте Его. Того, у кого Он в сердце, ждет блаженный рай, а кто забудет Его – огненный мост ада. Аллах акбар!» – повторил он три раза вместе со всеми. – Настало мое время отправляться в путь. Не будем заставлять ждать казаков.

– Счастливого пути, наиб, легкой дороги! – пожелал фокотль Гарун Коблев.

– Он бросил нас, а ты просишь блага для него...– отозвался Зауаль Берекетов.

– Занимающийся нашими делами разве может бросить нас?...– сомневался Мазхаб Багов.

– «Лаиллаху иллалах»,– запел Мола Гумиштов припев молитвы, его поддержали собравшиеся.

Более пятисот абадзехских всадников-проводящих, все громче произнося молитву, пересекли вершину Хаджоха и свернули на дорогу, идущую к верховью Фарза в сторону Кубани.

Бачир Марзухаев шепнул Исламу Брагунову:

– Хватит, Брагунов, драть горло. Моя душа против того, что мы кричим молитвы во благо наиба.

– Мы не наибу, а Аллаху произносим хвалу. Но кто это скачет?

– Посмотри на меня, и узнаешь, кто... – буркнул Бачир, который уже узнал всадника в белой чалме.

– Почему вы отстали от посланника Аллаха? – резко остановил коня Магомет эфенди.

– Копыто коня отбито,– ухмыльнувшись, ответил Бачир.

– Это плохо. А ты, Брагунов?

– Оборвалось стремя ...

– У меня нет времени, я должен догнать наиба. Аллах милосердный не оставит вас в беде,– Магомет эфенди тронул коня и, отъехав, бросил через плечо: – Живите с Аллахом в сердце, хоть вы и не слушаете моих проповедей!

И поскакал вслед за всадниками, поднимающимися в гору. Бачир и Ислам сели на коней и поехали обратно. И не только они: у подножия горы виднелись всадники, расходящиеся по домам мелкими группами.

Штабс-капитан Сердюков довел наиба до Прочного Окопа и сдал офицеру Смоленскому. Дальнейший его путь лежал на Санкт-Петербург. «Что ждет меня там, встречу ли я со святым Шамилем?..– И, уже засыпая, Магомет-Амин, как наяву, увидел лица бородатых, вспыльчивых абадзехов.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Не прошло и недели, как Магомет-Амин Асиялов покинул Абадзехию, но уже началась борьба за власть. Биржева и Даурова поддерживали мухтары аулов, находящихся в долинах рек Белой, Кужипса, в верховьях Фарза. За Цеева и Афамготова были тубинские и туапсинские абадзехи. Правда, и во время правления наиба возникали разногласия между ними, но тогда абадзехи старались, чтобы они не достигли ушей наиба, боялись его.

Мирзабеч Гишев, который в правление наиба был повсюду с ним, убеждал абадзехов, что именно он должен принять его власть, потому что казаки доверяют ему. Некоторые видели его на ночных дорогах Хаджоха и Майкопа, Лабинска и Псебая и это заставляло людей задуматься. Сам же Мирзабеч, одаривая старинными

ружьями, саблями, кистетами с серебряными и золотыми узорами и другими мелкими подарками русских офицеров, убедил их в своем дворянском происхождении. Они познакомили его с одинокой казачкой, и он стал иногда к ней захаживать.

– Пока мы здесь бодаемся, – заметил Цеев Биржеву, – большеносый Мирзабеч открыто встречается с гяурами, склоняя их на свою сторону.

Но мысли Биржева были о наибе: «Он должен был сделать все, чтобы между абадзехами установился мир, чтобы они жили в согласии, не противопоставляя свои рода и аулы. Наibu никто открыто не противоречил, он делал здесь все, что хотел: бросал в погреб непослушных, приговаривал к казни, часть бжедугов насильно привел к исламу, а люди, пряча в душе недовольство, показывали ему большой палец. Цеев и я были среди тех, кого он заставлял делать то, что они не хотели. Теперь, когда наиб покинул нас (хотя говорил, что возвратится), я не хочу, чтобы в Абадзехии была вражда между кланами. А гяуры, заключив с нами мирное соглашение, строят вокруг казачьи станицы – Дагестанскую, Нижегородскую, Имеретинскую, Пшехскую, Лабинскую, Псебайскую, Кужорскую, Губскую, Тульскую. Делают дороги, вырубают леса, строят мосты, теперь отовсюду слышны их песни...» – Прервав свои размышления, обратился к Цееву:

– Уважаемый старейший, ты прав, нам негоже так относиться друг к другу. Такие отношения разъединяют людей, а мы должны быть вместе.

– Это правда. Тебя поставили руководить Абадзехией, поэтому думай не только о своей голове. Постарайся жить, уважая каждого, прислушивайся к мнению людей и делай все, чтобы они жили в мире и согласии. Мы надеемся на тебя, Биржев. Сейчас ты сказал, что наиб уехал, неужели он вернется?.. Может, ты что-то знаешь о его планах?

Биржев посмотрел в маленькие черные глаза Цеева:

– Мы оба знаем: наиб в Абадзехию не вернется, хотя на хасэ Сердюков сказал, что его пригласили к русскому императору решать абадзехские дела.

– Я тоже думаю, что наиб не вернется, а если и вернется, абадзехи не примут его.

– Сказанное тобой правда, как и то, что над нами солнце. Но меня больше волнует, чем для нас обернется мирное соглашение, заключенное наибом.

– Когда наиб впервые высказал это, ты, Биржев, был первым, кто поддержал его, – упрекнул Цеев.

– Да, я был его первым помощником, – с вызовом сказал Биржев и добавил: – Но он доверился мне, ты же знаешь, каким скрытным был наиб.

– Я знаю, каким он был, но я не был его глашатаем и посыльным, как ты.

– Цеев, ты обижаешь меня!.. – Биржев отбросил полы черкески своими большими руками, показывая крепкие колени. – Какие у тебя претензии ко мне? Следи за своими словами!

– Не учи меня! – глаза Цеева гневно блеснули. – Я тоже не носом воду пью, вижу, слышу и понимаю...

– Успокойтесь оба, – призвал спорщиков молчавший до сих пор Бжец Дауров. – А ты, Афамготов, не хихикай. Услышали бы нас сейчас абадзехи, оплакивающие сбежавшего наиба, засмеяли. Мирное соглашение – что хорошего оно нам принесло?

– Только позволило расположить между нами казачьи станицы... – едва слышно отозвался Цеев, глядя на Биржева.

– Меня тоже волнует это, русские не выполняют наш договор.

– Если это так, поговори с Филипсоном, который бессовестным образом обманывает нас. Он только и твердит, чтобы мы возвращали ему беглых солдат. На тебя надеются абадзехи, встретиться с генералом, – настойчиво произнес Цеев. Но волнение не отпустило, и он продол-

жил, обращаясь к своим спутникам: – Но и вы, и мы, жители южной стороны Тубы, и туапсинцы знаем правду. Шапсугские и убыхские предводители приезжали к вам, но вы не захотели их услышать, сославшись на мирное соглашение с царскими войсками. А это был их последний крик. Но наиб, топтавший чужую землю, не дал вам возможности услышать его. Получается, только и умеем рассказывать друг другу о своем мужестве и храбрости, никакой пользы от этого разговора. Поехали, Афамготов, к нашим тубинским абадзехам.

Биржев и Дауров остались на развилке, глядя вслед двум всадникам. Те ехали к лесу легкой рысцой и скоро исчезли в лесной чаще. Биржев в душе признавал право Цеева и чувствовал себя виноватым в их словесной перепалке.

– Успокойся, ты же знаешь его характер, – видя переживания Биржева сказал Дауров.

– А ведь Цеев прав. Кто знал, что наиб, заключив соглашение, сбежит к нашим неприятелям. А нас все это время подбивал воевать с ними.

– Он почувствовал, что дела его пошатнулись, поэтому и спрятался.

– А нам, вместо того, чтобы провожать его с тысячью всадниками, теша самолюбие, надо было утопить в том водовороте, в котором нас оставил. Прикрываясь Аллахом и пугая их адом, он обманывал абадзехов. Бесполезно теперь стрелять в того, кого уже не достанет пуля. У нас как: встретятся два адыга и перемалывают кости третьего, а тот живет припеваючи. И это вместо того, чтобы решать свои проблемы.

Из-за горы Оштен показалась черная туча, не спеша плывя в сторону Лаго-Наки. Два горных орла парили в небе, высматривая добычу. Из леса, в котором исчезли абадзехские всадники, показалась арба с дровами, запряженная волами. Сначала Биржев и Дауров увидели мальчика, сидевшего на ней, затем двух вооруженных всадни-

ков, следовавших за арбой. Это были Мирзабеч Гишев и Мола Гумиштов.

– Салам алейкум, доброго вам дня, старейшины, – смешав арабское и адыгское приветствия поздоровался Мола. И, не дожидаясь ответа, продолжил: – Если вы ищите Цеева и его спутника, они только что проехали в то ущелье, сделав вид, что не заметили нас.

– Гумиштов, не надо много говорить... – остановил его Мирзабеч. И, опомнившись уважительно обратился к Биржеву и Даурову: – Я думаю, что эти тубинцы вам не нужны, иначе бы вы поехали с ними... Да и о чем говорить с теми, которые тебя не понимают.

– Про Цеева и Афамготова так не говори, – возразил Биржев. – Они решают абадзехские дела и мы только что проводили их. – И с намеком на его происхождения спросил: – А ты, Гишев, как живешь, как твои дела?

– Да у нас какие дела... Мола попросил помочь заготовить дров к зиме. Вот, везем.

– Да, – подхватил Гумиштов, – спасибо Мирзабечу, пусть Аллах благословит его, помог мне. Мы уже боимся даже в лес заходить... Вот, слышите, гяуры поют. Они строят себе дороги, вырубая лес, оскверняют родники, водой из которых мы делаем омовение перед намазом...

– Но это не остановило нас, мы вывезли из леса полный воз дров, – добавил Гишев.

– Благодаря тебе, Мирзабеч, пусть Аллах удлинит твои годы. Ты хорошо ладишь с казаками, умеешь договариваться с ними.

– Это хорошо, Мирзабеч, что у тебя есть такая возможность, – похвалил Дауров.

Гумиштов был доволен похвалой в адрес Гишева:

– Такими умными и храбрыми мужами, как он, нельзя пренебрегать. Ну и что, что когда-то он охранял беглого наиба... Смотрю на вас, старейшины, и не понимаю, почему вы без охраны.

– Спасибо, Мола, что ты беспокоишься за наших старейшин. В наше время никому нельзя доверять, нужно всегда быть настороже, – поддержал его Мирзабеч.

– Да, в горах становится опасно, – согласился Биржев. – Во времена наших дедов люди в Абадзехии жили свободно, не так, как теперь. Но если будем понимать и поддерживать друг друга, сохраним себя. – Сделав паузу, обратился к Мирзабечу: – В ближайшие дни ты будешь нам нужен, приходи.

– Я готов хоть сейчас.

– Сегодня мы не готовы, позже дадим знать.

– Как скажете...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

С южной стороны гор неожиданно сверкнула молния и загрохотал гром, рассыпавшись на множественные осколки. Как бы передразнивая его, откликнулось эхо и затихло в долине Кужипса. Одинокая туча уронила на землю несколько дождинок.

– Бисмиллах, о Аллах, что за гром грохочет осенью!.. – испуганно воскликнула Джаншир и позвала дочь: – Нат-Нат, ты где? Гроза не напугала тебя?..

– Нет, нана. Чего я буду пугаться, это же не пушка ... – Нат-Нат вышла из другой комнаты и, заплетая косу, остановилась у двери. – Тат говорил, что и зимой гроза бывает. А сейчас и дождь идет, и солнце светит... Смотри, у Тамбиевых и Брагуновых дождя нет...

– Так бывает, дочка, – согласилась Джаншир и подумала: «Как она подросла за нынешнюю осень... Девочка становится совсем взрослой». Приостановила бег спиц на недовязанных носках и попросила дочь: – Нат-Нат,

отойди от окна, молния сверкает... – «О Аллах, у девочки с языка не сходит фамилия Брагуновых... Неужели в ней проснулся зов крови?..»

– Да мне-то ничего, – сказала Нат-Нат, не отходя от окна, – а вот тем всадникам... Над их головами сверкает молния и грохочет гром... Одного из них я узнала – это дядя Магомет. Другого тоже где-то видела... Вспомнила! Прошлым летом наiba приглашали в наш аул прочитать Коран, он был тогда с ним... Это Мирзабеч.

– Ходили слухи, что он уехал с наибом. Наверное, не пришлась по нраву чужая сторона... – сказала Джаншир и добавила: – Хорошо, что мы приготовили хороший завтрак, хотя гостей и не ждали... Отца твоего дома нет, иди, встречай дядю и его спутника.

– Да, нана, я встречу их. – И уже с порога заметила: – Но когда это у нас не была готова еда, чтобы тут же поставить ее на стол?

– Это так, дочка. Мы, адыги, всегда готовы накрыть стол, чтобы встретить гостя, так нас воспитывали из поколения в поколение. И приготовь им воду для мытья рук, – сказала Джаншир вслед Нат-Нат и подумала: «Мой деверь, говорят, враждует с Мирзабечем... Что же свело их вместе? Быстрее бы возвращался Бачир, с утра его ждем с пастбища...»

Нат-Нат занесла в комнату гостей тазик, кумган с водой и вышла. Мирзабеч спросил Магомета эфенди:

– Это воспитанница Бачира? Пусть Аллах умножит твои благие дела, эфенди, я бы ни за что не подумал, что она не черкешенка. Как ты сказал ее зовут?

– Я зову ее Нафисет, она сама так хочет, Бачир и невестка зовут ее Нат-Нат, так же называют и в ауле. – И шутливо продолжил: – А что, Мирзабеч, может, хочешь ее за родственника сосватать? Учти, я хороший калым запрошу, боюсь, тебе это будет не под силу.

– Я об этом не думал, эфенди... Но если понадобится, то найдем, сколько будет нужно... – тоже шуткой ответил

раскрасневшийся от бузы Мирзабеч и уже серьезно добавил: – О, Аллах, только бы вас не коснулась клятва мирного соглашения, где говорится о перебежчиках... Если бы Мишка Брагунов не поменял этот мир, русские бы потребовали его выдать.

– И это несмотря на то, что он прожил свою жизнь истинным адыгом и исповедовал ислам... – заметил Магомет эфенди.

– И что из того? Разве сложно поменять религию?

– Мирзабеч, мы с тобой часто ссорились, и наиб мирил нас. Но о священной мусульманской религии, данной нам Аллахом, я не позволю так говорить! – Магомет эфенди побледнел от негодования, потом, взяв себя в руки, сказал примирительно: – Неужели у нас нет других дел, как говорить о девочке, уже забывшей о своем роде?

Мирзабеч, делая вид, что соглашается с эфенди, который так и не обзавелся своей семьей, подумал: «Об этой девочке вы еще услышите, и тогда посмотрим, что скажете». И засобирился:

– Говорят, насытившись, гость смотрит на дверь. Меня ждет Хасан Биржев. Было бы приятно, если бы ты стал моим спутником.

– В той стороне у меня нет дел. А того, кого ты только что назвал, меньше всего хочу видеть. Но я обещал поехать с тобой и слово свое сдержу. Мне интересно, зачем ты ему понадобился? Ведь он отвергает тех, кто был рядом с наибом, а меня в первую очередь.

– Воистину, не думал, что он так с тобой обойдется... Кое-что слышал, но не верил... Однако, Бачира, чей хлеб мы едим, он приблизил к себе.

– Знаешь, Мирзабеч, на самом деле я и раньше не очень-то был близок к Биржеву, но ради наива и моего брата старался ладить с ним. А после того, как стал главой, точнее сказать, сам присвоил себе обязанности предводителя, он совсем забыл о моем существовании. Вот посмо-

тришь, между ним и Цеевым еще пробежит черный джин. Вспомнишь потом мои слова.

– Я иногда тоже так думаю... Биржев неправ, что игнорирует такого мудрого эфенди, который трижды посетил Каабу, совершил хадж, был советником наива... – И подумал: «Знал бы, что они так относятся друг к другу, не попросил бы эфенди сопровождать меня». – Но ехать надо. Узнаю, что ему нужно от меня. И о тебе поговорю. Такого эфенди, как ты, где он найдет? Хотя я, кажется, знаю, что ему нужно от меня. Думаю, что и ты ему понадобишься.

– Я бы поехал, но как без приглашения...

– Как хочешь... Даже если не поедешь, слово свое сдержу, поговорю о тебе.

– Нафисет! – позвал Магомет эфенди племянницу, и когда она вошла, сказал: – Твоя мать, невестка наша, хорошо покормила нас. Передай ей спасибо.

– Да, да, – поддержал его Мирзабеч, – твоего старшего брата Бачира мы не застали дома, но обильный стол и без хозяина встретил нас по обычаям. А ты, девочка, принеси счастье в дом Марзухаевых. Пусть Аллах исполнит все твои желания, и даже те, которые ты тайно держишь в своем сердце. А теперь нам пора в дорогу.

– Ты только вернулся, Мамет, и опять уезжаешь? – спросила Нат-Нат, называя дядю коротким именем, которым звала его с детства. А в голове билась мысль: «Что имел в виду этот Мирзабеч, желая исполнения моих тайных мыслей, на что намекал?»

– Да, Нафисет, мы поедем к Биржеву, он нас ждет.

Джаншир, увидев Нат-Нат, встревожилась:

– Что случилось, девочка моя? Твои щеки огнем пылают... Неужели гостю не понравилось, как ты присматривала за гостевым столом? Он пожелал счастья нашей семье. Что в этом плохого?

– Я не маленькая, понимаю, на что он намекал. А Мамет ему ничего не сказал... – Нат-Нат бросилась на грудь матери и заплакала.

– Не плачь, доченька, не плачь, моя красавица... Твой отец разберется с ними!

– Мамет не виноват... А Мирзабеч, что я ему сделала, что он так со мной...

– Пусть Аллах покарает его, пусть заведет его туда, откуда дороги нет! Если и деверь мой виноват, пусть и он с ним пропадет! – крикнула Джаншир в ту сторону, откуда доносился топот копыт.

– Нана, я же сказала, что Мамет не виноват!

– Виноват, если дал Мирзабечу обидеть тебя...

В комнату вошел Гучипс Брагунов. Услышав слова соседки, пошутил:

– Чем Мирзабеч обидел тебя, Наталка?

– Не называй меня так!.. – крикнула ему Нафисет.

– Дети мои, не надо ссориться из-за пустяков, – стала успокаивать их Джаншир.

Нат-Нат готова была опять броситься в объятия матери, но присутствие Гучипса сдержало ее.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Два всадника подъехали к подножию горы и поднялись на пригорок. Мирзабеч огляделся. Окружающая красота природы захватывала дух.

– Посмотри, эфенди, как прекрасен абадзехский мир! Видел ли ты такую красоту в песочно-пустынной Каабе?

– Мирзабеч! Не говори такие слова о Каабе! Таким Аллах сотворил этот мир, где испытывает своих правоверных. И когда призовет к себе, узнаем, где находятся рай и ад. А сейчас абадзехи стоят на мосту ада. Если бы мы послушались наибо, то такого бы не произошло. Благослови и сохрани нас, Аллах! – эфенди поднял перед

собой руки, прочел молитву на языке Корана, а закончил ее на адыгском языке.

О красоте и манерах Нафисет Марзухаевой Мирзабеч был наслышан, но сейчас убедился, что люди говорят правду. Эта девочка все время стояла перед глазами. Он сказал ей всего несколько слов, пожелал счастья, но и намекнул на ее прошлое. Она поняла, побледнела. Неужели у Марзухаевых действительно есть какая-то тайна рождения этой девочки? Эфенди, мой спутник, наверняка знает ее, но тоже хранит молчание. Говорят, какая-то вдовья казачка родила этого ребенка от Бачира, а он девочку забрал. Неужели правда?.. И как женщина могла согласиться?!.. Хотя, все может быть, в мире много чего происходит... Держа уздцы и стремя, мне помог сесть в седло белобрысый парень. В нем течет русская кровь, но родила его черкешенка, а отец – полуказак Ислам Брагунов, считающий себя мусульманином. Мы, адыги, не уважаем себя, позволив этому инородцу стать аульским старостой, не замечая того, что они потихоньку прибирают нас к рукам... Да разве только они: Марфушка, к которой я захаживаю, чтобы облегчить душу, не замечает своих чубатых казаков, и каждый раз намекает, что готова со мной создать семью... А этот эфенди разделяет людей на мусульман и христиан. А разве любовь различает религии?..

– Вот так и живем, – как бы продолжая свои размышления, произнес Мирзабеч и неожиданно закончил: – А Нафисет совсем на вас, Марзухаевых, не похожа...

Магомет эфенди резко оборвал его:

– Мирзабеч, не будем об этом говорить, тебя это не касается.

– Да?.. Твой ответ о многом говорит. – Гишев сделал паузу и сказал: – А казаков, беглых, их сродственников, надо вернуть. Есть такой договор.

– Нафисет Марзухаева и Брагуновы не попадают под этот договор, они мусульмане. Еще раз прошу тебя, не лезь

не в свое дело! – Всегда спокойного Магомета эфенди трудно было узнать.

– Эфенди, что с тобой случилось? – Мирзабеч приостановил коня. – Не знал, что ты умеешь так кричать. Ты прав, я не должен лезть в ваши семейные дела, поэтому больше ничего говорить не буду.

– Извини, если я обидел тебя. Но и мы наслышаны о твоих не самых хороших поступках.

– И каких же, дорогой эфенди? – перешел на шуточный тон Мирзабеч.

– Как тебе сказать... К женщине, исповедующей другую религию, ходить грех.

– Во-ви! – в голосе Мирзабеча были слышны нотки гордости. – Откуда вы узнали о том, о чем мужчина сам не говорит?

– От людей не скроешь, все тайное когда-нибудь становится явным.

– Эфенди, вот смотрю на тебя и удивляюсь, что Аллах сотворил тебя таким наивным... Разве любовь различает людей по религиям?..

– Воистину, не знаю, что сказать...

– Вот поэтому я и не стану говорить тебе о том, что связывает мужчину и женщину. «Если бы ты испытал эту сладость, то не ходил бы до сих пор бобылем. Хорошо, что ты, похоже, не знаешь о моей дружбе с русскими офицерами», – подумал Мирзабеч и перевел коня на рысь.

Сквозь поредевшую осеннюю листву леса показался аул Биржхабль.

Гишев продолжил разговор:

– Мне приятно, эфенди, что ты поехал со мной. Но у меня просьба: о чем бы мы ни говорили с Биржевым – не вмешивайся, даже если мое дело обернется не так, как я предполагаю.

– А если меня спросят о тебе?

– Спросят, говори только хорошее, не зря же мы с тобой всегда были рядом с наибом.

– Из-за наиба нас, наверное, и пригласили. Но за собой я не знаю никаких плохих дел. – И тут же добавил: – Да и у тебя их нет...

Мирзабеч заметил, как быстро Магомет эфенди себя поправил. «У него на языке Аллах, а все хитрит, не хочет признаться, что самые жестокие решения наиб согласовывал с ним. А эфенди именем Аллаха делал все, чтобы люди следовали за ним. Когда я позвал его в эту поездку, он сделал вид, что колеблется, хотя на самом деле очень заинтересован в ней... Посмотрим, что нам скажет новая власть. Но мирное соглашение с Филипсоном наиб заключал не один, вся Абадзехия была заодно с ним. А теперь получается, что не все у нас так благополучно, как хотелось бы». И, отвлекаясь от своих мыслей, оглянулся вокруг:

– Что бы ни происходило с нами, эфенди, но как же красив наш абадзехский мир! В долине Кужипса тепло, а здесь, на вершине, снег.

– Холодный ветер с ледника Оштена спускается все ниже, зима уже на пороге, – отозвался эфенди.

– Да, скоро зима... Но сейчас надо поторопиться, Биржев уже ждет нас.

«Какое мне дело до всего этого, куда мы торопимся? – пуская коня в рысь размышлял Магомет эфенди. – От взглядов и поступков Биржева я далек, время наиба было лучшим для меня, я был помощником во всех его делах. Мы укрепляли мусульманскую религию в Абадзехии, строили мечети, открыли медресе. Я организовывал суды-хикумы, выбирал людей в правление хасэ... Пстой, эфенди, не говори, что все это только твоя заслуга. Почему тогда Биржев пригласил к себе бывшего охранника наиба, забыв, что я еще живу на этом свете... Даже не знаю, за что он мог обидеться на меня. Когда-то Даурова я назвал безбожником, может, это не могут мне простить? И Цеева я упрекал в этом, но он не враждует со мной...»

Обычно у коновязи аульского мехкаме было много коней. Сегодня же стояли только две лошади. Время полуденного намаза, вокруг ни души. В ауле, где живет более ста пятидесяти семей, не слышно ни лая собак, ни пения петухов. Дверь мехкаме нараспашку, охраны нет.

– Эти два коня, если не ошибаюсь, Биржева и Даурова, – Мирзабеч накинул повод на коновязь. – Видишь, эфенди, они ждут нас.

– Время намаза, потому и нет никого. Совершим и мы омовение и встанем перед Аллахом на намаз... А вот и наши главы. – Магомет эфенди обратился к ним: – Пусть Аллах умножит ваши благие дела, давненько мы не виделись, не советовались, но я всегда с добром вспоминаю вас... – Тут Мирзабеч многозначительно кашлянул, и Магомет эфенди продолжил разговор: – Гишев пригласил меня поехать с ним, и я согласился, в наше время опасно одному отправляться в путь... Но если вам нужно поговорить наедине, оставлю вас.

– У нас, эфенди, нет тайных дел, – сказал Хасан Биржев. – Мирзабеч Гишев любит путешествовать в одиночку, но сейчас хорошо, что ты с ним, будешь свидетелем нашего разговора.

– Я хочу быть свидетелем доброго разговора, – пошутил эфенди, хотя по тону Биржева понял, что он не будет благожелательным.

– Что ты хочешь сказать, Биржев? – спросил Мирзабеч, едва сдерживаясь. – Я не понимаю, что за намеки о моих путешествиях в одиночку?

– Сейчас объясним. Мы хотим знать, что означают твои ночные поездки в Майкоп и постоянное пребывание в Хаджохе.

– Интересные вопросы вы мне задаете, – улыбнулся Мирзабеч. – У нас в Абадзехии установлен мир, и я могу ездить, куда захочу.

– Ездить можешь, но тайны земли абадзехской доносить неприятелям не имеешь права, – спокойно ответил

Биржев и добавил с усмешкой: – Мир в Абадзехии ты хорошо используешь, хотя твоя заслуга в нем настолько мала, что даже смешно говорить об этом.

– Хасан Биржев, глава абадзехов, ты оскорбляешь меня! – вскрикнул Мирзабеч Гишев. – Слышишь, эфенди, что они говорят? – обратился он к эфенди, надеясь, что тот поддержит его. Но эфенди молчал, и Гишев продолжил: – Интересные вы люди... Если ты имеешь в виду тайную горную тропу, ведущую в Шапсугию, которую взорвали неверные, то моей вины здесь нет, об этом спроси наиба, чьим сторонником ты был. Да, у меня есть два-три знакомых русских офицера, но что в этом плохого? А на рынке в Хаджохе или в Четуне-Лабинске казачки сами заигрывают со мной, вы что, можете запретить им это?..

Магомет эфенди тут же замахал руками:

– Связь с неверными женщинами запрещена исламом! Не нужно слушать их заигрывания, они могут приворожить.

Мирзабеч рассмеялся, показывая крепкие белые зубы и, прищурившись, сказал:

– Ты, эфенди, еще не старик, а живешь одиноко, не имея семьи. Что ты можешь знать о казачках? Но если они тебе так неприятны, почему же вы, Марзухаевы, удочерили одну из них?

– Твое счастье, Мирзабеч, что мы здесь не одни. Да и нельзя мне, посланнику Аллаха, чьи дела я вершу на земле, опускаться до подола твоей грязной черкески.

– Ты меня оскорбляешь!

– Успокойся и не кричи, Гишев, ты не в лесу, – одернул его Биржев. – Не забывай, где находишься.

– Теперь я понял, зачем вы меня пригласили. Понял и то, каков этот эфенди, переметнувшийся к вам. Если вы все сказали, то мой конь под седлом. – Мирзабеч Гишев встал, дошел до двери и, криво улыбаясь, проговорил: – Как-то я предлагал вам, уважаемые, поставить здесь охрану, да и в путь не отправляться без нее. Нет, я не

пугаю, просто беспокоюсь о вашей безопасности. А ты, эфенди, почему сидишь? Как приехали вместе, так и будем возвращаться.

– Да, Мирзабеч, хоть мы и сказали друг другу несколько неприятных слов, я готов отправиться с тобой в обратный путь, если у наших глав нет ко мне других дел.

– Какие дела, эфенди? Мы рады, что встретились с тобой, поговорили, – ответил Биржев и обратился к Мирзабечу: – А ты подожди, мы еще дадим тебе возможность высказаться.

– Спасибо, что уважили. Но я не меняю свои решения и уезжаю сейчас. А ты, эфенди, поторопись, буду ждать тебя у околицы.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Магомет Марзухаев и Мирзабеч Гишев не были друзьями. Может, они никогда бы и не встретились, но их судьбы пересеклись благодаря наибу Асиялову.

С истинным рвением Магомет эфенди творил свои богоугодные дела в Тамбиехабле, расположенном между Белой и Кужипсом. Много сил и энергии он вложил в строительстве аульской мечети, а отсутствие семьи только помогало ему безраздельно служить исламу. Махоши и беслинеи хорошо знали его и часто приглашали на совершение обрядов бракосочетания, похорон, на проведение религиозных праздников. Свои же, абадзехи, живущие в средней и восточной частях Абадзехии, были не столь привержены к проведению мусульманских обрядов. Во время плена русского офицера штабс-капитана Торнау, Марзухаев два года был верным помощником приехавшего из Турции Абдуллаха эфенди, пока не разобрался в

его истинных намерениях. После него абадзехи пригласили из Дагестана наиба Магомет-Амина Асиялова. Магомет Марзухаев был эфенди и подчинялся Верховному абадзехскому религиозному управлению мехкаме, верой и правдой служил наибу до тех пор, пока тот не оставил их.

Мирзабеч Гишев, тфокотль, родился в ауле Накар, расположенном в горах недалеко от Туапсе. Возмужав, он забрал со двора единственного верхового коня и исчез, оставив своих престарелых отца и мать без помощи и участия. Несколько лет прожил в убыхской стороне, там женился на девушке-сироте из племени садз. Вернувшись с женой и немой дочерью в аул, родителей в живых не застал. По натуре был бесшабашным человеком, любил свободу, в ауле никогда не знали, куда он уезжал и когда будет дома. Его дочь умерла от оспы, жена не вмешивалась в его дела и не обращала внимания на похождения мужа. Но когда он на несколько дней возвращался домой, эти дни были для нее праздником.

Наибу Магомет-Амину был нужен спокойный, услужливый эфенди, поэтому из всех приглянувшихся ему он выбрал Магомета Марзухаева. Охранником взял Мирзабеча Гишева, надеясь, что этот большой и сильный человек будет верно служить ему.

Так Магомет и Мирзабеч, два человека с разными взглядами на жизнь, стали ближайшими сподвижниками наиба. За эти десять лет только горы оставались неизменными, а на абадзехской земле произошло много бед и разрушений. Сюда пришли люди, которые силой оружия стали завоевывать их земли. Война принесла неисчислимые беды и потери, многие семьи остались без своих кормильцев. Люди устали от войны, поэтому поверили наибу, который обещал им мир, но он предал их. Хотя мир в Абадзехии вроде и установился, но вместо адыгских песен теперь повсюду были слышны казацкие. Пушки молчат, штыки не ломаются, кинжалы и сабли не тупятся,

но под разными предлогами царские войска продвигаются вглубь Абадзехии, в сторону Туапсе, Черного моря.

Мирзабеч Гишев размышлял: «Зачем я жду эфенди, зачем мне нужен такой ненадежный человек? Эти двое только улыбнулись ему, и он готов бросить меня. Остался с ними, хотя я сказал, что уезжаю...» – Мирзабеч пнул коня пяткой в бок, тот испуганно вскинулся. Но не зря говорят: если сердце всадника не спешит, то и конь не бежит. Он слез с коня, ослабил подпругу, потом подтянул ее обратно. – Гишев, какой ты дурак! – Мирзабеч плеткой ударил себя по голенищу. – Почему не остался поговорить с ними, зачем дал обиде завладеть тобой? Пусть бы эти два надутых индюка меня пожурили, дали совет, их бы успокоило это. Потом, когда русские войска укрепятся в Абадзехии, я бы им показал, кто будет главенствовать! А власть они захватили у бедных абадзехов, воспользовавшись их доверчивостью. Сколько своих тайн я открыл этому выскочке мулле Марзухаеву, который предал меня. Но он ответит за это. Если не верен тот, кому доверяешь, его нельзя оставлять ни во врагах, ни в друзьях. Много таких я убрал со своей дороги! В Абадзехии я могу доверять только Цееву и Афамготову...»

В это время Магомет эфенди во весь опор несся к ожидавшему его Мирзабечу Гишеву и мысли вертелись вокруг него: «...Я упрекнул его за связь с казачкой, а он унизил меня перед уважаемыми людьми, назвав нашу девочку бродяжкой. Я еще могу простить ему упреки в том, что у меня нет семьи, но не потерплю оскорбления по поводу Нафисет, да и Бачир не простит ему это. Но таких людей, как Гишев, никакие доводы не успокоят, а в своих неблагоприятных поступках он может обвинить меня и люди перестанут доверять мне. Биржеву и Даурову я ничего о нем плохого не рассказал, хотя было что поведать. Чтобы люди с тобой считались, нужно поступать с ними по-человечески, а ко мне, эфенди, должны относиться с уважением. Однако, что-то Гишева не видно, неужели

уехал, не дождавшись меня?.. Мне много раз случалось ждать его и дольше. Ну что же, Аллах нас рассудит. Но если бы знал, что он не дождется, остался бы в Биржхабле. Да и знакомства с другими людьми не были бы лишними...»

– Долго тебя пришлось ожидать, – раздался из-за кустов голос Мирзабеча.

– Я думал, ты уже уехал.

– Я не такой как ты, Марзухаев.

– Двух одинаковых людей Аллах не сотворил, Мирзабеч. Люди бывают похожи внешне, но души у них разные.

– Но твоя душа, Марзухаев, тянется к тем двоим, от которых сейчас уехал. Ты каждое их слово ловил с открытым ртом.

– Следи за своими словами, Мирзабеч, не говори лишнего... – сдержанно ответил эфенди. – Но эти двое, на которых ты обиделся, зла на тебя не держат.

– Я слишком много знаю о них... Хотят умиловить меня? – недобро засмеялся Гишев.

– Лишнего человека Аллах не пускает в наш временный мир... – задумчиво ответил эфенди и вдруг спросил: – Ты что это называешь меня по фамилии?

– Не вижу в этом ничего обидного. – На лице Мирзабеча промелькнула едва заметная усмешка. – Если хочешь, буду, как наиб, называть тебя муллой.

– Нет, мне больше нравится, когда меня называют Магомет эфенди.

– Хорошо, Магомет эфенди, – быстро согласился Мирзабеч, – буду называть тебя так, как ты хочешь. Но настало время намаза, время предстать перед Аллахом. Совершим его здесь, на берегу реки и попросим у Аллаха разумения и мудрости.

– И попросим не только за себя, но и за наших соплеменников абадзехов и за других адыгских племен.

– Да, Магомет эфенди, пусть нашу молитву Аллах донесет до всех мусульман и одарит их добром, особенно шапсугов, им сегодня тяжело. Переговоры с генералом Филипсоном ни к чему не привели, их надежды не оправдались.

– Это так, – подтвердил эфенди Марзухаев и подумал: «Простит ли Аллах Гишеву его нечистые дела...»

Сделали омовение на берегу Шхагуаш-Белой, которая с шумом и ревом несла свои воды по камням, а на совершение намаза поднялись на ее высокий берег, который эфенди посчитал более близким к небу и Аллаху. И в тот момент, когда они оказались рядом, Магомет эфенди неожиданно для Мирзабеча столкнул его в ущелье ревущей реки. Мирзабеч издал страшный крик, но уже спустя мгновение река несла в своих бурных водах его тело. Эфенди отряхнул руки, как бы избавившись от чего-то ненужного, и спокойно встал на полуденный намаз.

«Если кто и был свидетелем в моем деле, то только орел, одиноко паривший в небе», – подумал Магомет эфенди после намаза. Коврик-намазлык Мирзабеча Гишева свернул и приторочил к луку его седла. Не глядя в глаза коню, погладил по холке: «Извини, он сам виноват. Я знаю, что если бы первым не сделал это, он не пожалел бы меня... Пошли, я не оставлю тебя здесь...»

Держа оба коня за поводья, Магомет эфенди некоторое время шел пешком, и только когда конь Мирзабеча заржал, сел на своего. Но перед глазами стояла картина гибели Гишева, которого несет быстрая горная река. Ему даже показалось, что конь ржет оттого, что его хозяину удалось спастись и он находится где-то на берегу. Магомет эфенди рысью проехал вперед, потом свернул в придорожный лес. Не слезая с седла, попросил Аллаха, чтобы он простил его грех и произнес молитву.

«Аллах, создавший Мирзабеча, знал, что у него будет такой конец, я сделал это с его благословения, – пытаюсь

оправдать свой поступок, успокаивал себя Магомет эфенди. Беспокойство вызывал только конь убитого. – Что мне с ним делать? Люди заподозрят меня, если привести его домой. Биржев и Дауров знают, что Мирзабеч ждал меня за околлицей. Оставить коня в лесу не могу, безвинное животное съедят хищники. Скажу, что Мирзабеча не нашел, а его коня увидел на поляне и не смог его оставить. Пусть Биржев и Дауров организуют поиски, я тоже буду с ними искать, но не думаю, что исчезновение Мирзабеча их обеспокоит...»

Но получилось не так, как предполагал Магомет эфенди: услышав новость, люди разделились на две группы и под предводительством Биржева и Даурова устремились на поиски пропавшего. Прочесали лес, берег реки, ущелья, ближние аулы и, не найдя его, вернулись в Биржхабль.

– Такие мужи, как Мирзабеч Гишев в Абадзехии не пропадут, думаю, он со временем вернется, – высказал свое предположение Мола Гумиштов и все с ним согласились.

Магомет эфенди в эту ночь остался в Биржхабле. Утром в аул прибыли два казака и сообщили Хасану Биржеву, что ими в реке был выловлен труп Мирзабеча Гишева.

– Вы не могли ошибиться? – от неожиданности переспросил он казаков и добавил: – Если так, мы сделаем все, что полагается в таких случаях и похороним его по нашим обычаям.

– Да, уважаемый Хасанбий, – согласился с ним Магомет эфенди. – Безвременно погибший был моим другом и достойным мужчиной. Надеюсь, для него будут открыты двери рая, попросим об этом Аллаха.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

– Цеев и Афамготов едут! – услышал Биржев голос Гумиштова, докладывавшего о каждом, кто приближался к околице аула. – Если желаешь, старейший, их встретить, кони под седлом, мы готовы.

– Они едут из далекой Тубы и заслуживают, чтобы их встретили. – Биржев отодвинул нарды, в которые играл с сыном Азиштом. – Скажите дворовым, чтобы приготовили хороший обед.

– А если они едут с плохими намерениями? – зная упрямый характер Цеева спросил Азишт.

– Всех, кто приходит без оружия, сын мой, адыги принимают как гостя. Пошли, встретим гостей как полагается по обычаям наших предков.

Вечером в гостиной Хасана Биржева собралось много людей. Послали гонца и в аул Бжеца Даурова, расположенный недалеко.

Столики-анэ ломились от блюд из козлятины, баранины, горячих щалам и напитков. Мола Гумиштов, следя за подачей блюд на столики, ловил каждое слово и высказывание собравшихся, и громко, чтобы услышали дворовые, обслуживающие их, заметил:

– Поистине, если кто не видел и не слышал мудрость наших старших, о ней расскажут поступки. Буза не туманит их рассудок, они не перебивают друг друга в разговоре, строго придерживаясь адыгэ хабзэ. – И, чтобы заслужить благосклонность гостей, обратился к ним: – Пусть Аллах творит для вас добро, наши дорогие старейшины, но если хотите повеселиться и облегчить сердце песней наших дедов, пригласим музыкантов.

– Твое предложение, тфокотль, хорошее, – сказал Цеев, – но делу, которое нас сюда привело, оно помешает.

– А вечерний намаз будете делать? – осторожно спросил Мола и быстро добавил, поняв свою оплошность: –

Бузу вы пригубили с позволения Аллаха, пропустите и намаз, Он поймет вас...

– Прикрой дверь... – недовольно отозвался Марау Афамготов.

– Не надо так разговаривать с тфокотлями, Марау, – заметил Биржев. – У нас с ними общие дела и заботы.

– Это так, – поддержал Цеев, – они – наша надежда и опора. Мы родились и выросли на этой земле, здесь же сделаем и последний вздох. Нас всех волнует дальнейшая судьба абадзехов. И если я начал этот разговор, то скажу свое мнение. Когда сюда прибыли представители шапсугов и убыхов, генерал Филипсон тут же прислал гонцов, не дав нам поговорить о создании адыгского государства. А дела у нас плохи. Со стороны Екатеринодара войска подошли к шапсугам и жгут аулы. Убыхи со стороны моря перекрыты царскими кораблями. Благодаря наibu Магомет-Амину Абадзехия замирилась с русскими, шапсугов и убыхов тоже вынудят это сделать, дело только времени. Вы знаете, что я был против абадзехо-русского соглашения. Теперь вы видите, что происходит: под разными предложениями неприяТЕЛЬские войска занимают наши земли.

– И окружают казачьими станицами, – добавил Афамготов.

– Скоро и до нас, тубинцев, доберутся, – продолжил Цеев. – Но мы должны беспокоиться не только о тубинцах, но и обо всей Абадзехии, в том числе и о шапсугах, убыхах, садз-абадзах. Разве не время помочь и поддержать их?

– А как это сделать? Собрать им в помощь войско, нарушив мирное соглашение? – с сомнением спросил Дауров.

– Чтобы решить наши адыгские дела, все можно! – отрезал Цеев и спросил Биржева: – А как ты думаешь?

– Насчет войска не знаю, но поговорить с нашими соплеменниками нужно. Если вы готовы – поехали, кони под седлами.

На рассвете абадзехский глава Хасан Биржев, Цеев и Афамготов с группой из двадцати всадников выехали в сторону Шапсугии и Убыхии. Решив, что с ними должен быть эфенди, в ночь накануне отъезда выслали за ним гонца и Магомет Марзухаев присоединился к ним.

Утренние заморозки к хорошей погоде, предстоящий день обещал быть ясным и теплым. Уже после обеда Биржев заметил, что их группа заметно увеличилась.

Цеев успокоил:

– Ты же знаешь адыгов: им не скажешь, что их не звали и наши дела волнуют только нас. Доедем до границ Абадзехии и скажем спасибо, что проводили. – Считая, что это объяснение удовлетворило Биржева, продолжил: – Если не ошибаюсь, всадники Тубы будут ждать нас на той вершине, вчера мы послали им гонца. – И через паузу добавил: – Они хотят остаться у воюющихся шапсугов.

– Но наше соглашение не предусматривает помощи шапсугам и убыхам. Кроме того, мы не имеем права собираться группой более пятидесяти всадников.

– А если нужно будет собрать аульских мухтаров? – Цеев приостановил коня. Всадники, следовавшие за ним, тоже остановились. – Мы и на это должны брать у гяуров разрешение?

– Мы обязаны поставить их в известность за три дня, – с болью в сердце отозвался Биржев.

– Нет, так не пойдет!.. Слышите, абадзехи, что происходит! Вот что сделал с нами переметнувшийся к гяурам наиб.

Магомет эфенди поддержал Цеева:

– Ты прав, уважаемый, пусть Аллах благословит тебя, наиб бросил нас в беде, а сам ускакал к неверным.

– Эфенди! – перебил его Афамготов. – Ты много лет был с ним рядом, тебе не пристало так говорить о нем.

– Правду говоришь, Марау, – спокойно согласился Магомет эфенди, – с соизволения Аллаха наиб нашел меня. Но когда он и для Аллаха, и для людей оказался

черным джином, я его оставил. Мы, люди, можем ошибаться, но Аллах прощает раскаивающегося, давайте помолимся, чтобы Он благословил и сохранил нас.

Произнеся молитвы, Цеев продолжил разговор:

– Да, эфенди, Аллах любит раскаявшегося, потому ты здесь, среди нас.

– Магомет эфенди не только стал одним из нас, – вмешался Биржев, – он согласился стать главным эфенди всей Абадзехии.

– Мы слышали об этом, уважаемый. Но сейчас меня волнует другое. Разве в мирном соглашении абадзехов и русских написано о том, что всадникам, перемещающимся по своей земле, нужно разрешение, как и на проведение абадзехского верховного хасэ или сбор мухтаров?

– Не написано. Но несколько дней назад генерал Филипсон прислал гонца, чтобы тот устно передал мне это.

– Слышишь, Афамготов, а мы не имеем представления об этом распоряжении.

– Вчера вечером хотел сказать, но с этой неожиданной поездкой отвлекся и позабыл.

– Согласен, мы были далеко, уважаемый, но те, кто был рядом, они знают об этом? Похоже, что нет... Такие распоряжения надо доносить до людей, – высказал свое недовольство Цеев и вдруг шутливо сказал: – Что ж, слово есть слово, оно из воздуха появилось и в воздух ушло. Мы ничего не слышали, ничего не знаем. Эфенди, что ты на это скажешь?

– Аллах знает и о нашем мудром главе Хасане Биржеве, и о наших делах, поэтому доверимся Ему. Но в своих делах и поступках мы должны быть чистыми перед Ним.

Цееву не понравился ответ эфенди, он бросил взгляд на Афамготова: слышишь, что говорит. Но тот никогда не обращал внимания на такие мелочи и сейчас, выслушав рассуждения эфенди, спросил:

– А ты в туалет ходишь, Марзухаев?

– Аллах не сотворил человека, который туда не ходит, и воду в кумгане ношу с собой, – не полез в карман за ответом Магомет эфенди.

– Пешком ходишь?

– Не несут!

– Кто знает...

– Афамготов! – не выдержал Бжец Дауров. – Твоим тубинским насмешкам не будет конца, замолчи!

– Прекратите перебранку! – остановил их Биржев. – Вы видите казаков, которые перегородили нам путь?

– Чего хотят эти красноверхие шапки?.. – шепнул Гаруну Коблеву Мола Гумиштов.

– Они-то знают, что им нужно, – буркнул Коблев. Ему очень не нравилось все происходившее. – Нам не нужно было ехать, Гумиштов, я говорил тебе...

– Увидели казаков и испугались? – кинул кто-то из абадзехов.

– Наши кинжалы и сабли не тупее их, – стараясь держаться, ответил эфенди, подбадривая абадзехов, – правда на нашей стороне! Аллах велик, Он благословит и сохранит нас!

– Успокойтесь, абадзехи, не горячитесь. Пошли со мной, Цеев. «Мы не таились, но о нашей поездке к шапсугам кто-то опять донес казакам», – подумал Биржев и тронул коня. – Там Сердюков, поговорим с ним. – Подъехав к казакам, обратился к штабс-капитану: – Две группы всадников, повстречавшись на земле абадзехов, приветствуют друг друга и мирно расходятся. Ты же вместо приветствия преградил нам дорогу, мы просим объяснить причину такой встречи.

– Вы не выполняете приказ генерала Филипсона, в котором говорится, чтобы в Абадзехии одновременно не собиралось более пятидесяти всадников, – ответил Сердюков. – К тому же вы направляетесь к шапсугам, с которыми мы воюем, поэтому на вашем пути встали вооруженные всадники.

– Выходит, мы не имеем права ездить к нашим соплеменникам?

– Если бы они, как вы, замирились с нами, путь был бы свободен, но с нашими врагами у вас не должно быть никаких дел.

– Мы тоже с оружием, и можем встать против вас, казак Сердюк! – угрожающе произнес Цеев.

– На каждую пулю найдется другая, – спокойно ответил Сердюков. – А вам, Цеев, я напоминаю: я не казак Сердюк. Я штабс-капитан войска Его Величества светлейшего императора России Сердюков. Но говорить пренебрежительно о казаках вам не позволю, они – защитники российского государства. А если, как вы сказали, мы с оружием встанем друг против друга, то нарушим мирное соглашение, подписанное обеими сторонами. Вы возьмете на себя такую ответственность, Цеев?

Цеев был раздосадован:

– Что будем делать, Биржев?

– Правда на их стороне...

– Ладно, возвращаемся... Но если они и дальше будут унижать нас на нашей земле, то я за себя не ручаюсь... – И, оглянувшись на штабс-капитана, Цеев бросил: – А ты, казак Сердюк, знай: в наших горах мы найдем и другие тропы, ведущие к шапсугам и убыхам!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Зима показала свой крутой нрав. В горах выпало много снега, в ущельях завывал ветер. Всадники были угрюмы, но не погода была причиной их плохого настроения. Новость о том, что их возвратили на пути к шапсугам уже облетела всю Абадзехию. Люди отнеслись к ней

по-разному: кто-то сгорал от обиды и готов был в бою защитить свою честь, кто-то радовался, что не попал в снежную бурю, считая, что это не их дело, а многие и вовсе сожалели о том, что этот случай может помешать их поездкам на казачий базар. Несмотря ни на что, люди продолжали свою привычную жизнь, чему-то и радуясь, и огорчаясь. Но каждый сам выбирает свою тропу: кто-то идет по ней пешком, другой – на коне; у одного в доме тепло, у другого – холод; один едва одет, а у кого-то на черкеске газыри из серебра.

В Тамбиехабле жизнь тоже продолжается. Уже три дня дует холодный ветер, разыгралась пурга.

Полдень. Бачир Марзухаев и его сосед Дадай сидят возле открытого очажного огня. Пьют чай с горячими лепешками, которые подала Нат-Нафисет, и неторопливо ведут разговор.

– Какие холода настали, – посетовал Бачир. – Дров много заготовил, Дадай?

– Слава Аллаху, не мерзнем. Мы с сыном Магометом хорошие дрова привезли, на зиму хватит. – Дадай потрогал свои короткие усы и маленькую бородку, улыбнулся. – Пока их не заготовили, ни сын, ни его мать не давали мне покоя.

– Да, тезка моего младшего брата хороший парень. Уже и жениться ему пора... – Железными клещами Бачир разворошил огонь в очаге и, увидев искры, выскочившие из него, заметил: – По приметам, искры из огня – к гостю.

– Какой гость может быть в такой мороз?

– Гость может быть в любое время года, мы всегда готовы его принять и найдем, чем потчевать. А если чего-то не найдется, то добрый сосед всегда поможет. Только бы был мир на нашей земле.

– И то правда, Бачир. Хороший сосед, что родной брат. А мир... Сегодня вокруг нас неприятельские войска и казацкие станицы. Что будет дальше?..

– Русские к этому давно готовились. Помнишь лазутчика Федор-Федора, пленного Тамбиевых?

– Конечно, помню бедолагу Торнау. Когда моя бедная мать ушла в лучший мир, он мне соболезновал... Жив ли он? – И воспоминания возвратили Дадаю в его молодость.

– Зачем он тебе? Пусть Аллах его покарает, с него начались наши беды!

– Правда, его не стоит жалеть... Но он был неплохим человеком, поэтому и болит душа за него. – И подумал: «А ведь девочка, которую ты принимаешь за дочь, тоже их рода-племени...»

– Я как-то поинтересовался о судьбе Торнау у штабс-капитана Сердюкова. Он рассказал, что Торнау получил одну из высших наград от своего царя, после чего ушел со службы.

– Что ты говоришь? – удивился Дадай. – А наиб, заслужив царскую награду, обманул нас.

– Во времена наива в Абадзехии был порядок. Мы беспрекословно выполняли его волю. А теперь говорят, что тот порядок был из-за страха за свою жизнь. И в этом есть правда. Но страх и послушание трудно отделить друг от друга. Говорят же русские: лес рубят – щепки летят. Возможно, ты мне скажешь, что осуждать прошедшее не по нашим обычаям. Но мне не нравилось, что религия и власть у наива были неотделимы, хотя открыто сказать об этом я не мог. Нельзя все время жить, обратившись сердцем в сторону юга, где находится Кааба. В мире еще три стороны, куда можно обратить свой взор: восток, запад, север.

– Ты, Бачир, напоминаешь мне своего мудрого отца, пусть Аллах одарит его благами того мира, куда он ушел. Когда мы были маленькими, он рассказывал много интересного, что случалось с ним в поездках по Ставрополю, Астрахани и других местах. Он был простой тфокотль, но с ним советовались и мудрецы. Иногда он заходил и к

Торнау, наверно, жалел его. А скажи, Бачир, в какой стороне Черного моря находится Турция?

– Ее главный город Стамбул находится там, на западном берегу моря. Турция большая страна, она много земель завоевала и с востока, и с запада, и с юга. Но, говорят, много и потеряла.

– А что, Турция уже не наш сторонник? Поэтому, наверно, русские пришли к нам с войском...

– Дадай, что ты говоришь, разве мы были когда-нибудь подданными Турции, чтобы она была нашей сторонницей? Она нас только обманывала! Вспомни турка-лазутчика Абдуллаха, который топтал нашу землю, изображая из себя эфенди. Правда, русские офицеры-лазутчики, такие как Торнау, тоже были. И наиб Асиялов не лучше их, и не похож только тем, что мы сами привели его в Абадзехию, поверив в то, что исламом он поможет нам строить государство. Он сделал все, чтобы мы враждовали с русскими, с которыми у имама Шамиля был газават. Но когда дело Шамиля провалилось, он замирил нас с русским царем, а сам подался за своим святым посланником.

– У нас мирное соглашение с русским войском или русским государством?

– Кто это знает? Одни говорят – с русским войском, другие, такие как мой брат Магомет эфенди, утверждают, что с Россией. Доживем до весны, там видно будет.

– Интересно, зачем Биржев вызвал Магомета эфенди к себе?..– не унимался Дадай.– И почему так долго не возвращается...

– Всю семью беспокоит его отсутствие. Слышал, как погиб Мирзабеч Гишев? Мы живем в беспокойном мире, потому и волнуемся за тех, кто уехал, пока они не вернуться... Подожди-ка, – Бачир прислушался к шагам, доносящимся с веранды. – Наверное, это он. – И после нескольких минут ожидания крикнул: – Никого нет дома, что ли?..– Вошла жена, на ходу поправляя платок. – Твой деверь почему не показывается, он что, еще не вернулся?

– Его еще нет... – смущенно улыбнулась Джаншир и шепнула мужу: – Это зашли женихи к нашей дочке.

– Это хорошо, это счастье для семьи.– Дадай встал, считая неприличным оставаться под одной крышей с женихами, среди которых мог быть и его сын Магомет.– Засиделся я, пора домой. Получается, Бачир, искорки из очага тебя не обманули.

Бачир проводил соседа до калитки и, вернувшись в дом, тоже шепотом спросил жену, кивнув в сторону комнаты дочери:

– Кто там?

– Зря Дадай поспешно ушел, – смеясь, ответила Джаншир.– На этот раз здесь не его сын. Это Гучипс, сын Ислама Брагунова с друзьями зашел, и что их носит в такой мороз.

– Ты, видать, уже забыла, что молодым ни снег, ни мороз не помеха, – усмехнулся Бачир.– Кого же из этих двоих выберет наша дочка? И когда это случится?

– О, Аллах, зачем ты спешишь отдать ее замуж? – вскрикнула Джаншир.– Хочешь, чтобы мы остались одни в доме?

– Это я спешу?..– нечаянное слово привело Бачира в замешательство.– Ты обвиняешь меня в том, о чем я даже не думал. Если так, сейчас же разгоню всех женихов! – решительно сказал он, но, увидев тревогу в глазах жены, сбавил тон.– Нет, нет, успокойся, я этого не сделаю. Правду сказать, нашей девочке трудно будет выбрать одного из них: сын Ислама, Гучипс, похож на отца, такой же спокойный, домовитый. Сын Дадая, Магомет, тоже работающий, энергичный... Но вспомни, каким был Дадай, пока не женился...

Джаншир не дала ему закончить:

– У нашей Нат-Нат еще будут и другие женихи.

– Мы же договаривались больше не называть ее этим именем!

– Да, она хочет, чтобы ее звали Нафисет, да разве может весь аул забыть имя Нат-Нат?..

– И то правда, пусть лучше Нат-Нат, лишь бы не Наташа... По-моему, еще идут женихи, слышишь молодые голоса?.. Один из них, если не ошибаюсь, сосед наш, Магомет.– Бачир улыбнулся.– Я думаю, их прислал Дадай, подумав, что невесту сына могут умыкнуть. Наверное, он забыл, что у девушки может быть их много, но выберет она одного.

– У молодых горячие головы, только бы они не поссорились ...

– Если это случится, тогда уж точно разгоню их... Но, слышишь, Брагунов с друзьями уходят. Молодцы, соблюдают обычай. Ну и мы, старуха, без дела не будем сидеть. Подержи-ка край кожи, отрежу ремешки для сбруи коня.

Зимнее солнце давно зашло за горизонт, луна, окруженная тысячами ярких звезд, плывет по ночному небосклону. Северо-восточный ветер все дует и дует, неся снежную поземку вдоль улиц.

Последние женихи покинули девичью комнату, но Нат-Нат не выходит. Бачир, волнуясь за дочь, не выдерживает:

– Почему Нафисет не показывается?..

– Наверно, тебя стесняется... Когда женихи уходят, а ты дома, она почти всегда так поступает...

– Мне, что, прятаться от них?..– пробурчал Бачир, набрасывая на плечи тулуп.– Пойду скотину посмотрю... – Возвратившись через некоторое время, удивился.– Ты что, одна?

Джаншир негромко произнесла:

– Девочка спит, не стала ее будить.

– Пусть спит,– согласился Бачир и заметил, глядя на угасающий огонь в очаге.– Надо бы еще подтопить, а то к приезду Магомета он совсем остынет.

И в самом деле: огонь только разгорелся, как послышалось ржание коня Магомета эфенди. Бачир вышел из

дома и, увидев заиндевелое лицо младшего брата, пожурил его:

– Неужели нельзя было переждать непогоду? Иди в дом, я определю коня.

– Кто знал, что здесь такая снежная пурга...

– А разве там, откуда ты приехал, ясная погода?

– Два дня шел снег, но в день отъезда была хорошая погода, поэтому и поспешил домой, тем более, что завтра мне обратно в дорогу. Да и хочу поделиться с вами радостью по поводу моего нового назначения.

– Потом, потом,– Бачир прервал брата, хотя очень хотелось послушать про его назначение,– иди в дом, пока совсем не застыл.

Определив верхового коня, Бачир тоже вошел в дом. Нафисет хлопотала вокруг дяди, подавая ему тазик и кумган. Джаншир собирала деверю еду на стол.

– Тат, готовь подарок за добрую весть,– сказала Нафисет.

– Пусть Аллах умножит твои радости, дочка. Я подарю тебе отрез на платье.

– Очень хорошо,– обрадовалась она.– Дядя подарил мне эти красивые туфли, они мне как раз впору, а ткань на платье купишь ты.

– Спасибо ему за подарок. Теперь, дочка, говори благою весть.

– Мамета вместо наиба назначили эфенди всей Абадзехии!

– Это хорошая новость, дочка. Я поздравляю его, это гордость для рода Марзухаевых и честь для всего аула. Но я не хочу, чтобы рядом с именем моего брата упоминали бывшего наиба. А как ты считаешь, эфенди всей Абадзехии, я прав?

– Да я об этом еще не думал.

– А ты думай! – резко сказал Бачир.

– Предложение, которое мне сделали, не от меня исходило. Это было решение высшего абадзехского хасэ, Биржева и Даурова.

– Ты, что, оправдываешься передо мной?
– Ты резко высказался о наибе..
– Да, потому что за ним много грехов. Даже на похоронах он требовал читать молитвы только на языке Корана.

– В чем-то ты прав, Бачир. Но недоброжелатели много грехов приписывали ему, распуская разные сплетни. Аллах запрещает винить безвинного, поэтому я не согласен с тем, что говорят о наибе. Он хорошо знал наш язык, но Аллаху было угодно, чтобы молитвы читались на языке Корана.

Бачир, обвиняя себя за несдержанность, согласно кивнул головой:

– Вы, читающие Коран и побывавшие в Каабе, наверное, лучше нас знаете, что угодно Аллаху. Но помню, как однажды на похоронах наиб говорил о покойнике на адыгском языке. Это звучало красиво...

– Мы, посланники Аллаха, выполняем Его волю. Мне очень приятно, Бачир, что ты и мое имя относишь к ним, но мне еще нужно заслужить такое доверие. Скажу тебе то, чего не говорил ни одной живой душе – я иногда слышу голос Аллаха... Впервые это случилось после отъезда наиба. Наверное, Он и подтолкнул членов абадзехского верховного хасэ к такому решению.

– А как к тебе относится Цеев? – спросил Бачир.

– Он был одним из первых, кто назвал мое имя.

– Это хорошо, но будь осторожен с ним и Биржевым. Они иногда ссорятся из-за абадзехских дел, и прежде чем согласиться с ними, не забывай, что ты посланник Аллаха. Смысленность и разум не у всех созданных Им одинаковы, – наставлял младшего брата Бачир. – А помнишь, как я уговорил наших родителей отпустить тебя в Каабу? Сейчас они гордились бы тобой. Спасибо, брат, за то, что ты всегда вспоминаешь о них с добром и молишься за них. Теперь спрошу о том, что меня волнует. Что говорят о

решении по перебежчикам и русским пленным и как оно выполняется? Слава Аллаху, на нашей стороне пока мирно.

– Не все получается так, как хотелось бы, в чем-то нам приходится уступать, – ответил Магомет эфенди и быстро спросил: – А разве у нас в ауле есть такие?.. Мишка Брагунов был истинным адыгом-мусульманином и давно покинул этот мир. Сын же его, Ислам, наш аульский мухтар. А бывший пленный Тамбиева Торнау Федор-Федор давно сбежал. Если ты помнишь, Бачир, мы вместе с Джансаидом эфенди помогли ему сделать это. Что еще волнует тебя?..

– А ты вспомни упрек, который кинул тебе Мирзабеч Гишев, сидя за нашим столом? Как погиб этот дурак, да простит меня Аллах? Ходят разные слухи...

– Негоже плохо говорить о покойнике, но при жизни для него ничего святого не было. Он бы ни перед чем не остановился, чтобы унижить весь наш род за то, что воспитываем русскую девочку. Но каждого человека ждет то, что ему уготовано Аллахом. И Мирзабеч свое получил. Ладно, хватит о нем. День был тяжелым, произнесем молитву и отправимся на отдых.

– Подожди, подожди, я не задал главный вопрос. Это правда, что казаки не пропустили вас к шапсугам?

– Правда, Бачир. Но Цеев со своими спутниками проехали к ним тайной тропой и привезли плохие новости. Думаю, после шапсугов гяуры возьмутся за нас и убыхов. О, Аллах, спаси и сохрани нас.

– Я так и думал... Похоже, весна для абадзехов будет тяжелой. Вот к какому соглашению мы пришли, – горько заключил Бачир. – О Аллах, наша надежда только на Тебя.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Между восточной и западной частями верховья реки Лабы лежит холмистая равнина, в южной стороне Абадзехии – леса и горы. Молодая и зеленая весна пришла неожиданно. Кажется, что и не было зимнего холода с его злыми горными ветрами и вьюгами.

И беспокойная зима, и теплое весеннее солнце, и небо, и солнце в Абадзехии такие же, как все прошедшие тысячелетия. Деревья так же тянутся к солнечному теплу, образуя упругие почки. Затем они распускаются, и их сладкий запах смешивается с чистым горным воздухом. Упревшая под снегом трава тоже уверенно набирает силу, окрашивая окрестности яркой зеленью. На этом зеленом раздолье пасутся коровы, овцы, козы, лошади. Детвора, соскучившись по шумным играм, высыпала на улицу, старики сидят на солнышке у плетня, делясь своими невеселыми мыслями:

– Слышите, к чему нас привел мирный договор? – огорченно спросил один из стариков, прислушиваясь к звукам пилы, валящей лес. – Еще и песни казачьи поют...

– Ты, что, Асланбек, впервые их слышишь? – отозвался Мола Гумиштов. – Это еще что... В прошлом году они не пустили группу всадников в Шапсугию. Теперь их войско, задабривая нас, строит эту дорогу...

– Парень, успокойся. Послушайте, что я думаю, – вступает в разговор другой старик. – И во времена наших дедов, и последние девяносто лет, что я живу на этом свете, к нашему Биржхаблю вела одна дорога, которую благословил для нас Аллах. А от этой строящейся дороги нам не будет никакого проку.

– Извини, уважаемый, – соблюдая обычай, попросил слова Гарун Коблев. – Наверное, мы не все знаем о планах русских, но эти дороги связывают не только ближайшие аулы...

– А наши главы знают об этом? – спросил Джамбулат Едыгов.

– Конечно, знают, старейший, – опередил его Мола Гумиштов. – По этому поводу они несколько раз ездили к генералу Филипсону, но никак не могут встретиться с ним.

– Он так неуважительно относится к абадзехским главам?

– Говорят, он в Ставрополе, когда вернется – примет.

– Ох, принесут нам гяуры беду... – негромко произнес Едыгов и обратился к младшим. – Я вас прошу: избегайте стычек с гяурами, строящими дорогу. Чтобы ни произошло, сами ничего не предпринимайте.

Со двора Гаруна Коблева вынесли два столика. На одном стояли и кувшины с медовухой, пиалы. На другом – горячие щаламы-лепешки. Подали кумган с водой и полотенце, чтобы старики смогли вымыть и вытереть руки.

Ибрагим Багов обратился к Едыгову:

– Джамбулат, скажи несколько слов перед трапезой.

– Нет, мы послушаем тебя, старейший, пусть долгой будет твоя жизнь. Я не имею права говорить раньше тебя.

– Если так, скажу несколько слов. Прошу Аллаха, чтобы семья Гаруна Коблева, приготовившая эту еду, и весь его род были здоровы. Пусть как можно меньше забот будет у женщин, чьими руками сделаны эти яства, пусть их жизненный путь будет счастливым, а старость окружена любовью и заботой. Прошу Аллаха, чтобы в Абадзехии были мир и согласие между людьми, а наши сердца всегда откликнутся на доброту. Угощайтесь, уважаемые.

Два молодых парня, которые обслуживали столики, тихо переговаривались:

– Сколько времени это будет продолжаться? – кивая в сторону доносившихся звуков пилы и шума падающих деревьев, недовольно произнес один из них. – Мы что, не хозяева здесь? Так не пойдет, надо что-то делать...

– Мы все думаем, а гяуры делают, что хотят... – проворчал широкоплечий Масхаб, внук Ибрагима Багова, которому прошлой осенью удалось освободиться из казачьего плена. – Не дайте себя обмануть те, кого они называют кунаками. Я помню, как они надо мной издевались... Если бы не покойный Мирзабеч Гишев, вы, наверное, и не увидели бы больше меня.

– Говорят, что он погиб от их рук... – поделился слухами Мола Гумиштов. – Хотя, кто это знает...

За речкой показались казаки на верховых лошадях.

– Один, два, три, четыре... – начал считать Гарун Коблев.

Масхаб Багов прервал его:

– Не считай, их шестьдесят семь... Среди них вижу казака Ивана Войтенко, который салом намазал мне лицо. Вот увидишь, я заставлю этого салоеда поцеловать копыта моего коня! – Он резко повел плечами, потом тихо сказал: – Меня сдерживает мой дед Ибрагим, а то бы...

Послышался голос муэдзина, зовущий правоверных на полуденный намаз.

– Парень, почему ты отстаешь от сверстников, идущих в мечеть? – спросил своего внука Ибрагим.

– Не будешь же ты один сидеть на улице... Вместе пойдем.

– Я не один, со мною Аллах и моя опора – трость. Голова тоже еще работает, да и ноги сам передвигаю, так что до мечети доберусь. – Старик вдруг приостановился: – Я слышал, вы с Молой упоминали о Мирзабече, о сале и о копытах коня... И не хлопай глазами. Да, я старик, силы уже не те, чтобы соперничать с молодыми, но уши мои еще слышат. Да не стой же ты, пошли, уже время намаза и я должен предстать перед Аллахом. А что касается обиды, которую тебе нанес тот казак, то я согласен, что он должен ответить за это. Э-эх, молодость, как быстро она прошла... – с сожалением произнес дед.

Увидев огорченное лицо Ибрагима после намаза, старуха, встретившая его во дворе, спросила:

– Тебя кто-то обидел, дед?

– Дочь беслинеевых, разве может меня кто-то обидеть, кроме тебя? – пошутил старик. – Вспомнилась мне наша первая брачная ночь...

– Не смущай меня, старый, не дай бог кто услышит.

Перекусив и устроившись на своем мягком стуле, старик задремал. Проснувшись, громко позвал:

– В этом доме кто-нибудь слышит меня?

В комнату тут же вошел его семидесятилетний сын Асланбек. Он был высокий и широкоплечий, как и все Баговы, черкеска ладно сидела на его фигуре. Увидев сына, спросил недовольно:

– Ты чего это, парень, нарядился?

– Сегодня ведь пятничный день, отец.

– Ну, а что говорят люди?

– Всех волнуют дела, происходящие в Абадзехии.

– Меня тоже это волнует... Вот что, парень, оседлай-ка мне моего верхового коня. Приготовь черкеску, шапку, кинжал и пояс. Не удивляйся, я поеду к Биржеву. Жаль, что нет генерала Филипсона, я бы поехал к нему.

Приготовив коня и держа его за повод, Асланбек с тревогой наблюдал, как отец садится в седло. Заметив это, Ибрагим предупредил сына:

– Не смотри на меня, как на немощного старика. И не вздумай следовать за мной, если не хочешь, чтобы моя плетка прогулялась по твоей спине. У Хасана Биржева найдется дворовый, который возьмет моего коня под уздцы и поможет спешиться. – И, тронув пяткой коня, не оглядываясь, выехал со двора.

Дорога, по которой Ибрагим ехал к абадзехскому главе была хорошо ему знакома. За сто лет, прожитые им, он сотни раз ходил по ней, но только сегодня решил проехать ее на коне, чтобы удивить тех, кого повстречает.

Прохожие уважительно здоровались с ним, с интересом глядя вслед нарядно одетому всаднику. Даже дети, играющие на поляне, прервав игры, разглядывали старика. Две женщины, переходившие дорогу, остановились, пропуская его.

У коновязи абадзехского верховного хасэ не оказалось ни одного коня. Ибрагим удивился этому, подумав, что и главы может не быть на месте. Мола Гумиштов взял коня под уздцы и помог старику слезть. Оказавшись на земле, он первым делом одернул черкеску, поправил пояс и кинжал. Убедившись, что все в порядке, сказал Моле:

– Парень, передай Биржеву, что я здесь.

– Добро пожаловать, Ибрагим, добро пожаловать! – послышался голос Хасана Биржева. – Увидел тебя из окна и вышел встречать, не дожидаясь, когда старший сам войдет в дом.

– Спасибо, мне это приятно. – И, войдя в дом, продолжил: – Ты не только меня уважил, но и себя возвеличил, выполняя наши адыгские обычаи. Заговорив с тобой о прошлом, мне вспомнился наиб и беды, которые он нам принес. Но я пришел не за этим. Объясни мне, что сейчас происходит в Абадзехии? Кое-что мне известно, но хотел бы услышать обо всем лично от тебя.

– Наши дела, уважаемый Ибрагим, на виду у всех, тайн никаких нет. То, что не можем понять, мы пытаемся решать вместе. Но примирение с русскими, в этом уже нет сомнений, было ошибкой, они обманули нас.

– Если ты это признал, уже хорошо. Я верю тебе. Только не отступай, добивайся своего! – решительно сказал старик.

– Я не отступлю от борьбы за свободу Абадзехии. Но это зависит не только от меня, абадзехи тоже должны сказать свое слово.

– Они разве не видят, что происходит? Даже один оставшийся в живых не имеет права останавливаться. Хочу напомнить, что говорил об этом мой старый друг,

твой отец. Да ты и сам не забыл, наверное: «И большой, и маленький голос будут услышаны, если их произнесет народ».

– Спасибо, старейший, что ты по-доброму вспомнил моего отца. Я помню и другие ваши слова: «Не спешите что-то делать, сначала хорошо подумайте». Поэтому сегодня мы должны все хорошенько продумать, чтобы не ошибиться. И как только генерал Филипсон возвратится из Ставрополя, мы встретимся с ним для переговоров.

– Этот длинносый обманщик Филипсон в Четкале-Ставрополе, говоришь?..

– Да, уважаемый, он там. По его приезду обязательно встретимся с ним.

– Это правильно. Я тоже готов выехать с вами, если понадобится. Но поручение абадзехов вы должны выполнить с честью. – И, хлопнув сухими ладонями по коленям, встал. – Поговорив с тобой, я успокоился. Всего хорошего, Биржев, пусть Аллах исполнит все наши надежды. – И уже у порога с болью произнес: – И откуда опять взялся на нашу голову этот трехглазый генерал Евдокимов?

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

В Ставрополе два-три раза в месяц дует сильный восточный ветер, разнося все на своем пути. Более восьмидесяти лет назад здесь стояла крепость, но после того, как в Тифлис был прислан наместник Кавказа главнокомандующий Кавказской армией, она стала развиваться. Но адыгские земли на Северном Кавказе беспощадно разорялись его генералами, которые мечом и картечью завоевывали их. Немало их побывало на этой земле: Суворов, Ермолов, Барятинский, Засс, Вельяминов, Филипсон,

Евдокимов. Но генерал-лейтенант Раевский оказался среди них самым честным и порядочным человеком¹.

Генерал Евдокимов родился в 1804-м году в станице Наурской. Его отец был родом из Уфимской губернии, воевал в Чечне. После отставки жил в этой станице, там и похоронен. Благодаря воинским заслугам отца, Николай Евдокимов получил образование и в восемнадцать лет был призван в армию. Служил простым солдатом и дослужился до звания полковника.

В прошлом году, в Дагестане, он пленил имама Шамиля. За эту операцию получил чин генерала и назначение в Ставрополь, где когда-то начинал свою службу. Наместник Кавказа фельдмаршал Барятинский поставил перед ним четкую задачу: ускорить завоевание адыгских земель Западного Кавказа. И сейчас Евдокимов ожидал прибытие генерала Филипсона, которого недолюбливал, чтобы обсудить с ним создавшееся положение. Встреча была назначена на одиннадцать часов дня.

Евдокимов служил в войсках уже более тридцати лет и, если не считать его нескольких поездок по кавказским делам в Тифлис и Петербург, не помнил себя в мирной жизни. Он говорил о себе: «Я отдыхаю, когда слышу канонаду пушек, звук сабельных ударов, и перешагиваю через тела убитых горцев».

«Если человек сеет зло – оно к нему и возвращается», – говорят адыги. Но поступки генерала опровергали эту поговорку. За все свои деяния он не был наказан, а многочисленными ранами на теле только

¹ «...Я здесь один восстал против пагубных военных действий на Кавказе, и от этого вынужден покинуть край, – рапортует начальник Черноморской береговой линии генерал-лейтенант Раевский военному министру графу Чернышеву от 28 февраля 1841 года. – Наши действия на Кавказе напоминают все бедствия первоначального завоевания Америки испанцами, но я не вижу здесь ни подвигов геройства, ни успехов завоеваний Пицара и Кортетца. Дай Бог, чтобы завоевание Кавказа не оставило в русской истории кровавого следа, подобному тому, какой оставили эти завоеватели в истории испанской...»

гордился. Неприличным считал для себя только след от чеченской пули под левым глазом, за что горцы прозвали его трехглазым.

«Черкесы скоро узнают, как насмеяться надо мною», – подумал генерал, раздраженно отбросив в сторону лежащую перед ним бумагу. Несколько раз прошелся по комнате, опять сел за стол. В такие грустные моменты жизни он с наслаждением предавался воспоминаниям о пленении имама Шамиля. События чередой пронеслись перед его мысленным взором. Последний месяц лета был жарким в кумукской долине, но на аварской вершине было ветренно и холодно. Аул Гуниб, в котором находился Шамиль, похож на орлиное гнездо, шапка падает с головы, когда снизу смотришь на него, и только одна дорога вела к нему. Русские войска окружили аул и с гор, и с долины. Бой шел уже несколько дней, но мюриды имама защищали его, не щадя свои жизни. Полковник Евдокимов с отборной группой из ста пятидесяти солдат одолел высокую гору с незащищенной стороны и неожиданно атаковал аул. Шамиль был пленен.

«Так закончилось противостояние Шамиля, но мою победу приписали фельдмаршалу Барятинскому, пившему в этот момент утренний чай... – горькая усмешка скользнула по лицу Евдокимова. – Но я ни на кого не обижаюсь, спасибо, что вообще не забыли обо мне. Фельдмаршал похлопотал о присвоении мне генеральского звания, светлейший царь наградил высоким орденом. Теперь вот направили на усмирение черкесов. Но если примирение с ними будет невозможным, мне приказано очистить от них эти земли, поэтому любые действия здесь допустимы. А генерал Филипсон обманывает себя, доверяясь невыгодному для нас соглашению с абадзехами. Черкесский Кавказ должен целиком принадлежать России! «Первая филантропия – своим: горцам же я считаю вправе предоставить лишь то, что останется на их долю после удовлетворения последнего из русских интере-

сов»¹. – Раздавшиеся в приемной голоса прервали ход его мыслей. Евдокимов поправил бумаги и вышел из-за стола. В комнату вошел майор Уланский и доложил о прибытии генерала Филипсона.

– Пусть заходит, – Евдокимов стоял у окна, сцепив руки за спиной, и смотрел на дальние горы. Услышав скрип двери, обернулся и с деланным радушием, улыбаясь, протянул руку генералу Филипсону. – Приветствую вас, Григорий Иванович, рад нашей встрече. Как вы доехали, черкесы не чинили в дороге препятствий? Как они относятся к нам и к порядкам, которые мы здесь устанавливаем?

– Абадзехи, заключившие соглашение, относительно мирно соседствуют с нами, а вот шапсуги и убыхи... Но прежде чем начать доклад о наших делах, Николай Иванович, хочу поздравить вас с присвоением генеральского звания и вручением ордена за успешную операцию по пленению имама Шамиля. Желаю доброго здоровья и долгой службы на благо великой России.

– Спасибо, генерал, но мой вклад в эту операцию совсем незначительный. Фельдмаршал Александр Иванович Барятинский разработал блестящий план по пленению имама, я же только выполнял его приказ. И чтобы больше не возвращаться к этой теме скажу так: вся слава русского войска принадлежит его главнокомандующему светлейшему императору Александру II. Слава ему, а мы, его солдаты, всегда готовы встать на защиту интересов России! – с пафосом заключил Евдокимов. – Теперь поговорим о деле, по которому я вызвал вас. Скажу прямо: нам не нравится ситуация, которая сложилась в Абадзехии. Земли черкесов должны принадлежать нам, генерал. И никакие мирные соглашения и переговоры с ними недопустимы. С сегодняшнего дня не хочу даже слышать о заключенном

¹ Журнал «Родная Кубань», № 3, 2011 г., статья «Герой без памятника».

мире с абадзехами, это только отодвигает нашу победу. Этого соглашения не должно быть и не будет!

– Мы заключили его с благословения... – Филипсон попытался остановить Евдокимова.

– Это было вчера, позавчера, генерал! – взвился голос Евдокимова. И, постепенно успокаиваясь, продолжил: – Теперь поговорим о деле, не терпящем отлагательства. Вы слышали, что шапсуги, убыхи и абадзехи решили объединиться, чтобы создать черкесский парламент-меджлис, который будет отстаивать их интересы в Европе и других государствах мира. Нельзя допустить его создание на земле, окропленной нашей кровью! Поэтому ваша миссия в Черкесии, генерал, окончена, Тифлис отзывает вас. И чтобы абадзехи не уличили вас в обмане, получите новое назначение. Будете служить под моим началом.

– Служу царю и Отечеству! – вытянулся Филипсон.

В комнате возникла тяжелая тишина. Ее нарушил Евдокимов:

– Извините, генерал, за недобрую весть... – перешел он на дружеский тон. – Но что поделать, мы, солдаты, должны выполнять приказы. Пойдемте пообедаем, выпьем по стопочке и более детально поговорим о черкесских делах. Да, Григорий Иванович, давно хотел спросить вас вот о чем. После наиба Асиялова предводителем у абадзехов стал Биржев, кто он такой? Кто-то из его рода, точно не помню, чуть не лишил меня жизни, и сам погиб от моей сабли... – И, стряхнув с себя тяжелые воспоминания, встал из-за стола, жестом приглашая генерала Филипсона к выходу.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Новость, которую знают двое, знают все. Весть об отъезде генерала Филипсона облетела Ставрополь, Проч-

ный Окоп, Лабинск, достигла Майкопа, пересекла Екатеринодар и остановилась на последнем рубеже – у шапсугов и убыхов.

Эту новость адыги Западного Кавказа принимали по-разному. Жителям сожженных и разоренных шапсугских аулов на Абине, Иле, которых оттесняли к Черному морю, было все равно, кто будет следующим военачальником в царских войсках. Они понимали, что с назначением другого генерала для них ничего не изменится. Так же к этому отнеслись убыхи и садзы. Только абадзехи, у которых было заключено мирное соглашение, еще надеялись на свое относительное спокойствие.

Все события, которые происходят в любом абадзехском ауле, собирают мужчин возле мечети или у дома правления аульских мухтаров. Сегодня они собрались в Биржхабле, где находится их верховное хасэ, на поляне, напротив мечети. Толпа все пополняется подъезжающими всадниками из близлежащих аулов. Женщины выглядывают из окон домов и из-за калиток, и только непоседливые старушки решаются подойти поближе, резко выделяясь своими платками на фоне суровых мужских папах.

На поляне уже собралось человек пятьсот пеших и конных. Мужчины возбуждены, дальнейшая судьба тревожит и нагнетает обстановку, со всех сторон слышны гневные выкрики. Людей к порядку призывают старейшины, из толпы своей высокой каракулевой папахой выделяется Асланбек Едыгов. Все ждут возвращения Хасана Биржева, Хатырбая Цеева и Магомета эфенди, которые рано утром уехали в Майкоп на переговоры.

– Если нет генерала Филипсона, что станет с нашим соглашением? – послышался голос Гаруна Коблева из группы тфокотлей.

– Разве наш договор может быть разорван с его отъездом? – засомневался Мола Гумиштов. – Не может быть!..

– Гумиштов, ты помолчал бы... – одернул его Мазхаб Багов.

– Багов, ты меня оскорбляешь! – взорвался Мола и уже мягче сказал: – Это мое мнение, и только...

Бжец Дауров прикрикнул на них:

– Не ссорьтесь в присутствии старших! Успокойтесь, давайтеждеждем возвращения посланников.

– Мы все рассуждаем, а казаки здесь делают все, что хотят! – выкрикнул еще кто-то.

– Не можем спокойно ездить по нашим дорогам, выгонять скот на пастбища, вывозить дрова из леса, – поддержал его Зауаль Берекетов.

– Не можем поехать к соплеменникам, к своим родственникам...

– Абадзехию захватывают гяуры!

Ибрагим Багов, потрясая над головой своею палкой, пытался остановить разгоряченные головы молодых:

– Успокойтесь! Дело, которое собрало нас здесь, не терпит отлагательства, мы все переживаем за дальнейшую нашу судьбу. Но надо дожидаться уважаемых посланников... – А вот и они. Пусть несколько верховых встретят их.

Биржев, увидев такое скопление людей, удивился:

– Что за собрание, по какому поводу собрался народ? – обратился он к Асланбеку Едыгову, старшему из всадников, встречавших их.

– Людей из близлежащих аулов привела к нам весть об отъезде Филипсона, их волнует судьба мирного соглашения, которое теперь остается в руках генерала Евдокимова.

Всадники подъехали к толпе. Она раздвинулась, дав им возможность проехать. Остановившись в середине толпы, Хасан Биржев кивнул Магомету эфенди, дескать, мы готовы.

– Правоверные! – обратился эфенди к собравшимся. – Послушайте, что скажут главы абадзехского верховного хасэ Хасан Биржев и Хатырбай Цеев по поводу наших дел. Начинай, уважаемый Хасанбий.

– Да, мы были в Майкопе, но с генералом Филипсом не встретились. Он в Екатеринодаре, оттуда поедет в Санкт-Петербург, к царю. Но нам дали понять, что он сюда уже не вернется.

– Я не зря сомневался, что эта затея с мирным соглашением ни к чему не приведет... – недовольно пробормотал старик Багов. – Судьба генерала нас не волнует, но скажи, Биржев, что теперь будет с нами? Доверять этому, с висящими усами генералу, мы не можем, он много обид нанес нам, из-за него все наши дела пошли прахом...

– Нас тоже волнует судьба заключенного между нами соглашения, поэтому на заседании верховного хасэ мы приняли решение о встрече с генералом Филипсом, хотели даже поехать в Екатеринодар, но...

– Что, казаки опять вернули вас? – язвительно спросил Берекетов и добавил, как бы в назидание всем: – Мы много раз садимся на коня, но не это главное, главное – не зря оседлать его.

– Это кто перебивает главу Абадзехии? – обратился Магомет эфенди к собранию, сделав вид, что не знает имени тфокотля. – Успокойтесь, правоверные! А ты, уважаемый Хасанбий, продолжай.

С той стороны, где стояли тфокотли, послышались выкрики:

– Нам не слышно, о чем вы говорите.

– Где глашатаи?..

– Почему нет деревянного помоста, какой был у наибо?..

– Сядь на коня, – шепнул Цеев Биржеву.

– Глашатаи, повторите мои слова! – сев на коня, наказал Биржев и продолжил: – До сих пор нам было не до этого, но деревянный помост здесь будет стоять уже завтра, и не только здесь, но и в каждом абадзехском ауле. А что касается названного здесь наибо... Никакие общественные помосты ему были не нужны, он не хотел, чтобы кто-то был выше его. А теперь выскажу свое мнение о нашем

договоре. Он заключен печатями и подписями двух сторон, и оттого, что генерала Филипсона куда-то перевели, для нас ничего не должно измениться. Обещают, что к нам должен приехать генерал Евдокимов, тогда и узнаем их намерения. Но вы знаете, что эти годы мы не сидели сложа руки. К нам приезжали шапсуги и убыхи с предложением создать меджлис из трех адыгских племен. В тот момент это не было решено, но в ближайшие дни мы вернемся к этому важному для нас всех вопросу.

– Правильно, в единстве наша сила! – выкрикнул Мола Гумиштов.

– А где вы были до сих пор? Пропустили голову коня, а теперь цепляетесь за хвост? – кинул Биржеву Мазахаб Багов, забыв, что его дед находится среди старейшин и, спохватившись, спрятался за спины сверстников. Но Ибрагим Багов сделал вид, что не слышал замечание внука.

Хасэ тотчас притихло. Ярко светило полуденное солнце, высоко в небе парили несколько орлов. Со стороны Черного моря величаво возвышались снежные вершин гор, напоминающие белую чалму Магомета эфенди. При дуновении ветра слышен шелест листьев деревьев, голоса царских солдат, строящих дорогу, звуки топоров, отчетливо доносятся казацкие песни. Не выдержав напряжения, несколько парней стрельнули из оружия в сторону ближайшей горы, откуда доносились веселые голоса казаков. Оттуда же, со стороны возвышенности, послышались звуки ответной стрельбы. Воздух сотрясался выхваченными из ножен кинжалами, выкриками, свистом.

– Это никуда не годится! – пытался остановить горячие головы Биржев. – Вы не должны нарушать мирное соглашение, для нас это сегодня нужнее, чем присутствие здесь казаков. Поймите, идти нам некуда, это наша земля, наши горы, мир для нас важнее всего. Аллах благословит и защитит вас, абадзехи, только проявите терпение и

выдержку! А теперь давайте послушаем, что об этом скажет уважаемый Хатырбай Цеев, мой заместитель по верховному абадзехскому хасэ.

– Моя речь будет короткой, – начал Цеев, сев верхом на коня. – Я много лет выступал против чужака наиба. И я один из тех, кто был против мирного соглашения, но сейчас вы должны понять, что благодаря этому соглашению мы получили передышку. Наиб бросил нас, боясь за свою голову, но за относительное спокойствие на земле абадзехов мы должны благодарить генерала Филипсона. Да, тяжело видеть, как гяуры топчут наши пастбища и уничтожают леса. Но Биржев прав: терпение и выдержка сегодня – главное для нас. А когда между нами будут взаимопонимание и единство – создадим меджлис из трех адыгских племен, и эти дороги и мосты, которые они строят сейчас, будут принадлежать нам. О, Аллах, благодарим тебя за то, что ты наделил нас терпением и мужеством!

– Мы согласны с тобой!

– Бог сохранит и защитит нас!.. – ревела толпа, сотрясая кинжалами над головой.

– Я тоже хочу сказать слово, – раздался голос Ибрагима Багова. – Абадзехи, желаю вам прожить в мире и согласии вдвое больше, чем я... – и тут голос старика дрогнул, голова поникла, тело обмякло.

Люди не сразу поняли, что случилось, но когда его сняли с седла, стало понятно, что уважаемый старейшина аула уже мертв. Прикрыв тело буркой, несколько молодых ребят понесли его домой, участники хасэ, взяв коней под уздцы, пошли за ними.

В доме тело Багова положили на пол лицом к югу, поверх бурки – кинжал. Магомет эфенди, поправив чалму, сказал:

– Ушел в мир иной наш старейшина. Мы все созданы Аллахом, Он определяет конец каждого из нас, вот и призвал к себе нашего Ибрагима. О его мудрости и мужестве

мне много раз рассказывал мой отец, пусть земля ему будет пухом. Но и я хорошо знал его, он был спокойным и рассудительным старцем.

– Да, да, – согласился Цеев, – Ибрагим был примером мужества и мудрости. Всю жизнь провел на коне, и закончил ее в седле. Аллахом ему уготовано место в раю.

– То, что нашему старейшине открыты двери рая свидетельствуют его похороны, которые состоятся завтра, в святой пятничный день, – поддержал Биржев.

– Да, это так, – спохватился Магомет эфенди, – мы похороним нашего старейшину в освященный Аллахом день.

Свидетельством добрых дел при жизни была хорошая погода в день похорон Ибрагима Багова. Было не жарко, единичные белые облака медленно плыли по небу. Воздух чистый и прозрачный, в нем хорошо просматривались леса, белоснежные верхушки гор и тропинки, разбегающиеся в стороны аулов, расположенных в долинах и на возвышенностях.

На панихиду, казалось, собралась вся Абадзехия, на площади Биржхабля не было свободного места. Мужчины стояли группами, по старшинству, негромко обсуждая последние события. Кто-то оправдывал действия генерала Филипсона, кто-то во всех бедах винил его. Но все были единодушны в том, что генерал Евдокимов еще более жесток и коварен, чем ненавистный им генерал Засс. Единственным выходом из создавшегося положения считали объединение трех адыгских племен, но какую форму оно будет иметь – не знали. Хотя даже в этом были свои противники.

За час до выноса тела к дому подъехали двенадцать всадников.

– Смотрите, казаки приехали! – удивился Мола Гумиштов.

Трое из них остались с лошадьми, остальные вошли во двор через открытые большие ворота. Подойдя к муж-

чинам-родственникам усопшего, отдали честь, и Сердюков, который недавно был произведен в подполковники, произнес слова соболезнования:

– От имени русского войска, от имени жителей близлежащих казачьих станиц, от своего имени соболезнуем вам по поводу кончины старейшины Ибрагима Багова и скорбим вместе с вами. Пусть он найдет покой в том мире, где сейчас находится. А вам, живущим на этой земле, дай бог прожить такие же долгие годы в мире и согласии.

Хасан Биржев от имени семьи, рода и аула поблагодарил:

– Спасибо, что вы приехали выразить нам слова соболезнования, за ваше уважительное отношение к кончине нашего старейшины. Пусть Аллах даст нам возможность чаще встречаться по радостным событиям, и пусть между нами всегда будут мир и согласие.

Казак, закончив соболезнования, оседлал своих коней. Гарун Коблев шепнул Зауалу Берекетову:

– Смотри-ка, каким золотом горят погоны у казака Сердюка. Слова говорит правильные, а что на самом деле у него на уме...

Мола Гумиштов, услышав их шепот, высказал свое мнение:

– Спасибо им, что приехали. Да и Биржев с добром встретил их... Только вот не знаю, о каком мире и согласии между нами они говорили. В жизни у нас как получается: и воюем между собою, и молимся друг за друга.

Покойника вынесли из дома, мужчины и женщины отдельно стали во дворе группами. Магомет эфенди, руководивший похоронами, вышел в круг, прочитал молитву. Затем, как заранее было оговорено, дал первое слово Цееву, за ним выступили остальные.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Весна 1861 года.

Хаджи Джерандук Берзегов остановился у окна, из которого виднелось море с мелкими волнами у берега. На вид ему не более шестидесяти лет, он среднего роста, крепкого телосложения. Белая борода и чалма дополняют друг друга, подчеркивая его благородство. «Пошли мальчика и отправляйся вслед за ним», – вспомнил пословицу хаджи. Он волновался за сына Исламбека, которого послал в Абадзехию и теперь с нетерпением ждал его возвращение.

«Сидят в горах, и не ведают, что их ждет, – думал он об абадзехах. – Неужели не понимают, что Магомет-Амин с генералом Филипсоном их обманули? Абадзехи, как и бжедуги, примирились с русскими, но это не спасет их. Кабардинские адыги, покоренные Ермоловым, тоже не лучше, да и беслинеевцы молчат. Кто нас только не обманывал. Турция много лет заверяла, что она вместе с нами, затем отдала России. Англия и Франция тоже убеждали, что всегда будут поддерживать нас и помогут в нашей борьбе за свободу, но ничего не сделали. А наши двенадцать племен обособились, вместо того, чтобы соединиться в один кулак и показать свою силу. Русский царь силой захватывает земли адыгов, а мы ничего не делаем для того, чтобы сохранить их. Как прав был Сафербий Зан, пытаюсь объединить адыгов, пусть Аллах одарит его милостью в том мире, куда он ушел. Если бы тогда прислушались к нему, то сегодня бы с нами такого не случилось. Надеюсь, что его сыну Карбатыру удастся создать адыгский меджлис, и когда мы его создадим, объявим всему миру, что до конца будем бороться за свою свободу... Другого выхода у нас нет...»

– Зову тебя, Джерандук, зову, а ты не откликаешься... – в комнату тихо вошла жена Хаджет.

– А-а, это ты... Подойди к окну, посмотри на море...
– Какое красное солнце! – воскликнула Хаджет.
– Утреннее солнце, выходя из-за горизонта, такое же красное, но оно не пугает... Каким будет наше завтрашнее солнце, каким будет день после ночи?.. – И, уходя от своих дум, спросил: – Тебя, наверное, беспокоит, что парень до сих пор не вернулся?
– Дороги отца сын не забудет, – отозвалась жена.
– Да, он во многом похож на меня, но дорога в Абадзехию опасна. Если он сегодня-завтра не вернется, поеду за ним.
– Не думай о плохом, в походе он не один.
– Постой, я, кажется, слышу топот копыт. Да, это они. Как говорят, кого вспоминают, тот на пороге. И обратился к жене: – Иди в свою комнату, сын позже зайдет к тебе.
Со двора донеслось ржание лошадей. Джерандук, не отвлекаясь, сделал омовение, встал на коврик и приступил к намазу. В комнату заглянул Исламбек, увидев отца за молитвой, быстро закрыл дверь, чтобы не помешать.
Хаджи, закончив намаз, сел на стул и стал перебирать четки, когда в комнату вошел сын.
– С возвращением, парень. Рассказывай, какие новости у абадзехов?
– Ничего хорошего, отец. Генерал Евдокимов строит военные дороги в Абадзехии и заселяет ее казачьими станицами.
– Да?.. А что по этому поводу говорят сами абадзехи?
– Они сожалеют, что доверились генералу Филипсону и Магомет-Амину. Теперь Биржев и Цеев согласны, что создание меджлиса необходимо, и в ближайшее время готовы встретиться с тобой.
– Это хорошая новость! Вот с этого тебе и надо было начинать. Главы Абадзехии умные мужи, это хорошо, что они приняли такое решение. Я приглашу их к нам.
– Они сказали, что в следующую пятницу приедут к тебе.

– Наверное, ты им сказал, что в пятницу я встречаюсь с Карбатыром Заном?
– Нет, я о вашей встрече ничего не знал.
– Что ж, встретим абадзехов с почтением. Заблудшего Бог прощает и берет под свое покровительство. – И, не переставая перебирать четки, спросил: – А что за кони во дворе?
– Возвращаясь из Абадзехии, встретили табун лошадей казаков. Отбили от него десяток, из них трое – моя доля... – ответил Исламбек. – Еще и казака прихватили.
– Лошади пригодятся в хозяйстве... Но зачем нам казак, которого нужно кормить и поить?
– Без дела, отец, его не оставим... Если будет накладно, продадим туркам.
– Сколько ему лет?
– На вид лет двадцать пять, высокий, стройный.
– Где он сейчас?
– В дальнем домике двора. Хочешь, скажу, чтоб привели.
– Не надо, сами пойдем к нему.
Аул хаджи Берзегова Митхуа расположен на берегу реки Сочи. В ауле стояла тишина, и только шум реки нарушал ее. В верхнем ауле неожиданно послышался выстрел, залаяли собаки. Эти звуки на какое-то время остановили крик филина, затем он снова заухал.
– Парень, узнай, кто и зачем стрелял. – И добавил: – Этот филин не к добру здесь прижился...
– Хорошо, отец, – коротко ответил Исламбек. – Он шел за отцом, и трудно было различить их, так они были похожи и фигурами, и походкой.
Казак-пленник встал при их появлении. Хаджи Берзегов обратился к нему:
– Это ты наш гость, казак?
– Не знаю, гость я, или пленный, но ваш сын силой привез меня сюда.

– Я его не отправлял в Абадзехию за пленным, но если ты здесь, значит, так надо. Ты знаешь, кто я?

– Ваше имя хорошо известно казакам.

– Худое или хорошее говорят обо мне?

– Скажу правду: говорят, что вы убийца и разбойник.

– Значит, так о нас говорят... Честность твою я ценю, но то, что говорят твои казаки, не принимаю. Получается, вы пришли к нам с войной, и нас же считаете разбойниками и убийцами... Вот, парень, что с нами происходит... – обратился он к сыну и перешел с русского языка на убыхский. – Если бы мы послушались Сафербея Зана и создали адыгское государство, с нами бы сегодня этого не случилось. Да, тогда мы не поддержали его, но откладывать создание межджиса уже некуда. – Хаджи заметил, как при этом слове казак резко поднял голову и продолжил по-русски. – Да, казак, скоро мы создадим межджис-парламент, который объединит адыгов и станет нашей надежной защитой. А сейчас назови себя, тебя уже покормили ужином?

– Не знаю, что меня ждет завтра, но пока я накормлен и всем доволен. А фамилия моя Войтенко, зовут Иваном Савельевичем, уроженец станицы Лабинской, казак Нижегородского полка.

– Этот казак, похоже, не понимает своего положения... – обращаясь к сыну, с сочувствием заметил отец.

Войтенко, уловив в тоне хаджи какую-то теплоту, добавил:

– Да, я защитник своего Отечества.

«Видать, храбрый казак, – подумал хаджи и вдруг вспомнил фамилию казака, которую услышал двадцать лет назад на берегу Лабы. – У казака, бросившегося на меня с саблей, тоже была фамилия Войтенко, кажется, его звали Савелием... О Аллах, как непредсказуем и безжалостен этот мир...»

– Получается, твоего отца звали Савелием?

– Да, Савелием Андрианычем! – обрадовался Иван Войтенко. – А вы откуда его знаете?

– Слышал, он был храбрым казаком.

– Спасибо, что хорошо отзываетесь о моем отце. – И с ненавистью добавил: – Мне было пять лет, когда его убили черкесы, а я до сих пор не отомстил за него. Но если бы встретил его убийцу, не пощадил бы своей жизни, чтобы отомстить за отца.

– Его не так трудно найти, – сказал хаджи Берзегов. – Он перед тобой.

– Вы убийца моего отца?!

– Да, я. – Хаджи встал и распорядился: – Побрейте голову казака, чтобы я больше не видел его чуб... – И обратился к сыну: – Теперь зайди к матери и выполни то, что она скажет.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

С древних времен на Северном Кавказе живут двенадцать адыгских племен: абадзехи, шапсуги, бжедуги, темиргоевцы, кабардинцы, махоши, натухаевцы, адямийцы, егерухаи, беслинеи, хатукаевцы, убыхи. У адыгов богатые пашни, сочные пастбища, горы, зеленые леса, быстрые реки. Лето здесь длинное, зима короткая, осень желто-красная, яркая весна с цветами и травами, дни солнечные, ночи звездные. Одним словом, рай божий.

Джерандук Берзегов и Хасан Биржев расположились под большим грушевым деревом. День жаркий, но они одеты так, будто сейчас сядут на коней и отправятся в путь. На них летние черкески, украшенные серебряными газырями, на головах – папахи, на поясах – сабли, кинжалы, револьверы, на ногах – мягкие сапоги из сафьяна.

Ветерок с моря шелестит листьями деревьев, вдалеке, в двух верстах от берега, виднеются русские сторожевые корабли. В ауле Митхуа, где живет более двухсот семей, спокойствие и благодать: дети резвятся на улицах, порхают бабочки, чирикают птицы, а со стороны моря доносится шум и всплеск волн.

– Такую красивую землю Аллах дал нам, но если будем сидеть, сложа руки, мы и ее потеряем, и сами погибнем, – горько заключил Берзегов. – Нам необходимо создать свободный адыгский меджлис и обратиться к государствам мира с призывом о помощи. Сначала попытаемся договориться с Россией, которая воюет с нами, затем обратимся к Турции, Англии и Франции, хотя они все время хитрят с нами.

– А Польша? Во времена Сафербия Зана ее люди воевала на нашей стороне.

– Да, да, так было.

– В составе адыгского меджлиса ты не назвал бжедугов и кабардинцев.

– На них не стоит полагаться, они смирились с Россией.

– Во времена наиба и мы, абадзехи, тоже смирились с Россией.

– Ошибаешься, Хасанбий, вы заключили с ней перемирие, но не смирились с ней.

– Наиб тогда обманом уговорил нас это сделать. Сейчас пытаемся им доказать, что это была ошибка, но они нас не слышат, продолжая захватывать наши пашни и пастбища... А теперь генерал Евдокимов убрал с должности Филипсона, с которым мы еще могли что-то решать. – При фамилии русских генералов Войтенко, коловший дрова, приподнял голову и прислушался. Биржев заметил это:

– Этот бритый, кто он?

– Помнишь казака Войтенко, который пытался убить меня? Это его сын, на днях привезли из Абадзехии.

– И ты позволяешь ему так свободно находиться в усадьбе? Правда, и у нас есть такие, которые много лет прожили среди нас и уже стали адыгами.

– Ты, наверное, говоришь о сыновьях Мишки Брагунова?

– Да, его сыновья Гуфес и Ислам одни из тех в Абадзехии, на кого можно положиться.

– Вот как в жизни случается... А этого молодого казака мне жаль, ведь его отец погиб от моей руки.

– Только они нас не жалеют.

– Да, жестокость порождает жестокость... Но должен же быть кто-то третий, кто остановит руки схватившихся за оружие?

– Ты надеешься, что меджлис сможет это?

– Каждый человек живет надеждой. И этот пленный казак тоже на что-то надеется... Но и в мире жестокости нужно совершать благие дела. Будешь возвращаться в Абадзехию, Хасан, прихвати его с собою и отдай казакам, что получишь от них – твое.

Хасану Биржеву не понравилось предложение, и он сделал вид, что не услышал его. Сдержав себя, достал карманные часы и посмотрел на время:

– Что-то Карбатыр Зан задерживается...

Из-за сарая вышел Войтенко:

– Может, что-то нужно, господа?

– Чего он пристаёт к нам? – недовольно отозвался Биржев.

– Не гневайся на бедного... Кто знает, что творится у него на душе... Может, твое присутствие волнует его. Он знает, что ты из Абадзехии, а для каждого своя сторона милее всего.

– А по-моему ему не дает покоя мысль, что он сейчас в плену, вместо того, чтобы в бою уничтожать нас, адыгов. Слушаю тебя, хаджи, и удивляюсь: ты не такой, как был раньше. Слишком добрым стал.

– Ты так думаешь, гость?..– спросил хаджи.– Но раньше наша борода была черной, решения скорыми, а молодость безрассудной. Мы не одну саблю сломали в бою, не одну рану и нам нанесли, немало друзей потеряли. И всю свою жизнь разобщенными племенами воюем с теми, кого нам не одолеть. Неужели нет другого выхода, кроме сабли и кинжала? Давайте создадим меджлис и обратимся к странам мира с заявлением о произволе царских войск на нашей земле. Надеемся, что и вы, абадзехи, поддержите нас.

– Мы с вами, только услышат ли нас.

– Под лежащий камень вода не течет. Посмотрим, что получится... А вот и шапсуги приехали.

Возле коновязи Берзегова остановилась группа всадников, спешили. Карбатыр Зан и Исламбек направились к сидящим под деревом.

– Пусть счастливым будет ваш день, старейшие,– поприветствовал их Карбатыр.

– Пусть и твой будет удачным,– ответил хаджи на приветствие.– Добро пожаловать, садись, Карбатыр. Как живете, какие у вас новости? Вы проехали трудную дорогу через неприятельские кордоны, но не заставили нас ждать.

– Спасибо, хаджи. Мы добрались без происшествий, только вот Исламбеку не повезло...

– Что с тобой случилось, парень? – спросил сына хаджи, хотя давно заметил его перевязанную руку.

– Стрелок какой-то пальнул с горы, пуля слегка зацепила.

– Если кость не задета, рана быстро заживет,– отозвался Хасан Биржев.– А сколько их было у твоего отца, сколько рубцов осталось на его теле...

Жители Митхуа еще до полуденного призыва муэдзина собрались у мечети. Муэдзин совершил омовение и поднялся на минарет. Призвав мусульман к намазу, он спешно спустился с минарета, увидев, что хаджи Берзегов и его гости идут в мечеть. Молодежь расступилась, про-

пуская их. Хаджи поднялся на ступеньки крыльца мечети и обратился к собравшимся:

– Правоверные! Я познакомлю вас с дорогими гостями, приехавшими из Абадзехии и Шапсугии. Они проделали дальний путь, чтобы встретиться с нами и обсудить адыго-убыхские дела, которые требуют немедленного решения.

После намаза более тысячи человек собрались у мечети и территории, прилегающей к ней. Женщины стояли поодаль, возле каменной ограды.

– Правоверные! – опять обратился хаджи Берзегов к аульчанам.– Вы знаете, какая беда пришла на адыгскую землю. Мы сегодня оказались в трудном положении, но одного мужества недостаточно, чтобы противостоять такому сильному государству, как Россия. Ее войска уже чувствуют себя здесь хозяевами: строят на нашей земле дома, дороги, мосты. Наши разобщенные племена ни силой, ни оружием не смогут изменить положение. Нет, я не испугался и не потерял надежду. Но давайте вместе подумаем, как поступить в эту тяжкую годину. Мы считаем, что весь мир должен знать о том, что здесь происходит, нам нужно незамедлительно создать свое государство и меджлис, от имени которого мы сможем говорить. Вы согласны?

Толпа загудела, поддерживая Берзегова:

– Согласны!.. Государство!.. Меджлис!.. Свобода!..

Хаджи поднял руку, останавливая возгласы, и продолжил:

– Я знал, что вы поддержите меня. А теперь даю слово главе Абадзехии Хасану Биржеву.

– Старейшие, молодежь, женщины, пусть обеденный намаз, который вы совершили перед Аллахом, будет принят Им. Мои слова будут короткими. Прежде чем приехать в Убыхию, я изъездил всю Абадзехию. Дело, о котором сейчас говорим, поддержали все. Наша надежда только на государство и меджлис.

– Уважаемый хаджи, пусть Аллах каждый твой день умножит в сто раз, но прежде чем ты предоставишь слово Карбатыру Зану, дай мне слово.– Из толпы, опираясь на набалдашник палки, вышел маленький худенький старик. Несмотря на душный день он был одет в волчий тулуп и мерлушковую шапку.– Спасибо, хаджи, что уважил меня. Я хочу сказать о Сафербие Зане, отце Карбатыра. Я обману вас, если скажу, что хорошо знал его, но встречался несколько раз с этим мудрым человеком. Не только соседи шапсуги, но и все адыги, в том числе и убыхи, могут гордиться им. Его много лет держали обещаниями в Турции. Не дождавшись их помощи он вернулся на родину, но так и не смог объединить нас, адыгов. Он умер, как и жил – в седле. Такие люди становятся жителями рая, поэтому, правоверные, скажем аминь и помолимся за него.

– Спасибо, старейший,– Карбатыру Зану были приятны слова об отце. Он с благодарностью посмотрел на старика и спросил: – Как зовут тебя, уважаемый?

– Убыхи и абадзе-садзы зовут Убыхом, можно коротко – Бых.

– Пусть старость твоя будет счастливой, Убых, пусть еще много доброго и приятного будет в твоей жизни. Пока был жив мой отец, он не слышал таких слов о себе, хотя много сил вложил в дела адыгов, которые мы и сегодня не можем решить. И я продолжаю идти по той дороге, на которую когда-то вышел отец, поэтому я здесь, в Убыхии. Мы задыхаемся от нанесенных нам обид, но если и дальше будем молчать, то исчезнем с этой земли. Адыгам необходимы свое государство и меджлис, это наш единственный выход. Медлить нельзя! Клянусь, что до конца исполню волю отца!

Хаджи Берзегов сход правоверных закончил молитвой. У себя дома, в гостиной, он продолжил разговор с гостями за ужином:

– Это только начало нашего дела. Нужно немедленно собрать общий съезд абадзехов, шапсугов и убыхов, чтобы

нас не обвинили в том, что мы втроем решили за весь народ. С каждого племени по двадцать человек представителей хватит?

– Маловато,– не согласился Биржев.– Лучше, если их будет не меньше пятидесяти.

– Правильно, представителей должно быть больше,– поддержал его Карбатыр Зан.

– Тогда предлагаю по пятьдесят человек от каждого племени. Думаю, этого будет достаточно. Собираемся здесь в первую пятницу следующего месяца,– подвел итог Берзегов.

Съезд представителей абадзехов, шапсугов, убыхов и абадзе-садзов состоялся 13 июня 1861 года в Убыхии, в живописном местечке Бачиров ручей¹. Был создан Адыгский меджлис-парламент, в который вошли 15 человек. Земли племен, входящих в меджлис, поделили на 12 округов-улемов, назначили муфтиев, судей, аульских мухтаров. Приняли решение и о создании 15-ти тысячного вооруженного войска. Выбрали ответственных за составление Обращения к государствам России, Турции, Англии, Франции от имени Свободного адыгского парламента и о его мирных целях и предложениях.

Но адыги, создавшие парламент, оказались обманутыми в своих надеждах. Еще в октябре месяце прошлого, 1860 года, на совещании высшего кавказского начальства во Владикавказе, по Указу императора Александра II было принято решение о переселении адыгов в Турцию, и генерал Лорис-Меликов ездил тайно в Стамбул, чтобы обговорить с турецкой стороной условия принятия черкесов-беженцев².

¹ Русская транскрипция «Бочаров ручей» – нынешняя летняя резиденция президента РФ в Сочи.

² «...Решающую роль здесь (переселение адыгов-черкесов) сыграло совещание высшего кавказского начальства, которое прошло в октябре 1860 г. во Владикавказе,– пишет В.Н. Рябцев в книге «Черкесский вопрос» ... – Как известно, его провел главнокомандующий Кавказской армией А.И. Барятинский, присутствовали

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

С наступлением сумерек Дадай увидел у ворот Марзухаевых группу всадников. Он понял, что они приехали за невестой, значит, Нафисет выходит замуж. Магомет, ни слова не говоря, поспешно оседлал коня. Дадай, встав у ворот, прикрикнул на сына:

– Парень, ты что задумал? Не дам и шагу ступить со двора!..

Но сын, пришпорив коня, перемахнул через ограду и понесся к ближайшему лесу. «Что он делает!.. Единственный сын, которым Аллах одарил нас...» – тревожно забило сердце Дадаю, и он, не раздумывая, тоже вскочил на коня и поскакал за ним.

Доехав до леса, Дадай приостановился и, прислушиваясь, въехал в лесную чащу. Черный лес пугал своей тишиной, где-то далеко были слышны веселые свадебные песни. Он слез с коня и, не выпуская поводья из рук, внимательно взгляделся в темноту. Вдруг его конь приподнял

также генералы Д.А. Милютин, Н.И. Евдокимов, Г.И. Филипсон, князь Д.И. Мирский и ряд других высоких чинов. В ходе совещания выявились серьезные различия в подходах Г.И. Филипсона и Н.И. Евдокимова к организации военных действий и к решению судьбы горского населения Северо-Западного Кавказа. Так, Г.И. Филипсон выступал за более-менее гуманное отношение к горцам и предлагал без жестокого военного натиска добиться включения Черкесии в административно-политическую систему Империи, при сохранении даже их торговых сношений с Турцией. Против данного мнения решительно выступил Н.И. Евдокимов. Он считал, что необходимо вытеснить адыгов с занимаемых ими земель, а земли эти заселить вооруженным казачьим населением. С Евдокимовым были согласны А.И. Бяргинский и Д.А. Милютин (тогда начальник штаба Кавказской армии) и в результате именно его план был поддержан. Но окончательную точку в споре двух генералов поставил император Александр II. Русские войска под командованием Евдокимова резко усилили свой натиск на адыгов (черкесов) и началась беспрецедентная по своей жестокости и беспощадности полномасштабная война...»

уши и заржал, ему в ответ заржал другой конь. Дадай увидел сына, сидевшего у дерева. Подойдя, спокойно сказал:

– Разве можно так, надорвал мне сердце... Ладно, сиди, нас никто не видит, – остановил сына, пытавшегося встать при его появлении. – Я тоже, пожалуй, присяду. – Молча посидев какое-то время, продолжил: – Не мог даже подумать, что мы с тобой вот так, в лесу, будем сидеть... Я вижу, как тебе тяжело, но может, это и хорошо, что так случилось. Не забывай, что каждое семя возвращается к своим корням... Разве не знаешь, какого рода-племени эта девочка?..

– Отец, не надо так говорить... – не поднимая голову отозвался Магомет.

– Я не сказал бы так, сын мой, если бы не увидел твое отчаяние. Поэтому послушай меня, раз уж я начал говорить. Мой бедный отец погиб от руки казака, и я бы никогда не разрешил тебе жениться на их дочери. То же самое сказала бы и покойная бабушка. И мать твоя тоже...

– Она смотрит на это по-другому, отец...

– Перестань! – оборвал сына Дадай. – Она просто жалела тебя материнской любовью... А сейчас поехали домой, надо поздравить соседей. Ты спрячь свою обиду, иди на свадьбу и веселись вместе со всеми.

Дадай зашел в дом, Магомет задержался во дворе с лошадьми. Жена Дадаю, Хана, увидев в каком волнении сын, спросила мужа:

– Что это с вами случилось?.. Разве кроме дочери Марзухаевых нет других девушек в ауле?

– Этот вопрос задай своему сыну, – спокойно ответил Дадай. – Я уже поговорил с ним.

– Конечно, и я поговорю, надо поддержать его.

Из сеней донесся скрип двери и в комнату вошел Магомет.

Дадай заторопился:

– Ты накорми парня, а я пойду к соседям. И ты приходи.

– Может, я завтра зайду к ним с поздравлениями... Не хочу оставлять его одного...

– Иди, мать, я не останусь дома один.

– Правильно, парень. Иди на свадьбу к Брагуновым и не показывай людям свою обиду. Мишка Брагунов был хорошим человеком. Его сыновья Гуфес и Ислам – одни из самых уважаемых людей в ауле, да и во всей Абадзехии.

Быстро пролетело время в приготовлениях к свадьбе. После обряда бракосочетания наступил день свадьбы. Несколько дней продолжалось свадебное веселье, и Магомет вместе со всеми танцевал и веселился, делая вид, что не замечает участливых взглядов. Он играл и на пхачиче-трещетке, давая отдохнуть трещеточнику, приглашал на танец девушек, но все это не приносило покоя его душе.

В просторном доме Брагуновых готовились угощения: в больших казанах варили мясо, мамалыгу, жарили щалам. Время от времени парни размешивали в деревянных чанах бузу и медовуху. На сдвинутые столы, за которыми одновременно могут поместиться более ста мужчин, ставили еду.

Приближалось время вывода невесты. Во дворе Брагуновых становилось все более шумно: музыканты играют на шичепщине и камыле, без отдыха трещат трещетки. Хатияко – распорядитель свадьбы – не жалея себя, танцевал с теми, кто был в кругу, и без усталости благодарил тех, кто одаривал молодых.

Возле коновязи Брагуновых спешили всадники. Хатияко встал в круг и громко провозгласил:

– О, люди! Встречаем дорогих гостей, приехавших разделить радость Брагуновых. Добро пожаловать, уважаемые! А ты, Хасан Биржев, глава Абадзехии, вспомни молодость и войди в круг на искрометный танец.

Хасан Биржев вошел в круг и танцуя, как принято на свадьбе, направился к девушкам. Та, чья очередь была

танцевать, вышла в круг. После танца Бжец Дауров шепнул распорядителю свадебного веселья и тот опять вышел в круг:

– О, люди! Гости приехали к Брагуновым не с пустыми руками. Жениху привезли верхового коня под седлом, невесте – серебряный пояс с браслетом, колье, сережки. Пусть Аллах сделает счастливыми наших молодых, а их старость окружит любовью и заботой детей и внуков.

После обеда Хасан Биржев еще раз поздравил всех с радостным событием и обратился к сыновьям Мишки Брагунова – Гуфесу и Исламу:

– Пусть Аллах сделает вас счастливыми долгожителями, пусть ваш род умножается, пусть Он благословит ваш дом и только что созданное наше молодое государство! А теперь мы отправимся с поздравлениями к вашим родственникам Марзухаевым.

Хасан Биржев поздравил Марзухаевых с замужеством дочери, пожелал, чтобы она оставила добрый след в родительском доме и принесла счастье семье, в которую вошла. После поздравлений разговор зашел об общих делах.

– Что поделаешь, мы жили свободно, сохраняя подаренный нам Аллахом мир, пока не оказались обманутыми. Но если на то будет воля Всевышнего, мы найдем выход из этой беды. В обращении к России, Турции, Англии и Франции объясним, что мы мирный и справедливый народ.

– Надеешься, что они услышат нас? – спросил Дадай.

– Если они не услышат, обратимся к другим государствам, – уверенно ответил Хасан Биржев.

– Да поможет нам Аллах! – воздел руки Магомет эфенди Марзухаев.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Санкт-Петербург. Царское село. Летняя резиденция императора Александра II. Уже несколько дней на улице стоит жара, в воздухе духота и влажность. Неожиданно с Финского залива подул прохладный ветерок. Усталые от жары листья деревьев и цветов оживились, радуясь свежести.

У парадного входа императорского дворца остановились две кареты. Из одной вышел министр вооруженных сил России Сухожанет, из другой – генералы Орбелиани и Евдокимов. Они проследовали во дворец.

На днях император получил из Кавказа вести, которые обеспокоили его и потребовали их немедленного обсуждения. Приветливо встретив приглашенных, император спросил Орбелиани:

– Какая погода на Кавказе, генерал?

– На Западном Кавказе жарче, чем здесь, Ваше сиятельство.

– Но мы будем говорить не о погоде, – изменил тон разговора Александр II. – Я пригласил вас для того, чтобы получить отчет о происходящем там, и услышать ваши предложения по черкесской проблеме.

– Как донесли наши лазутчики, Ваше сиятельство, абадзехи, убыхи и шапсуги – черкесские племена, создали парламент, на который возлагают свои надежды.

– Только эти три названные вами черкесские племена вошли в него? – уточнил император, отметив про себя, что собеседник не назвал садзев. – А садзы разве не из черкесских племен?

– Они, Ваше сиятельство, абазы, и более близки к абхазам, чем к черкесам, – ответил генерал Евдокимов.

– Вы, уважаемый Николай Иванович, хорошо разбираетесь в кавказские народах. Мы не ошиблись, присвоив вам графский титул. – Вот такие доблестные генералы,

как вы, приносят победы и расширяют границы Российской империи.

– Спасибо, Ваше сиятельство, что заранее так высоко оценили мои скромные заслуги. Служу Отечеству!

– Ну почему же заранее... Вы, генерал, пленили Шамиля и заставили бежать Асиялова, бывшего предводителя абадзехов. Это большое дело, которое вы сделали для России, и ваше имя уже войдет в ее историю. А что касается мелкого народа горцев – садзев, живущих на западе Кавказа, в Причерноморье, то тут вы ошибаетесь. Садзы-абазы не просто близки к абхазам, они одно из их племен. Вот так, генерал... Как говорил мой отец Николай Павлович, народы Кавказа схожи с камешками у реки, их много, но они каждый по себе. Многие удивлялись такому сравнению, но я сам убедился в точности этих слов. Для нас это хорошо, мы завоевываем эти племена каждое по отдельности. Правда, по поводу абадзехов, шапсугов, убыхов и садзев-абазев, поддерживающих их, мы не можем этого сказать. Надо, господин министр, разобраться, что за люди приехали из Турции к этому, как его, Зану. Генерал-майор Кухаренко доложил, что Зан водил их по землям Причерноморья. А какая у них цель?¹

¹ «В последнее время из Константинополя прибыло к адыгам особое посольство, состоящее из 3 лиц: капитан турецкой службы Смель (родом убых), Эфендия Гасан (родом шапсуг) и один англичанин, – докладывает генерал-майор Кухаренко в С.Петербурге 3 июня 1861 года. – Лица эти, соединившись с Карбагыром Заного, сделали воззвание к народам племен убыхского, шапсугского, натухайского и абадзехского, в котором объявили, что они имеют полномочия от Англии, Франции и Турции.

По словам вышеупомянутых лиц, правительства этих государств обещают всем черкесам свое покровительство от притеснений России и силой оружия заставить ее признать независимость Черкесии, если только черкесы, со своей стороны, соединят свои усилия и составят общий союз для войны с нами. Посольство это обещает доказать свое полномочие какими-то письменными актами. По этому возванию посольства собрался на р.Пишии народный сход для обсуждения общественных вопросов.

– Их трое, Ваше сиятельство, – ответил императору военный министр Сухозанет. – Пока мы не знаем, кто они.

– Вы об этом что-нибудь знаете, генерал? – обратился Александр II к Евдокимову и, не дожидаясь ответа, продолжил: – В Адрианопольском соглашении записано, что черкесы с их землями отошли к России, но ни они, ни какое-либо другое племя не имеет права создавать на Северном Кавказе свои государства. Следите за абхазами, и они, и черкесы считают себя потомками одних предков... За разъяснениями по интересующим вас вопросам обращайтесь к военному министру. На этом наша сегодняшняя встреча закончена.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Меджлис, созданный тремя адыгскими племенами, начал свою работу. От его имени Карбатыр Зан составил обращение к России, Турции, Англии, Франции и, являясь главой делегации адыгов, отправился на встречу с генералом Евдокимовым.

На заранее оговоренное место, лесную поляну, первыми приехали представители адыгов – Зан, Цеев и Берзегов-младший. Они остановились на краю поляны, за ними встали несколько всадников охраны. Цеев, чтобы скрыть беспокойство, достал из кармана часы, откинул крышку:

– До назначенного времени еще несколько минут.

– Рано приехали... – сказал Исламбек Берзегов.

– Встреча с Евдокимовым организована по нашей просьбе, – заметил Цеев и спросил Зана: – Ты уверен, что он приедет?

Бжедуги, верные присяге, данной им на подданство русскому правительству, от присоединения к союзу других племен отказались».

– Уверен, но кто знает, что может произойти... Вот наш дозорный возвращается.

– Трехглазый Евдокимов едет! – доложил он.

– Много казаков с ним? – спросил Зан.

– Я насчитал более тридцати. – Карбатыр посмотрел в сторону Цеева. В его взгляде читалось: «Видишь, не обманул, приехал». И приказал своим: – Не называйте вслух генерала трехглазым, нам не нужны недоразумения¹.

Генерал Евдокимов со своими всадниками выехал на середину поляны, адыгские остановились на расстоянии десяти-пятнадцати шагов от них.

– Я выполнил свое обещание, приехав к вам, – обратился генерал к адыгам. – Спешиваться с коней не будем, думаю, в течении получаса мы закончим наши переговоры. Слушаю вас.

– Генерал, мы уполномочены вести переговоры от имени государства и меджлиса, созданного абадзехами, убыхами и шапсугами...

Евдокимов прервал Зана:

– Извините, но я впервые слышу о государстве и меджлисе, которые вы представляете.

Карбатыр Зан, пересиливая обиду, спокойно сказал:

– Генерал, такое государство и меджлис есть на адыгской земле.

– Если так, отвечу вам: я солдат, и не уполномочен обсуждать дела двух государств. Если у вас есть ко мне другие вопросы или просьбы, я постараюсь помочь в меру моих возможностей.

¹ «...Во время Кавказской войны Евдокимов заслужил уважение не только начальства и подчиненных, но также и уважение противника, – пишет родственник генерала Евдокимова Г.Б. Стефановский в журнале «Родная Кубань» № 3, 2011г. – Генерал участвовал в многочисленных сражениях, во время которых получил восемнадцать ранений. Некоторые из них, как, например, удар кинжалом, были настолько серьезными, что боялись, что генерал не выживет. В другой раз пуля навывлет прошла через голову графа, оставив глубокий прямой шрам под левым глазом. Горцы Евдокимова знали и называли его трехглазым генералом».

Зан, чтобы услышал Евдокимов, громко обратился к своим спутникам по-русски:

– Этот генерал отличается особой жестокостью. Выполняя повеления своего императора он много горя принес нам.– И, повернувшись к Евдокимову, продолжил: – Обращаться к вам с просьбами, генерал, бесполезно, вы не слышите нас. Но все же скажу: уходите с наших земель со своими казачьими станицами. Нам не нужны ни ваши дороги, ни мосты и базары. Знаю, вы сейчас скажете, что Турция и Россия заключили Адрианопольское мирное соглашение. Но с нашей стороны ни один человек не поставил под ним свою подпись, поэтому эту сделку за нашей спиной мы не признаем.

– Я вам повторяю, что не имею права решать озвученные вами проблемы.– Евдокимов едва сдерживал свой гнев, но, стараясь говорить спокойно, обратился к Зану: – И на вас, господин Зан, я не обижаюсь за слова о моей жестокости, идет война, и я выполняю миссию, которую возложили на меня император и мое государство. И еще. До меня дошла весть, что вы хотите обратиться к наместнику Кавказа в Тифлисе. Вы вправе это сделать, я доложу ему о вашей просьбе. А сейчас, если у вас нет других дел ко мне, мы откланяемся, время нашей встречи закончено.

Цеев некоторое время смотрел вслед казакам во главе с генералом Евдокимовым, затем промолвил:

– Мы дали обмануть себя волку в овечьей шкуре...

– Ты ожидал от него чего-то другого? – язвительно спросил Карбатыр Зан, переживая, что разговор с генералом оказался бесполезным.

– Что за вопрос ты мне задаешь, Зан! Не забывай, что я ровесник твоего отца! – обиделся Цеев и с горькой усмешкой добавил: – Было бы хорошо, если бы вместо наиба абадзехи выбрали главой генерала... Да и вам, шапсугам кто-нибудь из них пригодится.

– Цеев! – повысил голос Карбатыр Зан и резко остановил коня, но тут же опомнился: – Извини, старейший, я не хотел обидеть...

– Ладно, когда на душе тяжело, нервы не выдерживают.– И обратился к охранникам: – Вы извините нас за эту перепалку, после встречи с Евдокимовым трудно успокоиться. Что мы скажем людям, пославшим нас на переговоры?

– Не за генералом Евдокимовым последнее слово в нашем деле. Есть начальники повыше его и в Тифлисе, и в Петербурге. Если будет нужно, встретимся с ними,– ответил Карбатыр Зан.

– Отец сказал, что Обращение меджлиса мы доставим в Турцию и Англию,– произнес до сих пор молчавший Исламбек Берзегов.

– И не только им, но и другим государствам, всему мировому сообществу. Пусть все узнают, как с нами поступил русский царь,– поддержал его Карбатыр Зан.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

1861 год, Тифлис, начало июля. Послы адыгского меджлиса хаджи Берзегов, Хасан Биржев и Исмель Тхагушев въехали в город и, не останавливаясь на отдых, направились к штабу наместника Кавказа фельдмаршалу Барятинскому. Территория, где он располагался, была обнесена высокой каменной оградой. У главных ворот стояли два вооруженных солдата.

На охраняемую территорию никто не заходил и не выходил.

Постояв какое-то время, младший по возрасту из делегации Исмель Тхагушев спросил хаджи Берзегова:

– Может, мне подойти к солдатам и попросить, чтобы пропустили нас?

Хаджи улыбнулся:

– Сказать ты можешь, но они не услышат тебя. Видишь на входе колокольчик? Вот и позвони.

На звонок вышел офицер, сопровождаемый солдатом.

– Я вас слушаю. Назовите себя.

– Мы из Черкесии. Я – Джерандук Берзегов, со мною Хасан Биржев и Исмель Тхагушев. Генерал Евдокимов должен был оповестить вас о нашем приезде.

– Ждите, – коротко сказал офицер и ушел, оставив солдата. Вернулся быстро и обратился к Берзегову: – Вы пойдете со мной, а ваши спутники пусть здесь подождут.

Хаджи Джерандук Берзегов несколько раз бывал и в Мекке, и Стамбуле, и Сухуми, но в Тифлисе оказался впервые. В России он тоже не был, если не считать вылазки за Кубань и набеги на казачьи станицы.

Осматривая двор, Берзегов отметил: «Сам Тифлис ничто по сравнению со Стамбулом, да и дом наместника Кавказа недостоин его звания. Наверное, Бяратинский любит цветы, их много. Солдаты и офицеры передвигаются чуть ли не бегом, похоже, у всех неотложные дела. И повсюду русские... Их на Кавказ привели грузины, за это мы в обиде на них, но так они защитились от персов и турков, разве можно их винить в этом... А мы кричим, но никто нас не слышит, машем руками, но никто не видит. Мы слепы и беспомощны, поэтому обращаемся с просьбой понять нас к тем, кто нас уничтожает...»

В комнате, куда завели Берзегова, его встретил офицер и, пригласив сесть, представился:

– Я майор Пчелинцев. Мне поручено встретить вас, господин Берзегов.

– По вашим погонам я понял, что вы майор, – на правильном русском языке произнес хаджи. – Вы знаете, кто я, думаю, вам так же известно, что мы приехали к Бяратинскому. Будем благодарны, если вы, не откладывая, дадите нам возможность встретиться с наместником.

– Прежде чем встретиться с ним, отдохните с дороги в комнате отдыха, вы проехали длинный путь.

– Думаю, генерал Евдокимов оповестил вас о цели нашего приезда в Тифлис. Спасибо, что он выполнил свое обещание, – повторил хаджи Берзегов офицеру.

– Я ничего об этом не знаю. – Четко и коротко ответил майор Пчелинцев. – Я выполняю лишь то, что мне поручено.

– Я понимаю, майор. Спасибо, что с уважением встретили нас. Но не забудьте, что я просил не откладывая назначить нам встречу с наместником. – Хаджи Берзегов достал из кармана серебряные часы, и, откинув крышку, посмотрел на время: – Если мы остановимся на отдых здесь, то и время полуденного намаза не пропустим.

Посланцы адыгского меджлиса сделали намаз, поужинали, попили чай и неторопливо повели разговор о Тифлисе, о приеме, который им здесь оказали, о встрече с наместником, на которого возлагали свои надежды. Но о чем бы ни говорили, разговор возвращался к событиям, происходящим в Западной Черкесии.

– Я думаю, Хасанбий, когда наместник Кавказа узнает о наших мирных намерениях, он прекратит войну. Дела меджлиса в наше отсутствие выполняют Зан, Цеев и младший Берзегов. Мы строго-настроено наказали молодым не совершать набеги на казачьи хутора и станицы, чтобы не нарушить перемирие между нами. Нас здесь должны понять и поддержать, – уверенно произнес Берзегов. – И еще: внутри двора, если не ошибаюсь, я видел Сердюкова с его сверкающими новыми погонами. Того самого, кто был рядом с генералом Евдокимовым во время нашей встречи.

Хасану Биржеву послышались звуки шагов, он посмотрел в сторону двери:

– Мне кажется, нас подслушивают...

– Возможно...

Кто-то постучал в дверь, что было непривычным для адыгов, и Берзегов крикнул:

– Кто там не может открыть дверь, заходи! – В дверях показался Сердюков. Берзегов произнес: – Выходит, я не ошибся, полковник, когда говорил, что видел вас здесь. Добро пожаловать.

– Спасибо. Мне поручено передать, что время встречи вам назначено на завтра, в одиннадцать часов. А сейчас можете отдохнуть часок у фонтанов.

Берзегов быстрым взглядом окинул своих спутников и поблагодарил Сердюкова:

– Спасибо, Николай Петрович. Мы проехали длинную дорогу, устали, поэтому ляжем отдыхать пораньше, завтра у нас очень важный день.

Наступивший день не принес адыгским посланникам душевного спокойствия. Их надежды на встречу с Бяратинским не состоялись, он якобы был в отъезде. Их встретил его заместитель генерал-адъютант Орбелиани. Джерандук Берзегов коротко рассказал ему об образовании Свободного адыгского меджлиса и положил перед ним Обращение.

– Господин генерал-адъютант, вот это Обращение, мы просим вас внимательно отнестись к его содержанию.

Генерал-адъютант пробежал глазами бумагу и отложил ее в сторону:

– Ничего из этого, как вы говорите, Обращения, не выйдет.

– Это, господин, не наше Обращение, – сдержанно ответил Берзегов. – Это Обращение Свободного адыгского меджлиса – государства, созданного тремя адыгскими сообществами.

– На Кавказе нет такого государства, – заметил Орбелиани.

– Извини, хаджи, что вмешиваюсь в разговор, – не сдержался Хасан Биржев, – но вы говорите то же самое, что сказал нам Евдокимов.

– Мы оба, генерал Евдокимов и я, служим Российскому государству. Поэтому распустите свой, как вы его

называете, меджлис, сложите оружие и мирно живите со своими соседями. Это мое последнее слово.

– Если это ваше последнее слово, мы поедем за справедливостью в Петербург, к вашему царю. И не только к нему, но и в Турцию, Англию и Францию. Жаль, что не нашли здесь справедливости, но Обращение меджлиса Свободного адыгского государства мы вам оставляем.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

– Почему ты не заводишь коня во двор? – спросил Бачир брата.

– Я ненадолго, меня ждут Биржев и Цеев. Мы едем по делам в Убыхию, но я не смог проехать мимо, не повидавшись с тобой. Как ваши дела? Я Нафисет не видел со дня ее замужества. Весной, когда ее впервые привели к нам, я был в Стамбуле. Правда, Ислама Брагунова иногда спрашиваю о ней, и радуюсь, что они довольны нашей дочерью.

– Да, тебя все время нет дома, все озабочен работой, а мы в доме одни-одиношеньки... А девочкой нашей мы тоже довольны, но ты лучше спроси о ней у дочери Тазовых, она тебе больше расскажет.

– У Нафисет все хорошо, – охотно отозвалась Джаншир, собирая завтрак на стол. – Скажу тебе приятную новость – она на сносях, поэтому редко бывает у нас, стесняется отца.

– Это хорошая новость, пусть она принесет счастье в наши семьи. – Магомет эфенди достал из своего кошелька, расшитого золотыми узорами, серебряный рубль и положил на стол. – Это тебе за добрую весть. Интересно, почему Ислам не поделился со мной этой новостью... – И неужи-

данно перед его мысленным взором возник Мирзабеч. Стараясь отогнать его, эфенди продолжил: – Но Ислам такой же, как и ты, Бачир, вы превыше всего чтите наши обычаи, наверное, поэтому и не сказал. Вот только не всегда мы используем их в этом обманчивом временном мире. К сожалению, мы живем не так хорошо, как турки, у которых я был в прошлом месяце.

– Не говори так! – рассердился Бачир и, увидев, что дверь приоткрыта, крикнул: – Дочь Тазовых, закрой дверь! – И продолжил: – Сколько раз тебе говорить – не смотри в сторону Турции. У меня нет обиды на всех турков, они так же, как и мы, хотят жить в мире, создавать семьи, воспитывать детей. Но я в обиде на нашего сородича турецкого султана, мать которого черкешенка. Он заключил с Россией мирное соглашение, не учитывая интересы адыгов. Мудрости в нем нет. Сколько же еще нас, адыгов, будут обманывать... Ладно, лучше расскажи, какую весть привезли послы из Тифлиса.

– Ислам Брагунов рассказал обо всем на аульском сходе.

– Я хочу, чтобы ты мне рассказал.

Резкие слова, доносившие из комнаты, обеспокоили Джаншир. Она осторожно вошла в комнату:

– Ваш чай остыл...

– Можно и поменять, – поняв беспокойство жены сказал Бачир, – но брату нужно поторопиться, его ждут спутники.

– Подождут.

– Не говори так! Лучше самому ждать, чем заставлять себя дожидаться. – И обратился к жене: – Не отпускать же его с пустыми руками.

– Я уже все приготовила: и баранину, и копченый сыр, хлеб, другую снедь.

– Спасибо, невестка. Я заехал, чтобы увидеть Нафисет. Но если она прячется от отца, постесняется и меня. Мы едем на заседание меджлиса, привезу ей подарки.

– Не забудь про трубку, о которой я просил, – добавил Бачир.

– Привезу, если не скажешь, что она турецкая...

– Я же не сказал, что мне нужна турецкая феска, какая была у наиба и Мирзабеча. – Сделав паузу, добавил: – Мирзабеч... Кто-то лишил его жизни и принес нам покой...

– Это правда... – дрогнул голос эфенди, – наше счастье, что этого жестокого и бесчестного человека уже нет.

Бачир понял, что что-то тревожит брата, который уже был в седле, и неожиданно предложил:

– Подожди, провожу тебя до опушки леса. Поедем к лесу сквозь чагарник, чтобы весь аул не провожал нас взглядом. – Доехав до чагарника, всадники увидели Дадаю, рубившего хворост. – Подъедем к соседу, чтобы не подумал, что мы сторонимся его.

В душе Дадаю до сих пор таилась обида на дочь Марзухаевых за то, что она вышла замуж за сына Брагуновых. Но он, увидев братьев, заткнул топор за пояс и пошел им навстречу:

– Пусть каждый ваш день умножится в сто раз! – поприветствовал их. – Не вижу вас в ауле, так хоть здесь встретил! Бачира, правда, иногда встречаю, а ты, эфенди, здесь редкий гость. Слышим о тебе хорошие новости, радуемся за тебя. Как дела у абадзехских глав? Они хоть и стараются, но пока мало что получается. Посланники меджлиса недавно вернулись из Тифлиса ни с чем, но мне, простому тфокотлю, приятно, что у нас создан меджлис. Как вы думаете, будет польза от него?

– Конечно, будет, Дадай, – уверенно ответил Магомет эфенди, который уловил в его вопросе интерес. – Мы создали его для вас, для вашей защиты.

– Я тоже имею к нему отношение, эфенди.

– Что ты имеешь в виду?

Бачир опередил ответ Дадаю:

– В войско из пятнадцати тысяч всадников мы отправили пять человек из нашего аула. Один из них – сын Дадаю, твой тезка Магомет.

– Поздравляю, Дадай, не каждого туда берут.
– Поздравь своего старшего брата, что его зять не попал туда, – сердито ответил Дадай.
– Не беспокойся, и нашего зятя скоро позовут. Скажу и другое: может случится, что и я, и ты станем рядом с ними.
– Думаешь, такое может быть? Тогда считай, что я ничего тебе не говорил. – И уже вслед всадникам крикнул: – Эфенди, присматривай за моим сыном, своим тезкой.
Братья переживали встречу с Дадаем. Эфенди, тяжело вздохнув, не выдержал:
– Неужели кроме единственного сына Дадая в ауле не нашлось другого всадника?.. – И, помолчав, уверенно произнес: – Не будем искать виноватых, так решил великий Аллах, а люди только выполнили его волю. Разные испытания в этом временном мире Он дает нам, Он знает все наши тайны, но чтобы облегчить свою душу ее нужно рассказать человеку, который поймет тебя... У меня, Бачир, тоже есть тайна, и открыть ее я могу только тебе, моему родному человеку.
– Слушаю тебя, брат, – приостановил коня Бачир. – Но что бы ты ни сделал, мы вместе вынесем то, что Аллах возложил на тебя.
– Это я убил Мирзабеча... Если бы я это не сделал, мы не увидели бы счастье нашей девочки...
Братья соскочили с коней и горячо обнялись.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Раскаленное солнце летнего полдня, на небе ни облачка. За разноцветьем осеннего леса, окрасившего горы, вдалеке, на подступах к морю, хорошо просматри-

вались их белоголовые вершины. По туапсинской дороге медленно двигалась группа всадников. Жара разморила и людей, и лошадей, лишь неустанные орлы парили высоко в небе.

Чтобы как-то подбодрить всадников, Цеев попросил Афамготова:

– Запевай, Марау, песню наших дедов!

Но неожиданная яркая вспышка молнии и прогремевший гром заставили их втянуть головы в плечи. Эхо громко перекатывалось в горах, и за очередным грохотом на землю полил дождь с градом.

– Берите коней под уздцы и становитесь в круг! – Цеев соскочил с седла, накрыл буркой голову коня и тоже встал под нее. Другие последовали за ним.

– В этом временном мире для нас настал час испытаний! – крикнул Магомет эфенди. – Аллах проверяет, насколько мы верны адыгскому делу и сильны в своей вере. Если Он одобряет наши деяния, то волею своею успокоит непогоду. Аллах наша надежда и опора! Аллах акбар!

– Аллах акбар! – дружно поддержали его спутники.

Биржев подумал: «Все же мы не ошиблись, доверив Магомету эфенди должность муфтия. Но мне кажется, он проявляет излишнее рвение. Надо как-нибудь поговорить с ним...»

Дождь быстро прекратился. Магомет эфенди тут же воспользовался этим:

– Аллах услышал нас, абадзехи! Он проявил к нам милость и дал возможность вновь увидеть солнце и небо! А теперь с Его благословения продолжим свой путь.

Группа всадников свернула бурки, приторочив их к седлам, и продолжила путь.

Если люди возлагают на тебя свои надежды, то появляется много дел и забот, о которых ты раньше даже не подозревал. Хасану Биржеву, занимавшегося абадзехскими делами, люди доверяли, он всегда заботился об их

делах, и даже во времена наиба Асиялова имел свое мнение. Последние пять лет он был главой аульских мухтаров, а раньше эту должность наиб занимал сам, как и многие другие. Цеев не одобрял этого, открыто выражая свое недовольство. На последних выборах он предложил на эту должность Биржева, и члены совета его поддержали. И хотя между Цеевым и Биржевым часто возникали разногласия, но, хорошо зная характер друг друга, они все же находили общий язык. Цеев был вспыльчив и горяч, но мужество и чувство справедливости оправдывали его характер.

Мысли главы абадзехов остановились на Магомете эфенди: «Что он за человек? – размышлял Биржев. – Намного младше меня и Цеева, но, несмотря на молодые годы, смекалистый, даже навязчивый. Считает себя единственным, кто трижды совершил хадж, ведет себя уверенно, внушая нам, что он посланник Аллаха, претендуя на место наиба. – Биржев вспомнил прибывшего к ним из Турции Абдулаха эфенди. Абадзехи тогда распознали в нем лазутчика и он поплатился жизнью за свой обман. А Магомет Марзухаев водил дружбу с ним, выдавая чужака за посланника Аллаха, во всем поддерживал его. Сколько ж годков ему было?.. Наверное, лет двадцать. Что ж, если ты – эфенди, надо исполнять Его волю...»

Магомет эфенди, словно почувствовав, что мысли главы о нем, обратился к Биржеву:

– Тебе не тяжело в такую жару, уважаемый?

– Все нормально, но прохлада, конечно, была бы приятнее.

– Исполнить твоё желание под силу только Аллаху, создателю этого брэнного мира. Будем терпеливы и, следуя его заповедям, будем противостоять врагам его, – назидательно произнес эфенди.

– А у тебя какие желания? – спросил Биржев, отметив про себя, как в точности эфенди повторяет слова наиба.

– Мои желания неотделимы от абадзехов, поэтому и трудности, и горести, и радости у нас общие. В одном только я отличаюсь от соплеменников: Аллах, к кому обращены мольбы людей, сделал меня своим поверенным, чтобы довести до вас Его заветы и направить на путь истинный.

– Нас обманывали много раз, прикрываясь Его именем, да и сейчас мы позволяем себя обманывать... – придержав коня, произнес Биржев.

– Да простит нас Аллах... – Магомет эфенди, пропустив следовавших за ним всадников вперед, резко сказал: – Уважаемый, моли Аллаха, чтобы Он не услышал твои дерзкие слова, считай, что и я их не слышал.

– Ты ошибаешься, эфенди, если думаешь, что я не отвечаю за них, – отрезал Биржев. – Я знаю, о чем говорю. И вот, что скажу тебе: я давно слушаю эти назидания. Все вы, посланники Аллаха, – и лазутчик Абдулах эфенди, и имам Шамиль, и наиб Магомет-Амин прикрываетесь им.

– У меня, уважаемый, свой взгляд на это, – быстро ответил Магомет эфенди, который давно ожидал подобный упрек. – Не нам судить о поступках правоверных. Один Аллах знает об их деяниях, Он всевидящ и всезнающ. Он открыл мне, что исповедующий мусульманскую религию должен быть не только их соплеменником, но и знать их язык. Да, да, уважаемый, не удивляйся моим словам, истинную мою веру мне ниспослал Аллах. Именно поэтому и не имели успеха пришедшие к нам наибы из Дагестана, эфенди из Турции, не говоря уже об иноверцах англичанах и поляках. Я знаю, что Он доверяет мне, и потому только тебе скажу то, что еще никому не говорил. Именно Аллах привел меня к тебе и уберег от турецкого эфенди-лазутчика, хитроумных наибов, и от тех, кто желает мне зла. Помнишь, как радушно ты встретил нас с Мирзабечем, хотя и не доверял ему, как назначил меня муфтием Абадзехии?

– Как не помнить, – произнес Биржев, расслабившись от откровенности эфенди. – Прошлой осенью тебя назначили муфтием, и тело Мирзабеча тогда же выловили из реки.

– Не вини себя. Никто не знает, что с ним произошло, но бесхитростный Мирзабеч не мог избежать того, что начертал ему Аллах. Как знать, возможно наиб что-то знал об этом? Прости меня, Аллах, Мирзабеч был одним из заблудших твоих адыгов.

– Но несчастный никогда не был трусом, – заключил разговор о Мирзабече Биржев. – А мы, эфенди, отстали от спутников, давай поторопимся. – И подумал: «Да, он умеет заставить слушать себя, может и уговорить, и обмануть, надо с ним быть поосторожнее». И, припустив коня, поскакал вперед. Поравнявшегося с ним эфенди спросил насмешливо: – Ты действительно веришь в то, что ты посланец Аллаха?.. – и, не дожидаясь ответа, снова припустив коня, бросил на ходу: – Едем, едем, впереди у нас день пути, у тебя еще будет время подумать над ответом.

Но остаться им один на один, чтобы продолжить разговор, не случилось. К полуночи группа всадников добралась до гостиной меджлиса.

Эфенди рассчитывал, что ему отведут место в доме, приготовленном для Биржева и Цеева, но его поселили с шапсугским муфтием хаджи Хуштом.

– Спишь, эфенди? – спросил его Марзухаев, и добавил: – Устал, наверное, в дороге.

– Нет, я не сплю. А пройденная нами дорога намного короче вашего пути. И с каждым днем гяуры укорачивают ее, оттесняя нас к морю. Мы мужественно противостояем им, но их войско бесчисленно, наши силы неравны. Аулы наши окружены пушками, их сжигают. Мы надеемся только на Аллаха, только Он может спасти нас.

– Да, эфенди, Аллах ниспослал нам испытания, но не думай, что Он оставил нас. Пока мы следуем Его заветам, отчаиваться не стоит. Он не оставил нас, Он дал нам воз-

можность создать меджлис, в работе которого мы завтра примем участие. – И, довольный своим высказыванием, спросил: – Ты, уважаемый, недавно стал эфенди шапсугов?

– Да, – быстро ответил хаджи Хушт. – В прошлом году гяуры штыком закололи Аюба Жаде... Кто знает, что нас ожидает...

– Воистину, нет бога, кроме Аллаха, только ему ведомо, что нам предстоит, – с участием произнес Магомет эфенди. – Я знал Аюба Жаде. Совершая свое третье паломничество, познакомился с ним в Каабе.

– Ты трижды посетил Каабу? – удивился хаджи. – Я там был только однажды.

– Почему это тебя удивляет? Каждый мусульманин должен побывать в Каабе. Если можешь, хоть каждый год ее посещай, Аллах будет доволен тобой. – И, помолчав, добавил: – До сих пор не могу забыть того, что произошло с Аюбом Жаде... Эфенди – посланники Аллаха, Он должен их охранять. Может, этого несчастного бес сбил с пути истинного?.. Нет, нет, эфенди, не нам судить о промыслах Аллаха. Сожалею, хаджи, что ты только один раз побывал в Каабе, но это легко поправить. Завтра, на то воля Аллаха, хаджи Берзегов на заседании меджлиса будет рекомендовать меня своим заместителем по делам религии. Со стороны абадзехов его поддержат Биржев и Цеев, со стороны шапсугов – Карбатыр Зан. Как только я получу это назначение, включу тебя в список паломников для совершения первого совместного хаджа. Но если, эфенди, спросят твое мнение обо мне, ты знаешь, что сказать.

– Конечно, конечно, не сомневайся, мы хоть и видимся впервые, но я много хорошего слышал о тебе. Аюб эфенди хорошо отзывался о тебе, рассказывал, как ты прекрасно читаешь Коран. Как только хаджи Берзегов назовет твое имя, я поддержу тебя.

Меджлис адыгов из пятнадцати человек начал свое заседание с утреннего намаза. Хаджи Берзегов встал во

главе, подозвал к себе Магомета эфенди и поставил позади себя. По обе стороны от него стояли эфенди шапсугский и абазе-садз. Магомет Марзухаев понял, что Джерандук Берзегов сдержит свое слово.

В зале заседания меджлиса, где собрались представители абадзехов, убыхов и абазе-садзев вмещалось около двухсот человек. По обе стороны от стульев председателя стояли стулья двух его заместителей, рядом с ними – столики с Коранами.

Джерандук Берзегов открыл заседание кратким приветственным словом:

– Да хранит Аллах всех нас, собравшихся на независимый меджлис! Вы знаете, по какой причине мы собрались, поэтому начнем наше заседание. Послушаем заместителя председателя меджлиса Хасанбиа Биржева, возглавлявшего наших послов в Тифлисе.

– Благодарю, уважаемый, я готов рассказать о результатах наших переговоров, – сдержанно, тщательно подбирая слова, начал Биржев. – Если что-нибудь пропущу, Цеев и Тхагушев дополнят.

– Что говорить об этой поездке? – с горькой усмешкой бросил Цеев. – Нас там просто унизили и оскорбили.

– Короткое слово словно палка, Цеев, – сказал хаджи Берзегов, – но она о двух концах, и какой из них лучше? Вот о чем мы с вами должны подумать.

– Рассуждая так, мы дошли до края... – вроде бы недовольный собой, но так, чтобы услышали все, отозвался Цеев.

– Поэтому и создан наш Свободный меджлис, чтобы решать наши дела! – бросил Цееву с упреком кто-то из абазе-садзев.

– Давно нужно было это сделать!

– Хвала хаджи Берзегову! – выкрикнул кто-то из убыхов.

– Благословенное Аллахом джамахат, успокойтесь! – призвал собрание Берзегов. – Хоть и говорят, что одна

голова хорошо, а две – лучше, но давайте без криков и споров решать наши дела. Слушаем тебя, почтенный Хасанбий. Не стой, можешь говорить сидя.

– Перед таким собранием я не смею сидеть, – начал свою речь Биржев. – В словах Цеева есть доля правды. Эти хитрецы встретили нас гостеприимно: предоставили кров и добрую еду, не препятствовали совершению намаза, но по волнующему нас вопросу ответ у них был готов заранее. Наши дела их не волнуют, они считают, что мы не имеем права создавать меджлис для решения своих проблем, мы граждане их государства и потому должны жить по их законам.

– Позор! – заволновалось собрание.

– Они не вправе нам указывать!

– Когда вам нанесли оскорбление, у вас что, не было оружия?! – крикнул кто-то из молодых, стоявших у входа.

– Задавать вопросы – одно, а отвечать на них – другое, – мягким успокаивающим голосом остановил разгоряченное собрание Магомет эфенди. Его смуглое, чуть удлиненное лицо, обрамленное белой чалмой, было спокойным и благородным. – Простите, что я вмешиваюсь в разговор, но давайте умирим свои горчие сердца и выслушаем наших послов. Я правильно говорю, эфенди? – обратился Марзухаев к сидящему рядом шапсугскому эфенди Хушту.

– Верно, Магомет эфенди, верно, смирение – первая заповедь Аллаха, – поддержал его эфенди Хушт, согласно кивнул головой и эфенди абазе.

– Оружие легко выхватить из ножен, а вложить обратно трудно, – продолжил Биржев, глядя поверх белой чалмы абадзехского эфенди, – поэтому любой посредник оставляет свое оружие при входе в переговорную комнату. Да, вернулись мы не с радостными вестями, но у нас еще есть надежда. Нынешней осенью русский царь должен приехать на Кавказ, нам будет дозволено встретиться с

ним и передать Обращение нашего меджлиса. Вот что утешительного мы – Цеев, Тхагушев и я – можем сказать вам.

В зале повисла гнетущая тишина. Голос хаджи Берзегова нарушил ее:

– Спасибо, вы сделали все возможное, проделав тяжелый путь, и все же вернулись не с пустыми руками. Хотя и не оправдались надежды, которые мы возлагали на Тифлис, самохвал Барятинский был в отъезде, Милютин не принял вас, с генералом Орбелиани и говорить не о чем, а трехглазый генерал Евдокимов только и может унижать нас, но новость о прибытии русского царя нас обнадеживает...– Берзегов тяжелым взглядом окинул присутствующих и коротко заключил: – Хотя он и не благоволит к нам, но мы встретимся с ним.– И, повернувшись к Зану, сказал: – Карбатыр, еще есть время, доработайте Обращение, которое мы на днях приготовили. Вынесем его на следующее заседание меджлиса и, если не будет замечаний, примем его. Мы, убыхи, шапсуги, абазе, знаем его содержание, ознакомьте с ним абадзехских глав Биржева и Цеева. Не забудьте и Магомета эфенди, у него пытливый ум, считаю, он будет вам полезен. Как только завершим полуденное заседание, примем трапезу, что ниспослал нам Аллах, а к вечернему намазу завершим нашу работу.

Послеобеденное заседание посвятили сборам налога на содержание пятнадцатитысячного войска. К вечернему намазу завершили бы работу, если бы не вопрос, поднятый Цеевым.

– Я полностью согласен с налогом на содержание войска. Аульские сборщики исправно работают, спасибо семьям, выделяющим его, но пятнадцатитысячным войском нам не защитить страну. Я считаю, что численность надо увеличить. Разве абадзехи, шапсуги, убыхи не смогут собрать еще по пятнадцать тысяч воинов?

– И про абазев не забудь, уважаемый,– добавил эфенди абазев Тхайцуков.

– Да, и вы, эфенди, сможете собрать пять-десять тысяч воинов,– согласился Цеев и продолжил: – Иначе, хаджи, нам не защитить свои семьи и не сохранить свою честь.

– Да благословит тебя Аллах,– поблагодарил Цеева Берзегов.– Ты выразил не только мое желание, но думаю, и всех приглашенных. Твое предложение мы обсудим на следующем заседании меджлиса. Да, да, я понимаю, что этот вопрос откладывать нельзя, но его надо обстоятельно подготовить, нам не следует нарушать закон. Теперь, по окончании нашей работы, хочу обратиться к вам с просьбой, надеюсь, вы меня поддержите. Для совершения разных религиозных обрядов в меджлисе нужен эфенди. Я предлагаю на эту должность эфенди Магомета Марзухаева. Если согласны, спасибо вам. Пусть наши решения по воле Аллаха будут успешными и принесут нам мир. Доброго вам пути, члены меджлиса, и вам, молодежь, с которой связаны наши надежды.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Осень в Абадзехии всегда теплая и яркая, но в самом начале сентября 1861 года она была необыкновенно солнечной и ясной. Сияющий многоцветьем лес одной стороной протянулся к заснеженным горным вершинам, две другие – на восток и запад, еще одна сплошная полоса леса уходила за Кужипс и Белую в сторону Лабы и Кубани, переливаясь на полянах цветением осенних трав.

Хасан Биржев, задумавшись, расположился под огромным дубом, растущим у серебряного родника, протекающего через его усадьбу. Это место для него свя-

щенно. Если он не в походе, то один раз в день обязательно приходил к своему роднику, чтобы совершить омовение. Даже находясь вдалеке он ни на минуту не забывает о нем, с теплотой вспоминая этот уголок. Самое удивительное, что даже зимой воды родника никогда не замерзают. Не припомнят такого ни его дед, ни отец.

«Горные ручейки, что спешат к реке Кужипс, не вечны, а сколько же лет этому роднику и старому дубу? – от этой неожиданной мысли Биржев вздрогнул. – О, Аллах, это никому не дано знать, кроме Тебя! Прости, я хотел познать неведомое мне, но это Твой промысел, хотя, я думаю, что этот родник еще помнит времена многобожья... Каюсь, каюсь, но меня, кроме Тебя, никто не слышит. Иногда я задаю себе вопросы, но не потому, что сомневаюсь в вере к Тебе. Ты поставил меня над абадзехами, хранимыми Тобой, и меня тревожит наше будущее. Как уберечь наследие дедов: этот родник, дуб, райские земли абадзехов, наше небо, и тех орлов, что парят в нем, как? Мужество не оставило нас, мы не отчаялись и продолжаем бороться за свою независимость. А как это сделать, не вступая в войну с жестокосердным русским царем, зная, что нам не одолеть эту огромную страну, пошедшую на нас войной? Но мы, если не сможем договориться с ними, будем сопротивляться до конца, – Биржев присел на корточки перед родником и омыл лицо. – Может, есть какое-то другое решение?..»

Глядя в прозрачную воду родника, Биржев вдруг увидел всю свою жизнь: она пронеслась перед его глазами ярким воспоминанием детства, которое было самым счастливым временем. С гибелью отца оно закончилось. Он помнит, как привезли тело отца, убитого казаками, как спустя год от их рук погибли младший и старший братья отца. С тех пор и до последнего заседания меджлиса его прожитые годы были полны горечи. «Я прожил шестьдесят лет и многое повидал в жизни, а что предстоит нашим детям, что ожидает абадзехов?.. Да, и без нас эти горы,

леса, реки, эти орлы, и этот ручей не перестанут существовать. Но неужели они смогут существовать без нашего языка, наших песен, нашего смеха? Не знаю, не знаю... Сегодня три племени адыгов, объединившись, создали независимый Свободный меджлис и от его имени ведут переговоры с войском, захватывающим наши земли и заселяя их казачьими станицами, а мы обманываем себя, надеясь на мир и дружбу с ними. Теперь вот ожидаем прибытие на Кавказ их царя, надеясь, что он изменит наше положение. К чему приведут переговоры? Мы-то знаем, что ему сказать, но если он не примет наши условия и не услышит нас, нам придется в борьбе отстаивать свои интересы. Хотя мы и сейчас воюем, но, как говорится, худой мир лучше доброй ссоры, а протянутая для рукопожатия рука лучше кулака... Так-то так, но как это воспримут такие горячие головы, как у Цеева?..»

Его размышления прервал сосед Мола Гумиштов:

– Почтенный, у твоей коновязи спешилась группа всадников.

– Приятно встречать гостей, – по законам гостеприимства не спросив, откуда и кто они, Хасан Биржев обратился к Моле: – Идем, сосед, встретим их.

– Среди них я видел Марзухаева и Брагунова. Думаю, они останутся не надолго, видимо, не могли проехать мимо, не поприветствовав тебя.

– Великое счастье, если люди не избегают тебя, – и пошел навстречу всадникам, спешившимся у его ворот. – Добро пожаловать, уважаемые, – обратился он к Бачиру и Исламу, старшим в этой группе. – Нет, нет, это не по нашим обычаям не переступить порог моей кунацкой, даже если вы очень спешите. Хорошо, тогда присядем под тенью этого дерева, отдохните немного, у нас с вами есть о чем поговорить. И крикнул в сторону кухни: – Кто-нибудь видит, что у нас гости? Подайте хотя бы кувшин с водой!

– Поэтому, Бачир, я и не хотел беспокоить Хасана... – сказал Ислам Брагунов. – Но по нашим обычаям мы не стали перечить желанию старшему.

– Ты правильно поступил, Бачир. Но, Ислам, неужели только его старшинство было тому причиной? – пошутил Биржев.

Брагунов понял, на что намекает хозяин.

– Твоя правда, с тех пор, как мы породнились, между нами во всем согласие. Хвала Аллаху, невестка наша, дочь Марзухаевых, осчастливила род Брагуновых двойней – мальчиком и девочкой.

– Это радостное известие! – воскликнул Биржев. – Пусть для ваших родов эти дети принесут счастье! И когда это произошло?

– Да уже больше года прошло, выходит, Магомет не сказал тебе об этом... Интересный он человек, мой младший брат... Сует свой нос в чужие дела, а о родственниках забывает.

– Не сердчай на него, Бачир, он занимается и религиозными делами, и государственными.

– Извините, старейшины, – вмешался в разговор Мола Гумиштов, который обслуживал их, – но вспомните, какую честь оказал меджлис Магомету эфенди...

Биржев, прервав Мола, распорядился:

– Мы это помним, сосед, но сейчас попрошу тебя подать горячий щалам молодым всадникам. – Когда навязчивый сосед отошел от них, Биржев продолжил: – В твоих словах, Бачир, есть доля правды. Не знаю, чему его учили в Мекке, Дамаске и Стамбуле, но кажется, он слишком усердствует в своих проповедях, случается, даже не советуется с нами. Ни Цеев, ни я не были посвящены в планы хаджи Берзегова о выдвижении его на должность эфенди и чтеца Корана в меджлисе. Но до нас дошли слухи, что твой брат сам попросил об этом хаджи и шапсугского эфенди, а теперь всех убеждает, что это божий промысел. Самое интересное, что он и сам в это уже поверил.

– Я подозревал, что так будет... – Бачир, запив сладкой водой щалам, с уверенностью сказал: – Его нужно поставить на место... – но увидев возвращающегося к их столику Мола Гумиштова прервался на полуслове. – Рады были встрече с тобой, уважаемый Хасанбий. Спасибо за угощение, мы продолжим свой путь.

– Твои утренние гости, уважаемый, едут в долину Мамруко, где Цеев и Афамготов собирают абадзехских воинов, – не удержался Гумиштов от новости, которую услышал от молодых всадников. – Я сомневаюсь, что мне еще доведется встретить таких добрых спутников, поэтому решил присоединиться к ним.

Хотя Хасанбий Биржев не был в курсе услышанной новости, но, не выказывая неудовольствия, подтвердил:

– Да, мы с Цеевым на днях говорили об этом. До нас дошла весть, что русский царь остановится в Мамрукской долине. Нет, Бачир, мы не будем его встречать, как дорогого гостя, но принять по законам нашего адыге хабзэ обязаны.

Прошло уже более часа, как гости покинули его двор, но Биржев не мог успокоиться, думая о поступке Цеева. Он то заходил в дом, то снова возвращался во двор: «Сколько мы с ним ни говорили о недопустимости такого поведения, сколько ни пытались объяснить его ошибки – все бесполезно, он продолжает так же вести себя. Я, наверное, тоже виноват. Уважая возраст, на многие его поступки закрывал глаза, поэтому он вообще перестал советоваться и решения принимает один. Вот к чему приводит наша разобщенность... Завтра соберем здесь посланников меджлиса, чтобы до приезда царя еще раз обсудить дела. До встречи с ним остается четыре дня...»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Это был шестой год царствования императора Александра II, он взшел на престол российской империи в разгар Крымской войны. Войну России навязали Турция, Англия и Франция, одновременно выступившие против нее. Россия не смогла одержать в той войне победу. Конечно, были потери, но императору удалось сохранить черноморское побережье Черкесии и это радовало, особенно когда он воочию увидел эти территории.

«Как бы черкесы ни сопротивлялись, какие бы действия ни предпринимали, а этот благословенный земной рай принадлежит России. – Подтянутый, высоколобый, с тонкой бородкой, император еще раз пробежал документ, который держал в руках, и отложил его в сторону. – И от нашей сегодняшней встречи с ними ничего не изменится. Их желание никогда не исполнится, даже если мы и пообещаем им это. Их счастье, что войне приходит конец, но если будут сопротивляться, то изгоним черкесов с этой территории в Турцию. Нам не они нужны, а их земли, леса, горы. И документ, который доставил мне Милютин из Тифлиса, подтверждает, что для нас ничего нет невозможного. Думаю, генерал Евдокимов знает о нем, возможно, они вместе составляли его. И, тем не менее, посмотрим, как пройдет наша встреча с черкесами, но от своих интересов мы ни на шаг не отступим!...»¹

¹ «...Северо-западная часть Кавказа заключает в себе страну, обитаемую однородным и доселе враждебным народонаселением, – наместник Кавказа Бяратинский 29 декабря 1860 г. обратился к императору России Александру II через военного министра Сухожанета. – Доступная для внешнего неприятеля, владеющего Черным морем, она в мирное время служит поприщем тайных происков иностранных агентов, старающихся раздуть и поддерживать у горцев ненависть к нам. В этих отношениях Западный Кавказ может иметь особенную для нас важность. В прошлую войну противники наши не сумели воспользоваться значительными выгодами, которые представляло многочисленное и враждебное нам

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

17 сентября 1861 года.

Мамрукское ущелье.

Благодатное солнце, выкатившись из-за гор, начало свое торжественное шествие по небу, как бы приветствуя встречные белоснежные облака. Где-то там, за лесной опушкой ущелья, двигался со своею свитой император Александр II, сопровождаемый громом оркестровой меди и солдатских казачьих приветствий.

Войска, золотые погоны, красноверхие кубанки.

На взгорке стояли сотни адыгских всадников. Их становилось все больше и больше, они стекались сюда лесными и горными тропами.

население этого края, но нельзя надеяться, чтобы они в другой раз повторили ту же ошибку. Высадка небольшого отряда регулярных войск, возможная на всем восточном берегу Черного моря, послужит сигналом ко всеобщему восстанию черкесов. Если бы население и было силой нашего оружия принуждено к покорности, то, оставаясь вооруженными в горах, прилегающих к Черному морю, они, при первом появлении внешнего неприятеля, неизбежно обратятся против нас. Естественно, что возбуждение магометанского фанатизма будет важным орудием в руках наших противников. Призыв к священной войне может найти отголосок и на Восточном Кавказе, если этот призыв раздастся прежде, чем мы успеем закончить устройство системы дорог и укреплений для прочного обладания этим недавно покоренным краем.

Единственное надежное средство для прочного утверждения нашего владычества на Западном Кавказе есть занятие горного и предгорного пространств нашим вооруженным казачьим населением по обеим сторонам хребта. Всякая другая система может иметь временные выгоды, но решительно не ведет к прочному утверждению нашему в этом крае.

Для достижения этой цели очевидна необходимость производить водворение новых казачьих станиц, начиная от Лабы через верхние части рек Белой, Пшехи, Псекупса и далее к западу, по обоим скатам хребта, до берега моря. По мере этого движения, конечно, представится необходимость временно занимать оборонительные линии для прикрытия водворяемых станиц и первым эшелонном будет р. Белая, но следует заметить, что по мере удаления к «западу все притоки Кубани становятся короче и представляют более удобства для временного устройства их охранения».

– Чего они кричат? Что там у них случилось? – спросил абадзех своего соседа.

– Царя встречают.

– А кричать зачем?

– Так у них принято.

– А где наши? От меджлиса которые?

– Вон они, стоят в ожидании, только русский царь их поманит, тут же побегут.

– Что-то Карбатыра Зана не видать.

– Говорят, не захотел с царем встречаться. Тоже сам себе на уме...

Хатырбай Цеев нервничал, наблюдая шествие императора. Его конь прыдал ушами, сердито бил землю кова-

«...Граф Евдокимов сильно опасался, что черкесы примут императорское предложение и останутся на своих землях под покровительством России, чего он никак не хотел допустить. Он мыслил выгнать абреков из гор всех до последнего, – пишет М. Ванюков в своих «Кавказских воспоминаниях». – Зная легковёрность азиатов, он командировал к ним ночью своего приближенного полковника Абдерахманова, и приказал ему внушить горцам, что они могут требовать теперь всего, даже удаления наших войск за Лабу и Кубань и срытия укреплений. Те поддались на коварный совет и участь их была решена...»

«...Представить себе, что руководство меджлиса доверяет Евдокимову и его сподручному Абдерахманову просто невозможно, – пишет в историческом приложении газеты «Голос адыга» современный исследователь Самир Хотко. – Какие-то агентурные мероприятия действительно могли иметь место, но не через генеральского цепного пса. Наконец, подобное толкование совершенно не учитывает личную позицию самого императора, а предлагает неубедительную конспирологическую версию. Какие документы, исходящие непосредственно от Александра II, позволяют нам определить его личное отношение к изгнанию черкесов?»

1 апреля 1861г. Барятинский отдал приказ по Кавказской армии о постройке за Кубанью новых казачьих станиц (это после его обращения к царю через военного министра Сухозанета).

Очевидным обстоятельством является личное участие императора и его младшего брата, великого князя в проведении того крайне безжалостного курса в отношении Черкесии, который проводился с января 1861 г. (за семь месяцев до приезда царя в Абадзехию и его встрече с руководством адыгского меджлиса). А

ным копытом – напряжение хозяина передалось и ему. Наконец Цеев не выдержал:

– И долго мы тут будем стоять? У меня от их барабанов уже уши звенят. Давайте-ка покажем им, что такое наш удалой сабельный бой!

Две сотни всадников разъехались на поляне, изговившись, встали друг против друга. По команде Цеева обнажили шашки и кинулись с дикими, пугающими воплями, гортанными криками друг на друга: сталь сверкала на солнце, звенела.

Всполошились близстоящие цепи солдат, но всадники недолго изображали бой. Показав свою удаль, разъехались по местам. Тут же выскочили мастера джигитовки – каза-

за три месяца до визита в Черкесию Александр II издал рескрипт, в котором весьма четко обозначил курс на полное и безукоснительное изгнание черкесов и аннексию их страны. На имя Евдокимова от 24 июня 1861г. Александр II писал: «...Пересечение наших линий, конечно, не может быть тягостным, это жертва, приносимая верноподданым для блага Отечества. Казачье сословие предназначено в государственном быту для того, чтобы оберегать границы империи, прилегающие к враждебным и неблагоустроенным племенам и заселением отнимаемых у них земель. В продолжение почти целого столетия казачьи войска, с помощью донских и малороссийских казаков, дружно действовали для покорения враждебных племен, в особенности в последнее время они оказали большие заслуги, постепенно оттесняя неприятеля далее в горы и заселяя оставленные ими земли. Ныне, с Божьей помощью, дело полного завоевания Кавказа близко к окончанию... Остается несколько лет настойчивых усилий, чтобы навсегда вытеснить враждебных горцев с занимаемых ими плодородных земель».

10 мая 1862г. Александр II издал «Положение о заселении предгорной западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России». Положение четко определило границы той территории, которая столь «щедро» представлялась для расселения горцев: «1. Предгорья западной части Кавказского хребта занимают казачьи станицы с целью окончательного покорения горских племен, остающихся нам враждебными. 2. Границами пространства, назначаемого для новых казачьих поселений Кубанского войска, полагаются: к югу и западу – гребень Кавказского хребта, от верховьев Малой Лабы – до истоков р. Пшиш, а далее – берег Черного моря от устья реки

лось, они вместе со своими конями летали по поляне, выделывая головокружительные трюки.

С той стороны, откуда, нарастая, двигалось громогласное «ура», показался Александр II в сопровождении многочисленной свиты и военного эскорта.

Адыги расступились, пропуская всадников.

Пешие и конные стали спускаться с холмов, каждому хотелось приблизиться к царю, получше рассмотреть его.

Царь ехал на лошади английской породы. Справа и слева от него – генерал Евдокимов и Лорис-Меликов, позади – переводчик при особе императора Адыль-Гирей Капланов.

Царь приблизился к адыгам, спешил.

Адыги тоже спешили.

Царь сделал несколько шагов навстречу и громко поприветствовал:

Мокупса до устья реки Кубани; к северу – низовья рек Кубани и Адагума и прямая линия от Адагумского укрепления до укрепления Дмитриевского, а от последнего – до р. Большая Лаба против станицы Родниковской; к востоку – рек Большая Лаба. 3. Пространство, означенное границами, заключает в себе по приблизительному исчислению около 1.300.000 десятин земли, удобной для занятия казачьими станицами...»

Фактически, ни рескрипт 1861г., ни «Положение...» 1862г. не предусматривали выделение хоть сколько-нибудь существенной земельной компенсации для горского и равнинного населения Черкесии, которое согласно этим законоуложениям лишалось своих исконных земель. Насильственный характер выселения черкесов (адыгов) в Турцию признавали в своих мемуарах и работах иного плана высокопоставленные царские офицеры – участники и очевидцы этих событий.

Приезд царя Александра II в Абадзехию не установил мир, а подстегнул военные действия.

В ноябре 1863г. последовало особое распоряжение Александра II командиру войсками Евдокимову: «Совершенно необходимо довести границу русских поселений по берегу Черного моря до реки Бзыбь, ибо в противном случае и небольшая часть горцев, оставшихся на берегу на каких бы то ни было условиях, будет в случае внешней войны составлять приманку для наших неприятелей».

– Доброго здравия, абадзехи!

– Бэрэчэт босын! Желает тебе всяческих благ! – ответили ему представители меджлиса.

– Я приехал к вам не врагом, а другом, – громко, твердо произнося слова, начал император. – Желая здравствовать вашему народу, каждому вашему племени, пусть они счастливо живут в своей прекрасной стране. Россия – великое государство, призванное решать великие задачи на благо всего человечества. Мы хотим жить в мире и благополучии со всеми многочисленными народами, населяющими нашу державу, в том числе и с черкесами. Мы укрепляем южную границу. Для обороны, для торговли с нашими соседями нам необходимо Черное море, необходимы дороги к Туапсе, Новороссийску и Анапе. Моя казна полностью выплатит издержки тем селениям, которым придется переселиться с территории, отведенной под дороги. Мы считаем, вам чрезвычайно выгодно принять наше подданство – это гарантирует вашу безопасность, национальное благополучие под покровительством великой державы, сохранение самобытности и религиозной самостоятельности. Администрация и суд будут выбраны из ваших людей. Война, которая длится уже много лет, ничего не сулит вам доброго, вы не сможете противостоять нашей могучей, одной из сильнейших в мире армии...

Услышав последние слова царя, послы всеадыгского меджлиса переглянулись. Хатырбай Цеев обернулся к стоящему позади Исламу Брагунову:

– Все ли правильно переводит этот толмач-татарин?

– Пока все правильно, – вполголоса ответил Ислам Брагунов.

– Будь внимательнее, если обнаружится какая-нибудь неточность, сразу скажи мне.

– ...Теперь уже определенно виден конец этой войне, – продолжал Александр II, – Кавказ несомненно будет

русским. Залечатся раны, утихнет вражда, забудутся обиды, мы будем жить единой семьей в дружбе и согласии. Если же вы отвергните эти условия, я буду вынужден приказать своим генералам силой прекратить эту войну. Они исполнят мой приказ. Но это принесет неисчислимые бедствия и истребление народа. Будьте же благоразумны и примиритесь с исторической неизбежностью. Царское слово крепкое, торжественно заявляю, что оно свято и нерушимо, это я подтверждаю своим царским указом.

Император закончил свою речь и на какое-то мгновение установилась полная тишина. Князь Хаджемуков, выйдя вперед, прокашлялся в кулак и заговорил:

– Моя любовь к родине наших предков так велика, что я согласен любой ценой сохранить ее для наших детей. Нашим отцам и дедам удавалось сохранять свою независимость, но нам сейчас это не удастся, силы неравны, нам не устоять. У нас один выход – принять предложение русского царя, покориться своей судьбе. Такова, наверное, воля Аллаха, Он уберегает нас от роковой ошибки. Так я думаю.

В рядах адыгов послышался легкий шум, затем он перерос в ропот, раздались угрозы. Царь переменялся в лице, посуровел.

– Что сказал этот старец? – спросил он у Капланова.

– Князь Хаджемуков согласен с вашими предложениями, но многие черкесы не согласны с ним.

Александр II властно окинул взглядом толпу.

Хатырбай Цеев вышел вперед, оглянулся на адыгов, словно проверяя, здесь ли они, здесь ли его сила.

– Ислам, переводы мои слова. – И обратился к адыгам: – Получается, русский царь за нас решает нашу судьбу. Я не осуждаю его, просто наши желания не совпадают. Каждый народ рождается, растет, стареет и умирает точно так же, как и каждый отдельный человек. Век человека, говорят, сто лет, а народ живет тысячелетия. Русскому царю очень понравился Кавказ и он многие годы ведет

кровавую войну за его покорение. Нам тоже дорога наша земля, наша родина. Не жалея крови и самой жизни мы защищали ее, защищаем и будем защищать во имя наших отцов и дедов, во имя детей и внуков. Русский царь обещает нам полную национальную и религиозную самостоятельность. Бросьте в бочку воды щепотку соли. Она растворится. Так и наш народ растворится в огромной России, он в ней пропадет. Мудрые люди говорят: бог не в силе, а в правде, а она на нашей стороне. Царь сказал: «Кавказ будет русским». Нет, он будет или нашей родиной, или могилой. По нашим обычаям гостя нельзя обижать, но, да простит меня всемилостивый Аллах, я вынужден нарушить этот обычай и сказать царю: ты не друг наш, а враг. И напрасно он призывает к покорности. Только такие слабые духом как Хаджемуков могут покориться злой воле врага. Сильные говорят: смерть нашим врагам, объявляем им священную войну! Слава героям! Мужество или смерть!

– Слава-а-а!

– Свобода-а!

Император вскинул голову, кольцо офицеров вокруг него сомкнулось.

Цеев поднял руку, шум мгновенно стих:

– Русский царь наш гость. Сегодня он для нас – священная особа, и пусть никто не подумает, что адыги способны нарушить долг гостеприимства. – И, пошептавшись с хаджи Берзеговым продолжил: – Может, царь нам еще что-нибудь скажет? Спроси у него, Капланов.

– Его Величество не повторяет дважды.

Александр II согласно кивнул головой. Потом, выждав паузу, спросил у Берзегова:

– А что же вы молчите, князь?

– Мысли Цеева – мои мысли. Они изложены в этом послании всеадыгского меджлиса¹.

¹ «Эти земли принадлежат нам: мы их унаследовали от наших предков и стремление удержать их является причиной нашей

Царь заложил руки за спину. Протянутую бумагу взял Лорис-Меликов. Император поднялся в седло и, обратившись к Цею, спокойно, без угрозы сказал:

– Если в вашем послании изложено то же самое, вы еще об этом пожалеете. Или вы выполните наши указания, или будете выселены в Турцию.

После отъезда Александра II в Мамрукском ущелье развернулся небывалый базар. Торговали всем, и особенно бойко оружием – кинжалами, шашками, пистолетами, отдельным черненым серебром. А что, в самом деле, не ехать же на базар куда-нибудь вдаль, а без торговли мир не может существовать.

долгой вражды с вами. Мы приняли новое государственное устройство и наше намерение – управлять нашей страной со строгой справедливостью и человечностью, не причиняя никому несправедливость. Народ с такими добрыми намерениями должен был бы внушить симпатию такой могущественной державе, как ваша. Вы высказывали, при некоторых обстоятельствах, симпатию народам, стремящимся к независимости, почему вы не хотите поступить так по отношению к нам?

Мы делаем все возможное, чтобы справедливо управлять нашей страной и придерживаться новых, изданных нами законов. Мы хотим обходиться по справедливости с нашими соотечественниками и уважать жизнь и собственность иностранцев, приезжающих к нам. Что является задачей такой могущественной державы, как ваша страна: уничтожить такой маленький народ или помочь нам в проведении наших реформ? Мы решили обратиться с нашим делом ко всем великим державам: вы одна из них, и мы излагаем вам наше дело в правдивом освещении.

Будьте к нам справедливы и не разорайте наше имущество и наши мечети, не проливайте нашу кровь, если вас на это не вынуждают. Для могущественной державы позорно отнимать без необходимости у человека жизнь.

В этой противозаконной войне захват в плен беспомощных женщин и детей является несправедливым. Вы вводите в заблуждение весь мир, распространяя слухи, что мы дикий народ, и под этим предлогом ведете войну с нами; между тем мы такие же человеческие существа, как и вы. Не стремитесь проливать нашу кровь, так как мы решили защищать нашу страну до последней крайности».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

– Какое счастье, Бачир, что наши отцы не видят все то, что происходит в Абадзехии последние годы, – сказал Ислам Брагунов, когда они, покинув Мамрукское ущелье, взбирались на вершину горного хребта. – Чего стоит только сегодняшнее событие, свидетелями и участниками которого мы были. Сначала русский царь говорил нам сладкие речи, а закончил угрозами.

– И с их, и с нашей стороны есть алчные люди, готовые торговаться, – в тон соседу ответил Дадай и велел молодым всадникам: – Парни, ездайте вперед, вы тоже не лучше!

– Напрасно, Дадай, свою обиду ты срываешь на молодых, – укорил его Бачир, глядя вслед уходившим рысью лошадям.

– Да, Брагунов, я сегодня понял, что на мирную жизнь у нас нет никакой надежды. Не знаю, как вы, но я считаю, что Хаджемук прав. Вон, бжедуги, кабардинцы живут с русскими в мире и согласии.

– Нельзя прощать казаков, от их рук погибло много наших соплеменников, в том числе и мой отец! – вспыхнул Дадай, про себя подумав: «Я догадываюсь, почему ты так говоришь».

– Казаки – подданные российского государства, – напомнил ему Ислам Брагунов и, улыбаясь, добавил: – Как говаривал наш бедный отец, они одели нашу черкеску, не спросив нас, нацепили на нее погоны и считают себя защитниками России.

– Вот это верно, – обрадовался Дадай, – и с ними, поддерживая Хаджемук, Бачир предлагает договориться... Понимаю, понимаю...

Переглянувшись, оба родственника поняли, что он имеет в виду, но промолчали. Потом Бачир спросил:

– Что ты понял, Дадай?

– Не знаю, как это сказать, Бачир... – как бы оправдываясь, начал Дадай. – Наверное, на твое решение повлияло то, что ты связан с ними родством... Прости, старший, если тебе это неприятно слышать, но, как говорят, беда да нужда выходят наружу – видно, во мне обида говорит... Прости и ты, Ислам.

– Мы прощаем тебя, Дадай, но сейчас не следует выяснять, кто кому кем доводится, нам нужно думать о будущем. Я Хаджемукову не кум и не сват, но он говорил мудро, думая не только о сегодняшнем дне, но и заглядывая далеко вперед. Мне казалось, что абадзехи, готовые схватиться за оружие, прислушаются к нему... Оказывается, Цеев высказал их мнение, и Обращение, врученное царю хаджи Берзеговым – подтверждение этому.

– Да, да, – согласился Дадай, – князь Хаджемуков выступил хорошо, но только не знаю, правильно ли перевели его слова.

– К русскому переводу Капланова я прислушивался внимательно, каждое слово было точным, – сказал Брагунов. – Да и я старался не исказить в переводе речь Цеева, – не забыл он и про себя.

– Тогда как понимать молчание Биржева перед царем?.. Помнишь, Бачир, ты когда-то говорил, что Биржев неплохой человек, но похоже, он находится под влиянием Цеева.

– Сегодня это же можно сказать и о хаджи Берзегове, он тоже молча передал царю Обращение независимого меджлиса. Мне кажется, эти трое – Берзегов, Цеев и Биржев – сделали свое дело, как они себе его представляли, плохо только, что мы не захотели услышать мнение князя Хаджемукова.

– Бачир, может я и ошибаюсь, но в этом вопросе я князя не поддерживаю, – высказал свое мнение Брагунов. – Почему мы должны снять папаху перед тем, кто многие годы проливал нашу кровь? Сейчас он делает вид, что

протягивает нам руку, но как мы можем пожать ее, зная, сколько наших соплеменников он погубил? Как говорил Сафербий Зан, разве мы лишились мужества и памяти?!

– Посмотрите туда, – перебил его Бачир, которому были не по душе слова Брагунова. – Там, кажется казаки и абадзехи сцепились... Едем быстрее туда!

С разных сторон к месту ссоры подъезжали всадники, пытаясь остановить горячие головы, но были и равнодушные к тому, что происходит. Кто-то, не останавливаясь, ехал своей дорогой, было и немало любопытных, молча наблюдавших за происходящим.

Словно приглашая отвлечься от невзгод и порадоваться жизни, по полуденному небу величественно плывет яркое солнце. Торопясь, весело, вприпрыжку скатываются с гор ручейки, и только топот копыт раздается над горной тропой, нарушая этот покой.

Подъехав поближе, дружина Бачира Марзухаева увидела две группы противостоящих друг другу адыгских всадников. С одной стороны – Мазхаб Багов, Зауаль Берекетов, Гарун Коблев, за ними стояли Мола Гумиштов и еще несколько абадзехских тфокотлей, с другой – князь Хаджемуков со своими всадниками из охраны. Каждый из них пытался доказать свою правоту, перекрикивая друг друга.

– Байколи! – пытался остановить князь Хаджемуков своих охранников, – отойдите, не вмешивайтесь, дайте мне поговорить с абадзехами, которые считают, что я нанес им оскорбление.

– Хаджемуков, помимо приятных сердцу царя слов, может, ты еще что-то нам скажешь? – бросил князю Зауаль Берекетов.

– Возьми свои слова обратно! – возмутился один из байколей князя.

– Успокойся! – остановил его Хаджемуков. – Он высказал свое мнение, а у меня оно другое. И я не сожалею о сказанном, если хотите, еще раз повторю свои слова.

– Хаджемуков, твои слова нас оскорбляют! – Гарун Коблев выхватил свой кинжал из ножен, за ним последовали и другие.

– Прекратите! – кинулся Бачир Марзухаев к абадзехам. – Что плохого в том, что у темиргоевского князя есть свое мнение? Вы забыли, что он наш гость, не нарушайте обычаи адыгов!

– Он не наш гость, он гость царя и казаков! – выкрикнул Мазхаб Багов, увидел подъезжающих всадников: – Смотрите, Биржев едет!

– Что случилось, абадзехи, почему оружие вынута из ножен?! – первым из подъехавших обратился к ним Цеев, словно не замечая группу Хаджемукова. – Немедленно уберите оружие!

– Правильно говоришь, Хатырбай, негоже нам наставлять оружие друг против друга, – тут же напомнил о себе Мола Гумиштов. – Пусть выступит наш уважаемый глава Хасанбий Биржев и посланец Аллаха Магомет эфенди, послушаем, что они нам скажут.

– Сегодня мнение Хаджемукова и Цеева не совпали, – не заставил себя ждать Хасан Биржев, – но это не должно быть поводом для противостояния. Хатырбай в своей речи высказал мнение меджлиса, обращение которого было вручено царю. Заключительное слово царя вы все слышали, поэтому надеяться нам нужно только на себя. А вы, вместо того, чтобы сплотиться, учинили разборки. Этим вы позволяете неверным посмеяться над нами, мол чего от них ждать, они и меж собою не ладят. – И обратился к Хаджемукову: – А тебе, князь, мы пожелаем счастливого пути, пусть Аллах целым и невредимым вернет тебя твоему роду.

Магомет эфенди тоже обратился к собравшимся:

– Правоверные! Аллах ведает обо всем, что происходит на брэнной земле, и свои решения Он вкладывает в уста наших предводителей, поэтому прислушайтесь к ним.

А сейчас мы говорим вам: возвращайтесь в свои семьи! И твой путь домой, князь, пусть будет счастливым, да смягчит Аллах твое сердце.

«Что говорят эти абадзехи? – с болью в сердце спросил себя Хаджемуков. – Неужели не понимают, что мы стоим у края бездны?.. Мужеством и храбростью нам мир не удержать, здесь нужны и хитрость, и расчет, и дальновидность. Император не открывает свои намерения перед теми, кого победил. Как говорится, доброе слово и змею из норы выманит. А мы машем друг другу кулаками, вместо того, чтобы холодным умом оценить наше положение. Вот и меня обвинили чуть ли не в измене. И неизвестно, чем бы все закончилось, не подоспей Биржев со своими спутниками».

Абадзехские всадники, отделившись от дружины князя Хаджемукова, ехали какое-то время молча. Уже поднявшись на хребет, Цеев, ища повод для разговора, обратился к Биржеву:

– Как ты думаешь, хаджи Берзегов ожидает нас в ауле? Из-за князя Хаджемукова мы задержались и не смогли переговорить с главой меджлиса.

– Ничего, еще успеем поговорить... – раздумчиво произнес Биржев. – А вот наш разговор с царем не выходит у меня из головы. Думаю, в словах князя есть доля правды...

– Биржев! – поднял коня на дыбы Цеев.

– Что, Цеев?! – Биржев резко развернулся и встал напротив него.

– Спокойно, спокойно... – отступил Цеев, увидев вызов Биржева. – Я ничего не имел ввиду, умерь свой гнев, разве так можно... – И перевел разговор: – Слышишь, как гяуры празднуют приезд царя?

До них доносились звонкие звуки оркестра и громкое «ура» войска, приветствующего своего императора.

Ислам Брагунов недовольно проворчал:

– Они еще не знают, чем закончатся их игры ...

– Не знаю, как ты, Ислам, но мне кажется, было бы лучше нам договориться. Аллах милостив, прожили мы немало, видели тоже немало. А что ожидает наших детей?..– И, вспомнив о своих внуках, Бачир Марзухаев припустил коня.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Бачир Марзухаев отчетливо видел перед собой преисполненный величия и самообладания образ русского царя, слышал его речь, выступления князя Хаджемукова и Цеева. Но мысли его были в Тамбиехабле.

Не впервой он оставлял родной аул, приходилось уезжать и надолго, но Бачир не припоминал, чтобы тревога охватывала его так сильно, как сегодня. После долгих походов стоило войти в свой двор, душа его успокаивалась. Но сейчас он не ощутил этого привычного спокойствия, и, увидев жену, развешивавшую белье, окликнул:

– Что же ты одна, дочь Тазовых?

– Я не одна, Аллах и ты всегда в моем сердце,– пошла навстречу мужу Джаншир.

– Это хорошо, что Аллах в твоём сердце, да хранит Он тебя, но твой деверь эфенди не одобрил бы того, что рядом с Ним ты поставила меня,– пошутил он.– Где наши малыши?

– Где ж им быть, у Брагуновых, конечно. Ты разве забыл, чьи они? Не говори о пустяках, расскажи, какие новости привез.

– О каких пустяках ты говоришь! – повысил голос Бачир.– Что может быть важнее детей? Я не только их,

но и дочь нашу хочу видеть,– смягчившись, произнес он, оттягивая разговор о новостях.– Новостей хороших нет. Думаю, что от Обращения меджлиса, врученного царю, не будет никакого толка. Лучше бы было нам согласиться на мир с царем.

– Даже для дракона находят нужные слова... А, что, абадзехские мужи...

– Дочь Тазовых,– прищипнул на жену Бачир,– не тебе судить об абадзехских мужчинах! Лучше приготовь мне что-то перекусить.

Едва он приступил к еде, с веранды послышались детские голоса.

– Вот, прискакали, недолго ты скучал по ним,– сказала Джаншир.

В дом вошла Нафисет со своими годовалыми двойняшками, держа девочку на руках, а мальчишку ведя перед собой. Колес бросился к деду, Лащина, вырвавшись из рук матери, побежала за ним.

– Соскучились, малыши? И я соскучился,– Бачир прижал детей к груди, поцеловал их головки.– Теперь садитесь на мои колени-лошадки, покатим по стране абадзехов.

– Ты только с дороги, тат, отдыхай,– Нафисет, беспокоясь об отце, обратилась к двойняшкам: – А теперь, дети, обнимите бабушку, она вас чем-нибудь сладким угостит.

Бачир ссадил их с коленей и пересиливая душевную боль, продолжил прерванный с приходом дочери разговор:

– Доченька, ты, наверное, уже в курсе, что вернулись мы не с добрыми вестями... Но, слышите, мать и дочь, не стоит отчаиваться! У нас одна судьба с абадзехами, на миру и смерть красна.

– Все так, Бачир, как народ, так и мы,– Джаншир, соглашаясь с мужем, с трудом скрывала свои переживания за дочь и внуков.– Может, когда-нибудь стороны и опомнятся...

– Пусть сначала хорошо подумают те, кто пришел к нам с войной! – сорвалось у Нафисет.

– Довольно, не нам решать такие дела! – остановила Джаншир дочь, поглядывая на мужа, и уже шутливо продолжила: – Если не хочешь, чтобы Брагуновы отказались от тебя, возвращайся домой, уже темнеет.

– Да, не буду их доводить до этого, нана, – в тон матери ответила Нафисет. И, надеясь на поддержку отца, не удержалась: – Как говорят мужчины нашего дома, нельзя безнаказанно позволять царю творить в Абадзехии все, что ему вздумается. И я согласна с этим.

– Похоже, дочка, ты на стороне тех, кто носит папаху, – стараясь не показать свою тревогу сказал Бачир.

– Не я одна на их стороне. И моя свекровь, и обе соседки-старушки, и их невестки тоже так думают. И нана сердцем с нами, хоть сейчас и не может признаться тебе в этом.

– Нет, нет, доченька, не сомневайся, я с вами, да и другие женщины, думаю, поддержат нас.

– Ты слышишь, Колес, что говорят эти женщины, – удивился Бачир, сажая внука на деревянную лошадку. Лацина повисла на руке деда, торопясь первой сесть на нее. – И ты, моя хорошая, можешь быть нам добрым спутником, но твои мать и бабушка обидятся, наверное, на тебя. Они думают, что ты будешь с ними в совете ныхасэ-матерей, который создала твоя мать...

– Совет матерей... Это ты, тат, хорошо придумал, – сказала Нафисет. – Но мы не будем дожидаясь, когда Лацина вырастет, ты, нана, с сегодняшнего дня вступишь в ныхас. И позвала детей: – Эй, Брагуновы, собирайтесь домой, как говорит ваш дед, свекор мой, в гостях хорошо, а дома лучше.

– погоди, – вскочила Джаншир, – соберу кое-что сватам, не с пустыми же руками тебе возвращаться. Я сегодня хлеб испекла, сыр положу, сметану.

– Нана! Все это есть у Брагуновых!

– Конечно есть, они добрые хозяева. Но как говорила твоя бабушка, моя свекровь, между нами всегда должно быть – «отнеси-принеси».

– Да, доченька, бабушку свою ты при жизни не застала, но она была мудрая женщина. Не все измеряется богатством, делай, что говорит тебе мать, – сказал Бачир, соглашаясь с женой. – Слава Аллаху, у нас есть чем угостить.

Джаншир вышла вместе с дочерью проводить ее. Они остановились у калитки, держа на руках детей и беседовали. Бачир сидел немного и, окинув взглядом команту, которая совсем недавно была наполнена детскими головами, подошел к окну: солнце, окрасившее в огненно-красный цвет осенний небосклон, обжигая верхушку леса, закатывалось. Голос муэдзина, прокатившись над аулом, постепенно угасал, как бы уходя за огненный горизонт.

«Пусть опомнятся те, кто с войной пришел к нам», – вспомнились слова дочери, болью отозвавшиеся в сердце Бачира. – Но нет у них никакого раскаяния, хотя они силой своего оружия присваивают наши земли, несмотря на сопротивление. Разве царь отступит от своих слов, если он уже заявил, что Кавказ будет их землей? Разве прислушается к справедливым словам Цеева, который пытался ему напомнить, что Кавказ – земля адыгов, и мы никому его не отдадим, здесь и колыбель наша, и могила? Меджлис собрал пятнадцатитысячное войско, но даже если его увеличить вдвое и даже втрое, мы не сможем преодолеть хорошо вооруженное сотысячное войско и корабли, что стоят у наших берегов... Получается, мы зря машем кулаками... Нет, мужество меня не покинуло, надо будет – отдам свою жизнь, защищая вон тех, кто стоит у калитки. Но, может быть, есть способ миром разрешить наши проблемы? Может, мы сможем с ними договориться?.. – И одернул себя: – Вон до чего ты додумался,

Марзухаев, готов даже договариваться... Тогда нужно было принимать сторону Хаджемукова, но я не смог вслух высказать свое мнение. Слова Цеева тоже правдивы, и судьба рода Брагуновых, с кем мы породнились через нашу дочь, это подтверждает. Может, мы и растворились бы среди них, но жизни свои сохранили...» И перед глазами вновь возникли Нафисет и внуки. Со стороны веранды раздались шаги жены. Он снова присел на стул, с которого его заставили подняться тяжелые думы.

– Долгие у тебя проводы, дочь Тазовых, – укорил вошедшую в комнату жену.

– Да еле оторвала внуков от себя. А дочери разве мы когда надоедим... – Джаншир, видя плохое настроение мужа, попыталась его отвлечь: – Что сидишь, мужчины уже идут в мечеть на вечерний намаз, а воду для омовения Нафисет для тебя уже приготовила. Совершишь намаз, да и от дум своих отвлечешься.

– Как ты считаешь, так и сделаю, – не показывая жене, с каким трудом он поднял свое отяжелевшее тело, Бачир совершил омовение и спросил жену: – Ты что имела ввиду, предложив мне отвлечься? Может, что-то во мне не так?

– Нет, нет, не приведи господь, Бачир, все в порядке, если не считать того, с какими новостями вы вернулись. В доме у нас все ладно, дети растут здоровыми. Как говорит твой брат эфенди, Аллах милостив к нам.

– Если все хорошо, я со спокойной душой пойду в мечеть. – И про себя подумал: «Мой брат эфенди много чего говорит, но иногда никакого толку нет в его словах... Нужно поговорить с ним... Может из Англии наши послы привезут хорошие новости?..»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Джаншир из окна смотрела вслед мужу, видела его опущенные плечи и тяжелую походку, и сердце ее больно сжималось от жалости.

Прошло всего несколько часов с того момента, когда братья Марзухаевы встретились в Мамрукском ущелье, но Бачир обрадовался, увидев среди всадников, собравшихся у мечети, лошадь брата, хотя и было обидно, что он сразу не заехал в родительский дом.

Около мечети Бачир встретил сына Дадаю, Магомета, и попросил его:

– Магомет, ты еще успеешь к намазу, отведи в наш двор коня твоего тезки.

Наверное, оттого что в аул приехал Магомет эфенди, в мечети собралось много народу. Бачир поискал брата взглядом, но нигде его не увидел, и обида вновь овладела им. «Мало того, что он не заехал домой, так теперь и все собравшиеся на вечерний намаз видят, что брат не подошел ко мне. Я не посмотрю на его должность и выскажу все, что думаю о нем». – И оглянулся, услышав голос брата:

– Бачир, мы сегодня видели друг друга издали, нам не удалось поговорить. Если на то будет воля Аллаха, после намаза мы дома поговорим. – И обратился к правоверным: – Благословенные Аллахом братья мои мусульмане, войдемте в храм Аллаха! – Как только все вошли в мечеть следом за Магометом эфенди, он продолжил: – С благословения Аллаха я вам коротко расскажу о решении абадзехских предводителей. Сегодня мы не нашли понимания у царя неверных, которого ожидали полгода. Он не принял наши предложения, но мы не отступили от своего. Тому свидетели – посланники из нашего аула, присутствующие здесь Ислам Брагунов и Бачир Марзухаев, с абадзехской стороны – Биржев и Цеев, с убыхской – Берзегов и другие мудрые мужи. Все они, как и я сейчас,

соберут людей в своих аулах и доведут до них решение абадзехских предводителей. Царь не дает нам никакого выбора, он приказал сложить оружие, уйти со своих земель и поселиться туда, где укажет. Если мы послушаемся, он безвозвратно выселит нас в Турцию.

– Что за Турция, о которой нам твердят? – не сдержался Дадай.

– Да смилуется Аллах над тобой, Дадай, на этот вопрос я отвечу коротко – они предлагают нам переселиться к единоверцам.

– Мы же не турки! – выкрикнул кто-то другой.

– Да, мы не турки, – согласился Магомет эфенди и, выдержав паузу, продолжил: – Правда в том, что мы единоверцы. Не забывайте, что все мусульмане, исповедующие ислам – братья. Сегодня как никогда мы должны быть едины и мужественны. Как говорили наши отважные деды – умрем, но не сдадимся! – с пафосом закончил свою речь эфенди.

– Эфенди, неужели нет никакой надежды? – спросил кто-то из прихожан.

– Аллах лишает надежды только неверных гяуров, брат мой. А мы надеемся на наше мужество и на страны, к которым обратился наш Свободный меджлис. Мы не одиноки, абадзехи, Аллах с нами! А теперь, правоверные, становитесь за мной на намаз, предстанем перед Аллахом, прося у него защиту. Аллах акбар! Хвала Аллаху!

Братья Марзухаевы вместе пришли из мечети, молча отужинали. Дождавшись, когда Джаншир убрала со стола, Бачир, усмехаясь, спросил брата:

– Ты сам веришь в то, о чем говорил в мечети?

– Я верю в Аллаха, и принимаю все то, что Он дает нам, Бачир. А что, разве в проповеди, ниспосланной Аллахом и доведенной мною до вас, ты увидел что-то непотребное?

– Марзухаев! – назидательный тон эфенди вывел Бачира из себя. – Мне не надо рассказывать свои пропо-

веди, я-то хорошо знаю тебя... Разве ты не понимаешь, что настраивая людей на неповиновение вы стелете им дорожку в ад?! И предупреждаю: если еще раз услышу от тебя такие речи, расскажу людям, кто ты есть на самом деле.

– Что случилось с тобой, Бачир? Ты обижаешь меня...

– Замолчи! Не хочу тебя слушать! – снова прикрикнул на младшего брата Бачир.

Джаншир вошла в комнату, обеспокоенно спросила мужа:

– Бачир, что произошло между вами? Младший брат твой второпях оседлал коня и уехал...

– Твой деверь, похоже, не понял того, что ему было сказано, – с душевной болью отозвался Бачир. – Что ж, уехал, так уехал. Нынешние эфенди не лучше наиба, обманувшего нас.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Адыгская делегация по пути в Англию с большим трудом преодолела путь через Черное море и добралась до Турции. И не только потому, что осеннее море было беспокойно. Уйти незамеченными от русских сторожевых судов было сложно, и только темные ночи скрывали их тайные передвижения на турецком суденышке.

В Турции делегацию встретил Джеймс Белл.

– Самое страшное осталось позади, – успокоил он сошедших с судна Исмаила Дзиапша и хаджи Хушта. – Теперь, с божьей помощью, мы отправимся во Францию, а через пролив Ла-Манш доберемся до Англии. И я, считай, уже дома.

– Это хорошо, когда у тебя есть дом, – с болью заметил хаджи Дзиапш.

Мыслями и сердцем он уже был в Англии, представляя свою встречу с Дэвидом Урквартом, с которым был ранее знаком. Речь, которую он произнесет в парламенте, уже составлена. Если возникнут вопросы, он готов ответить на любой из них, не утаивая ничего, пусть весь мир узнает о несправедливом отношении к адыгам, пусть другие народы мира услышат их боль. «Я не стану просить, не покажу им своих слез, мой голос тоже не дрогнет, но я должен убедительно донести до присутствующих наше положение, рассчитывая на их поддержку», – закончил свои размышления Исмаил Дзиапш и прислушался к тому, о чем говорил хаджи Хушт.

– Я видел в жизни многое, но не перестаю удивляться увиденному. Какие здесь высокие минареты, как много построено больших мечетей!.. Но прошу тебя, Джеймс, хоть ты и хорошо говоришь на нашем языке, но не мусульманин, поэтому ни в одной из них тебе делать нечего, а нам нужно совершить намаз.

– Не спеши, хаджи, – остановил его Дзиапш, – до этого еще очередь не дошла.

– Рядом с гостиницей, где вы остановитесь, находится самая большая мечеть Стамбула, вмещающая несколько тысяч человек, – успокоил их Джеймс.

– Хвала Аллаху! В Каабе находится знаменитый камень Аллаха, но думаю, что ни в Каире, ни в Дамаске нет таких мечетей, как в Стамбуле.

– И в Каире, и Дамаске есть мечети, построенные еще черкесскими мамлюками, – ответил Джеймс. – И в Дамаске есть амиадская мечеть, которая вмещает двенадцать тысяч человек.

– Хвала Аллаху! – снова воскликнул хаджи Хушт. – Ее тоже черкесские мамлюки построили?

– Нет. Во времена Византии это была церковь, позже переделали ее в мечеть.

– Сколько интересного в мире, о чем мы даже не ведаем...

– Остановись, хаджи, – перебил его Дзиапш, – не для совершения намаза мы прибыли в Турцию. Нам предстоит дорога в Англию, надо думать об этом.

Не замечая ни яркое полуденное солнце, ни мечетей на улицах Стамбула, хаджи погрузился в свои тревожные мысли: «Мы взяли на себя тяжелую миссию, согласившись на эту поездку. Уже неоткуда ждать помощи, неужели и Англия на радость нашим недругам откажет нам? О, Аллах, не оставляй нас, мы больше надеемся на Англию, чем на Турцию, пусть нас услышат».

– Намаз мы, конечно, совершим, – вернулся к разговору хаджи, уходя от своих мыслей, – но если прознают, по какому делу мы направляемся в Англию, ни Турция, ни Россия не будут способствовать его положительному исходу.

– Верно, – согласился Джеймс. – Нужно быть осмотрительными, здесь немало доносчиков. По этой причине я не буду сопровождать вас в гостиницу, а вы следите за каждым своим словом. Завтра с утра мы выедем во Францию. И запомните: я коммерсант, давний ваш знакомый по торговым делам и не более того.

– А мы совершаем паломничество в Каабу, – для верности добавил Дзиапш.

На следующий день, как и договаривались, отправились в дорогу. Хаджи Хушт, стараясь не показать свое беспокойство, спросил Белла:

– Что ожидает нас в Англии, какие там настроения, с кем мы сможем встретиться?

– Вы можете встречаться со всеми, за исключением английского короля.

– Это хорошо. Надеюсь, с нами не обойдутся так, как с Жамбересом Аджибой, – сказал Дзиапш и многозначительно посмотрел на Хушта.

Ранее Жамберес Аджиба от имени убыхов тоже обращался за помощью к Англии, но, многое пообещав, она

ничем им не помогла. С тех пор адыги не очень-то доверяли Англии. – Вспомнив об этом, Дзиапш продолжил:

– Правда, времена теперь другие. Более того, день на день не приходится, ситуация может быстро поменяться. Отчаиваться не стоит, мы исполним миссию, возложенную на нас Аллахом. Адыгский народ должен справиться с бедой, которая обрушилась на него!

– Правильно говоришь, – согласился хаджи Хушт и добавил: – Мы отправились в дальний путь с надеждой, что сделаем все зависящее от нас, и если случится, что не достигнем каких-то результатов в переговорах, надеюсь, люди не обвинят нас в бездействии.

– Конечно, хотелось бы вернуться не с пустыми руками. Я был бы рад, если бы в обратный путь нам удалось загрузить корабль порохом и пушками.

– Тогда, Исмаил, считай, что ты уже выполнил свою миссию, – обрадовал его Джеймс. – Я и сам, без вмешательства государства, могу решить этот вопрос. Мы, союзники Черкесии, многое можем сделать для вас, вы только продолжайте воевать с Россией, не допускайте ее к берегам Черного моря. Турция, хоть и тайно, но тоже чем-то поможет вам, да и Франция не останется в стороне. И еще одну хорошую новость сообщу: недалек тот час, когда Европа объявит войну России, поэтому держитесь! Россию разделят на части, а земли ваши райские останутся за вами, и в мире и согласии вы будете жить на них.

– Если ты это говоришь, Джеймс, то и Англия, посланцем которой ты являешься, тоже так считает, – уверенно сказал Исмаил Дзиапш. – Конечно, пароход, груженный оружием, это хорошо, но было бы гораздо лучше, если бы весь мир узнал об истинном положении адыгов и откликнулся на нашу беду. – И добавил: – Я понимаю, что Англия не бесплатно предоставит нам и оружие, и другую помощь.

К этому нелегкому разговору у Джеймса Белла было двоякое отношение. «Здесь вы не рассчитывайте встре-

тить такое же гостеприимство, какое у вас, адыгов-черкесов, – усмехнулся он. – Конечно, никто, кроме вас, содержать и кормить бесплатно гостей не будет. Я сам пользуюсь вашим гостеприимством уже много лет. Хорошо ли это? Для того, кто приходит к вам в дом – это хорошо, вы отдаете последнее, чтобы оказать ему уважение. Может, это показное? Нет, я не могу так сказать. Бог вознаградил адыгов добродетелью, мужеством, щедростью и открытостью души. Они бесхитростны, и это может обернуться им во вред. Что мне вам сказать, люди, щедро делящие со мной свой последний кусок? С горем вашим я знаком не понаслышке, о чем свидетельствуют мои раны на теле в борьбе за вашу независимость. Стыдясь, я исполняю порученную мне миссию, я не могу сознаться в том, что веду вас предательской дорогой. Я прекрасно знаю, что ваши усилия напрасны, и все же прошу тебя, Господи, помоги им! Этот народ заслуживает всяческих почестей и уважения, если бы от меня зависела их судьба, я бы весь мир призвал встать на его защиту!..»

Делегация адыгского меджлиса добиралась до Лондона более двадцати дней. Но стоило им устроиться в гостинице, как забыли все трудности пути. Они не могли понять, как можно жить в таком туманном полумраке. Свет и в полдень горел в домах, на улицах, и даже в лодках, что проплывали по городской реке Темзе.

– Здесь, что, солнце не светит? – удивился хаджи Хушт, глядя в окно. – О, Аллах, шапсуги не поверят, если рассказать, в какую страну мы попали. Разве можно сравнить нашу землю с этим унылым миром, где не различить день с ночью?

– Хаджи, все в этом мире происходит с ведома Аллаха. Туман рассеется, мы же должны думать о том, как исполнить поручение меджлиса. Верю, что Уркварт, встретивший нас, способен решить нашу проблему. Когда работал в посольстве Англии в Турции, он решал дела адыгов. Помнишь, именно Уркварт присылал к нам Белла и

Лонгворта. Спасибо, что возвратившись в Англию он не отошел от наших дел.

– Уркварт солидный человек, мне показалось, что слово у него не расходится с делом, – согласился хаджи Хушт. – Помолимся всемилостивому Аллаху, чтобы завтрашний день был удачным для нас, чтобы для людей, у которых мы в гостях, взошло, наконец, солнце.

Утром Исмаил Дзиапш увидел, как огромное красное солнце первыми лучами коснулось стен города. Хаджи еще спал, Дзиапш разбудил его:

– Хаджи, просыпайся, тебе не достанется солнечных лучей англичан, да и утренний намаз пропустишь.

– Нет, намаз нельзя пропускать, – поднялся с кровати хаджи и, посмотрев на солнце, удивился: – Надо же, их солнце похожее на наше... – И рассердился: – Что я говорю? Аллах создал для всех одно солнце, одну луну, один мир.

– И небо, и звезды тоже, – добавил Дзиапш, готовясь к утреннему намазу.

Как Уркварт и обещал, в первые два дня у них не было ни минуты свободного времени. Люди, с которыми они встречались, были в курсе их дел. Вместо одного судна с оружием им обещали два-три. Адыги были рады, видя готовность англичан помочь им. Предстояла встреча с приближенным лицом английского короля, и они волновались в ее ожидании.

Принявший их высокий худощавый джентльмен пришелся им по нраву. Усадив гостей напротив, попросил Джеймс Белла быть переводчиком. Вопросы задавал сам, присутствовавший на встрече Уркварт молчал. Дзиапш отметил, что по сравнению с другими, с кем уже приходилось встречаться, этот господин умен и хорошо осведомлен о делах черкесов.

– Мы знаем, с кем вы встречались в эти дни и о чем говорили, – сказал сэр Дуглас. – Уже многие годы мы наблюдаем за вами. Мы и раньше помогали вам, поддер-

живая вашу борьбу за независимость, и теперь солидарны с вашим народом. Восхищаемся вашим мужеством в борьбе против России и заверяю вас, что мы выполним те ваши просьбы, которые уже обговорены с нашими людьми. Россию, вознамерившуюся завоевать Европу, нужно остановить, мы на вашей стороне, мы не оставим вас. Но все, что сделаем для вас, будет находиться в рамках Крымского перемирия, мы не хотим, чтобы весь мир об этом знал.

Последние слова сэра Дугласа встревожили Исмаила Дзиапша. «Получается, они не хотят, чтобы мы выступили в их парламенте от имени нашего меджлиса. В турецком меджлисе нам тоже не дают выступать открыто, опасаясь огласки они тайно поглаживают нас. Значит, и англичане открыто не поддержат нас, они все боятся Россию. Но я не буду молчать».

– Сэр Дуглас, у нас просьба. Мы хотели бы выступить на вашем парламенте.

– Пожалуйста, нет проблем. Только условие: вы ни словом не обмолвитесь об отправке в Черкесию оружия, не будете выказывать какое-нибудь недовольство в адрес нашего короля. На другие темы говорите, что хотите, у нас в стране свобода слова.

– Мы никогда не скажем плохо о тех, у кого находимся в гостях, но русского царя не пощадим. Назначайте нам день и время, мы готовы.

– Ну, если готовы, то заседание меджлиса состоится завтра в одиннадцать. Но имейте в виду: выступление не должно превышать семи минут. Наши парламентарии имеют право на пять минут, а вам, нашим гостям, мы добавляем две минуты.

– О многом хочется сказать, но мы постараемся уложиться.

В означенное время адыгских посланников ввели в парламент. Выступивший от парламента коротко рассказал об адыгах, об их освободительной войне и представил

гостей, прибывших от имени меджлиса из Черкесии. Депутаты зааплодировали, приветствуя их. Слово представили Исмаилу Дзиапшу, переводчик Джеймс Белл встал рядом.

– Глубокоуважаемый председатель, уважаемые члены парламента, лучшие представители английской нации! От имени молодого адыгского меджлиса, преодолев огромное расстояние, хаджи Хушт и я привезли вам сердечный салам от свободолюбивых черкесов. У нас есть поговорка: прежде чем выбрать усадьбу и построить дом, выбери соседа. Ни мы, ни русское государство не выбрали друг друга в качестве соседа, но исторически сложилось так, что границы наши оказались рядом. Не ссорились, не воевали друг с другом, хотя язык, песни, одежда, еда, вера у нас разные. Но сейчас не можем понять, что произошло с нашим соседом. Турция, которой мы никогда не принадлежали, без нашего ведома подарила наши земли России, и она сейчас воюет с нами за эти земли, устанавливает на них свои законы. Мы защищаемся, но силы неравны. Уже многие годы с обеих сторон проливается кровь, и конца этой войне не видно. Но мы продолжаем жить, устраиваем свадьбы, радуемся рождению детей. Нам нужен мир. Мы не хотим, чтобы сильные государства обижали слабых, нам всем светит одно солнце. Не от страха за свою жизнь я говорю эти слова. Мы не можем смириться с несправедливостью, мир должен знать о нашем положении. Россия вынуждает нас уйти с наших земель, но мы не примем это чудовищное условие, даже если суждено будет погибнуть. Мы, адыги-черкесы, единогласно решили: умрем, но не сдадимся! Другого выхода нет. Спасибо, что выслушали нас. Пусть солнце будет теплым над вами, пусть исполнятся ваши желания, живите без печалей и пусть в вашем государстве всегда будет мир!

– Исмаил Дзиапш повернулся к спикеру парламента, приложил к сердцу правую руку и, поклонившись, сказал:

– А вам, уважаемый, желаю долгие годы находиться во

главе этого стола и справедливо решать государственные дела. Вашему парламенту мы оставляем Обращение нашего меджлиса¹. – Исмаил Дзиапш закончил свое выступление.

¹ «13 июня 1861 г. для восстановления власти и учреждения независимости представители трех черкесских сообществ были приглашены на совет. Все они единогласно решили учредить чрезвычайный союз, чтобы сохранять порядок внутренний, а отступающих от него наказывать. В Черкесии учредили меджлис из 15 человек. Этому меджлису дано звание Великого Свободного Собрания. По повелению меджлиса были учреждены 12 округов. В каждом округе определены муфтий и кадий, а также мухтар (старшина). Они должны исполнять повеления меджлиса и действовать заодно с ним. От каждых 100 домов взять по 5 всадников, с каждых 100 домов по одному мухтару, чтобы они исполняли предписания окружного мехкаме по сбору доходов и распределению податей. Во всех случаях все эти доходы превышали расход и, благодаря Богу, великий меджлис, управляя страной, всегда соответствовал своему назначению. При таком положении дел русским правительством для насильственного покорения черкесов был назначен ген. Евдокимов. Он окружил наш край многочисленными войсками, намереваясь уничтожить. Это заставило меджлис собрать против генерала 15000 самых отборных всадников. Мы ему объявили, что черкесы в настоящее время, отыскивая средства быть вольными, довольствуются тем, чем владеют, и никому никакого вреда не делают, действия их согласны с правами человечества и свою независимость они сохраняют уже более 80 лет ценой крови, что подобные народы всегда покровительствуются великими державами и, так как русский император великий властитель, то покровительствует всегда тем, которые, подобно нам, живут в порядке, управляют собой и, не причиняя никому вреда, сохраняют свою независимость, а его величию приличествует не иметь намерения разорять нас, а если и была до сего времени между нами какая-нибудь вражда, то это случилось собственно потому, что мы были чрезвычайно слабы, а теперь мы обратились к русскому правительству, которое есть самая ближайшая к нам великая держава, с просьбой оставить нашу свободу в том же положении. «Дай нам дорогу, – сказали мы, – отзови войска свои назад, не проливай крови, тем более, что все державы живут теперь мирно и стараются, чтобы подобная страна, как наша, достигли цивилизации». После переговоров с генералом положено было отправить от нас депутацию в Тифлис, и он дал на это разрешение. Мы, избрав из членов меджлиса трех умных людей, отправили их туда для ходатайствования и просьбы. По возвращении наших послов, мы имеем намерение обратиться с просьбой к великой державе, нам благодетель-

пление, депутаты стоя аплодировали ему, пока он шел на свое место.

На следующий день Джеймс пришел к ним с кипой газет и протянул ее Исмаилу Дзиапшу:

– Вот, смотрите. В Лондоне нет газеты, которая бы не опубликовала ваше выступление в парламенте. Черкесские комитеты в Англии все вас поддерживают. Их руководитель Эдмонд Билз хочет встретиться с вами.

– Если он на нашей стороне, мы готовы встретиться с ним, – сказал Дзиапш и уточнил: – Кто он?

– Это один из известных адвокатов Лондона, занимается вопросами черкесов. Он не согласен с лордом Пальмерстоном, который считает, что мы не должны открыто поддерживать черкесов и отправлять оружие к вашим берегам.

– Тогда, Джеймс, этот адвокат – настоящий мужчина. И когда наша встреча с ним?

– Если удобно, после обеда, часов около пяти. А сейчас приглашаю вас на прогулку. Покажу город, реку Темзу, погуляем по парку.

На трибуне Гайд-Парка они увидели человека, выступающего перед небольшой группой людей.

– О чем он говорит? – понтересовался хаджи Хушт.

– Подойдем поближе, послушаем. – Подойдя к трибуне, Джеймс пояснил: – С этой трибуны каждый желающий может говорить о том, что его волнует. Этот критикует работу английского парламента, он говорит о том, что лорд Пальмерстон плохо работает, разоряет страну, предаст интересы трудящихся, думая только о своей карьере.

На трибуну поднялся следующий выступающий. Стоя прямо и высоко держа голову, он медленно, но уверенно начал свою речь, держась обеими руками за края трибуны. ствующей – Англии, и ни в каком случае не перестанем быть в надежде на ее помощь. Об этом, с помощью Бога, мы в конце сего месяца, посредством великого меджлиса, обнародуем это всей Черкесии. Поэтому, высокий сановник, содержание настоящего письма благоволите доложить куда надлежит».

– Этот говорит о мировых проблемах, – перевел Джеймс. – Критикует международную политику Англии, Европы, коснулся и Америки, и Ближнего Востока. Так и до ваших проблем доберется. Да, он говорит о черкесах. Сегодня Россия на Кавказе повторяет Америку, которая истребляла индейцев. Она силой оружия отнимает у них родину, разоряя аулы и истребляя людей. Он говорит, что черкесские комитеты открыто не выступают против насилия на Кавказе, они сидят, сложа руки, давая обманывать себя таким, как сладкоречивый Пальмерстон. Победа и правда за теми, кто сражается за свою честь и свободу.

– И ты, хаджи, выступи, – предложил Исмаил Дзиапш, – мы должны рассказать людям, что у нас происходит и зачем мы здесь.

– Почему не выступить? Если это возможно, то я готов. Переводи, Джеймс. – И, поднявшись на трибуну, обратился к собравшимся: – Да продлятся дни ваши, люди, добра вам и счастья. Мы, адыги, посланники черкесской страны, выступили вчера на вашем парламенте, об этом написали сегодняшние газеты. – Услышав адыгскую речь, стоявшие стали аплодировать, слышались выкрики: «Свободу черкесскому народу!», «Руки прочь от черкесов!» Хаджи Хушт, коснувшись рукой левой стороны груди, поклонился и сказал: – Благодарим вас за доверие и понимание. Говорят, если вас мало, то вы бедны, но мы, черкесы, не считаем себя бедными. Но обиду и боль, которые нам нанесли, не можем больше таить и терпеть, поэтому мы здесь. Не осуждайте нас за то, что вынесли свои проблемы за границы Черкесии, но нам нужна помощь. Россия лишает адыгов-черкесов свободы и своей страны, расширяя свои территории захватом наших земель. Русский царь не щадит не только нас, но и своих подданных. Наш народ мужественно защищает свою свободу и независимость, но мы не можем одолеть огромное, хорошо вооруженное войско. Турция, Франция и Англия вроде и поддерживают нас, но как только дело касается

конкретной помощи – кормят нас обещаниями. Мы, маленькая страна, оказались один на один с Россией, но будьте уверены: пока мы живы, свободу свою не отдадим! – Хаджи Хушт дождался, когда стихнут аплодисменты и закончил: – Черкесы всегда идут в гости с подарками, но мы, к сожалению, приехали к вам со своей бедой. А сегодня узнали, что у вашего короля родилась дочь. Мы поздравляем вас, и я от души сделаю так: – И, достав из кармана золотые и серебрянные монеты, кинул их в толпу.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

После встречи с представителями адыгского меджлиса в Мамрукском ущелье Александр II возвратился в Санкт-Петербург. Он был доволен и своими генералами, и своим войском, и казаками. Но особенно запомнилась ему красота Абадзехии: белоснежные горные вершины, леса, бурные реки, богатые поля, звездные ночи и теплые дни.

А генерал Евдокимов, привыкший к этим красотам и уже не замечавший их, думал о другом: нельзя допустить, чтобы черкесы жили на такой райской земле! Они говорят, что мы распространяем всему миру о том, что воюем с дикарями, а мы, дескать, такие же люди, как и вы, и пока в наших жилах течет кровь, будем защищать свою страну. Какую страну они собираются защищать, чего выжидают? Хоть и воинственны, но не умны... – заключил генерал свои мысли и, прохаживаясь по комнате, остановился у окна.

Горизонт был освещен восходом утреннего солнца, которое, медленно загораясь, проглядывало сквозь деревья, уже сбросившие осеннюю листву. Евдокимов распах-

нул окно, глубоко вдохнул горный воздух и подумал о том, что в это замечательное утро ему, пожалуй, нужно прогуляться. Поприветствовав стоявших у двери часовых, вытянувшихся перед ним, поднялся на пригорок. Перед его взором лежало Мамрукское ущелье, над которым поднимался густой туман. Он вспомнил день, когда царь встретился здесь с делегатами меджлиса адыгов. Вспомнил и то, что они с Бярятинским в прошлом году, 29 декабря 1860 года, писали ему.

«Государь выполнил свои обещания, данные черкесам, – размышлял Евдокимов. – Но к этому я тоже приложил свои усилия, тайно командировав в Абадзехию их кабардинского сродственника полковника Абдрахманова с тем, чтобы он внушил Цееву в предстоящей встрече с царем не примиряться ни с каким его предложением. Считаю, что сделал это правильно. Государь правит огромной страной и всем угодить не может. В этом году он отменил крепостничество, для кого-то это радость, но кто-то и недоволен этим решением. Но я во всем поддерживаю государя, говорить о нем плохо – равносильно самоубийству. Сначала я встревожился, когда он пытался договориться с черкесами, но последние его слова развеяли мою тревогу: «...В том, что Кавказ станет территорией России, нет никаких сомнений. Если вы этого не поймете, не примете, я отдам приказ своим генералам, чтобы они в кратчайшее время завершили войну, и они исполнят его. Слово государя крепкое, переименовать его не буду...»

Шаги заставили Евдокимова обернуться. Ответив на приветствие полковникам Гейману и Ванюкову, заметил:

– Вы прекрасно поступили, господа, что вышли подышать чистым воздухом. – И добавил: – А, может, он вам уже надоел?

– Да нет, ваше превосходительство, нам здесь все нравится, – улыбаясь в рыжие усы и бороду сказал Гей-

ман.– Только от безделья и мы, и воины уже устали, а абадзехи все вооружаются...

– И какое у них оружие? – с иронией спросил Евдокимов, хотя был прекрасно об этом осведомлен.

– Вероятно, кинжалы и сабли, ваше превосходительство, – угодливо ответил Ванюков.

– Азиаты, наверное, ожидают, что государь и в самом деле исполнит их требование отвести наши войска и убрать казачьи станицы с их земель, оставив их жить в отдельном государстве, – не желая отставать от Ванюкова продолжил полковник Гейман. – Но дикие черкесы этого не дождутся.

– Да, их лошади умнее хозяев.

– Погодите, погодите, храбрые офицеры, что же вы так отзываетесь о черкесах? Слышали, как Цеев сказал о своем народе императору? «Хотя мы и малочисленный народ, но такие же люди, как и вы, мы погибнем за честь свою, но земли наши никому не отдадим...» – говорил с ним, будто равный.

– По сравнению с Цеевым, ваше превосходительство, тот черкес, который говорил первым... – Гейман запнулся: – Забыл, как его фамилия.

– Хаджемук, – сердитым голосом подсказал Евдокимов и продолжил, не дав Гейману закончить: – Мы, офицеры великой России, не должны обманываться относительно диких черкесов, которые, как вы сказали, не блещут умом. – И неожиданно обратился к офицеру: – Я смотрю, полковник Ванюков, на вас красивая форма – черкеска с газырями, сапоги, пояс с кинжалом да саблею. Чья работа? А вы говорите, что черкесы дики, глупы. Но даже если это не так, мы не должны их щадить! Похвально, что не поддаетесь речам генерала Филипсона и хвалебным описаниям черкесов сумасбродными писателями Пушкиным, Лермонтовым, Толстым... Они царапают бумагу пером, а мы с вами штыком расширяем границы нашего государства. Что, не по нраву вам мои слова о наших име-

нитых писателях? – и процитировал строки Пушкина: – «Смирись, Кавказ, идет Ермолов», «Кавказ подо мною. Один, в вышине, стою над снегами у края стремнины...» Слышали? Хорошо написано, метко. Вспомните еще «Кавказский пленник», «Бородино», «Севастопольские рассказы»... Но наша задача состоит в том, чтобы в ближайшее время завершить на Кавказе войну, как обещали светлейшему государю нашему. Через три дня истекает срок, определенный на ее завершение.

«Утренний воздух, что ли, пьянит, что он так разговорчив... – удивляясь размышлениям генерала подумал про себя мечтавший о генеральских погонах полковник Гейман. – Но он не похож на других напыщенных генералов, которые держатся подальше от поля брани. Если нужно, с саблей наголо поведет на неприятеля; где нужно – похвалит, пожурит, посоветует. А сейчас забыл, наверное, как ему сменяли погоны. Может, намекнуть?.. Ладно, говорил бы мне, но зачем это слышать казаку Ванюкову? – И удержал себя: – Конечно, если тебе надоели погоны полковника, то намекни...»

– Лазутчики возвращаются, – прервал его мысли Ванюков, заметив на ближайшем склоне группу воинов.

– Интересно, какие у них новости?.. – озабоченно произнес Евдокимов, оставляя подчиненных. И приказал: – Через час жду вас у себя.

В назначенное время у Евдокимова собрались несколько офицеров: полковники Гейман, Абдрахманов, Ванюков, подполковник Духовской, унтер-офицер Смоленский.

– Слушаем вас, подполковник, – обратился Евдокимов к Духовскому. – Какие новости в тех краях, где побывали лазутчики?

– На первый взгляд, ваше превосходительство, в Абадзехии мирно, – начал подполковник, тщательно скрывавший свою усталость, но по тому, как тяжело он приподнялся, стало заметно, что горные дороги его сильно

утомили, – черкесы занимаются уборкой урожая: обламывают початки кукурузы, срезают стебли, собирают тыкву, фундук, грецкий орех, свозят сено в подворья; на солнечных стенах домов висят связки лука, чеснока, перца, сапетки полны зерна. Но присмотревшись и прислушавшись, можно заметить: в кузнях не смолкают молотки, повсюду слышны голоса мужчин и стук копыт. Как нас уведомили черкесские лазутчики, есть и другие новости: со дня на день ожидают прибытия из Шапсугии и Убыхии пяти тысяч всадников. Говорят, что делегатам, вернувшимся из Турции и Англии обещана помощь оружием. По нашим данным, на днях к морскому берегу Убыхии придут два торговых корабля.

– Благодарю, подполковник, садитесь. – Евдокимов уже был осведомлен об этом, но похвалил Духовского: – Молодцы, не зря ходили в разведку. Есть что добавить офицеру Смоленскому?

– Подполковник Духовский, ваше превосходительство, доложил все верно, – вскочил Смоленский. – В Абдзехии беспокойно, они готовятся к войне. Но, если разрешите, я добавлю: абдзехов подстрекают их меджлис и государства, где были их делегаты.

– Благодарю, господин Смоленский, ваше мнение, возможно, совпадает с мнением присутствующих. – И добавил: – Но не нам судить и делах меджлиса и зарубежных государств. Нам следует с честью справиться с нашими обязанностями, исполняя поручение светлейшего государя. Мы готовы тотчас выступить против абдзехов, но эти три оставшиеся дня мы все же проживем в мире. Наше короткое совещание на этом закончено. Гейман, Абдерахманов, Ванюков, останьтесь. – Оставшихся офицеров генерал спросил: – Кроме полковника Абдерахманова, кто из вас знает короткий путь до Туапсе? – И подумал про своих офицеров: полковник Гейман только что вернулся с верховьев Урупа, полковник Ванюков

прибыл из Псебая, Абдерахманов завел знакомства среди своих сородичей в Абдзехии.

– Но только, ваше превосходительство, сабля не различает, кто ты – кабардинец или абдзех, – как бы продолжая его мысли резко сказал полковник Абдерахманов. – Я готов немедленно исполнить любое ваше поручение.

– Полковник, я в вас не сомневаюсь. Слушайте приказ: в сумерках выведите свой полк на туапсинскую дорогу. Вы выступите против шапсуго-убыхских всадников, пока они нас не опередили. С ними у нас нет мирного договора, поэтому черкесы в любой момент могут пойти на нас войной. И вы готовьте свои пешие и конные полки, – обратился Евдокимов к Гейману и Ванюкову. – Я выступлю вместе с вами.

Евдокимов встал, офицеры тоже вскочили. Генерал подошел к иконе, заслонив ее своею широкой спиной, перекрестился. Офицеры последовали его примеру.

– Теперь, господа офицеры, – повернулся к ним просветленным лицом Евдокимов, – приступайте к своим делам. Выступите перед войсками и объясните, что воюют они против врагов своих, врагов родины, врагов христиан, что подвиги их не будут забыты ни царем, ни Отечеством. С божьей помощью и с благословения государя мы выгоним абдзехских басурманов на берег Черного моря, чтобы их увидели единоверцы-турки.

Неожиданно Евдокимов остановился: «Каким это образом я смогу выступить с войском?.. Да, сердцем я еще молод, но тяжелое тело едва передвигается, меня беспокоят старые раны, все чаще вспоминаются солдаты и офицеры, которых настигли пули чеченцев и черкесов... Молодость свою, лучшие годы, здоровье я положил на алтарь войны... Скорее бы этих черкесов перегнуть за море, пока не настигла их пуля! Меня ждет поместье около Пятигорска, благодатная земля – буду пахать, сеять, разводить скот, чистокровных кабардинских скакунов...»

Раздавшиеся за дверью шаги вывели генерала из воспоминаний. Вошедший офицер доложил:

– Ваше превосходительство, в лесу поймали черкесского лазутчика. Голова выбрита, одет в черкесскую одежду, но утверждает, что он казак Нижегородского полка.

– Среди казаков много бритоголовых, носящих черкесскую одежду, если не считать красные лампасы на брюках да красного верха папах, – усмехнулся генерал. – Что он еще говорит?

– Говорит, что был пленником в Убыхии у хаджи Берзегова, и тот отпустил его.

– Это другое дело, приведите его. – В комнату ввели связанного бывшего пленника Берзегова. Евдокимов приказал его развязать.

– Я, ваше превосходительство, – вытянулся казак, – Войтенко Иван Савельевич, рядовой казак Нижегородского полка, уроженец станицы Лабинской. С весны был пленником хаджи Берзегова, двадцать лет назад убившего моего отца, Войтенко Савелия Андрияныча. Узнав, что я его сын, он отпустил меня, сожалея о содеянном. Вот что со мной приключилось, и это правда, поверьте мне. Как глубоко верующий христианин, клянусь именем Иисуса Христа и девы Марии, именем отца, порезанного саблей басурмана-черкеса, клянусь, ваше превосходительство, что я верен своему государю и Отечеству. Вот вам истинный крест.

– Почему ж не поверить... – согласился Евдокимов, тоже перекрестившись, – но поскольку мы на военном положении, обязаны тщательно проверить тебя. И не только с нашей стороны, но и со стороны черкесов, у которых был в плену. – Присутствовавшим двум офицерам приказал: – Глаз с него не спускайте, но не обижайте. Если с добром вернулся к нам, Бог милостив, мы так же поступим и с ним. А что, казак, говорят черкесы об отмене крепостничества в России?

– Черкесские крепостные об этом ничего не ведают, ваше превосходительство. На днях я слышал, как об этом шептались Берзегов и Зан.

– Значит, князья делают из этого тайну... Что ж, это мы можем повернуть в свою пользу. – И с участием обратился к Войтенко: – Идите, Иван Савельевич, и исполняйте приказы офицеров.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Погода в абадзехских горах меняется быстро. Вчерашний теплый осенний день сменился на дождь и холод, свинцовые тучи низко повисли над землей. Деревья, еще вчера весело переливаясь разноцветными красками, с трудом держали отяжелевшие намокшие листья; реки Белая, Кужипс, Пшеха и Псекупс яростно бились о камни, с ревом продолжая свой путь; парившие в ясную погоду орлы сидели, сторбившись, в своих гнездах у края скал.

Разбросанные в горах и по берегам рек селения стали невидимыми, затерявшись в густых тяжелых облаках, и только по крику петухов, призыву азана и лаю собак можно было определить, что здесь живут люди.

– Срок, назначенный русским царем, истекает послезавтра. Что будем делать, Биржев? – спросил Цеев, едва различимый под мокрой буркой. – Мы уже полдня ожидаем убыхско-шапсугскую конницу, а они не торопятся. Тоже себе на уме...

– Если б это было не так, мы бы не были адыгами... – усмехнувшись, ответил Биржев и добавил с тревогой: – Лишь бы не обманули нас.

– Мы, абадзехи, и без их помощи веками жили здесь, защищенные горами, и чтобы сейчас ни делали с нами

гяуры, свободолюбие и вера в справедливость спасут нас, отчаиваться не стоит. По рассказам наших прадедов мы всегда отбивались от захватчиков. Нет уже наших храбрых дедов, но есть наши горы, реки, леса... Как нам жить без них?

– Да, нам без нашей земли не жить. А захватчики... Если ты имеешь в виду кипчаков-ногаев, то им не нужны были наши земли навечно, они налетали конницей на селения, грабили и разоряли их, и тут же исчезали. А гяурам нужны эти земли, они хотят прогнать нас с наших мест. А куда идти, не говорят.

– Как не говорят? – удивился Цеев. – Нам предлагают убираться в Турцию.

– Царь так поступит, если мы не выполним его решение, – зная горячий нрав Цеева осторожно поправил его Биржев.

– Биржев, – вспыхнул Цеев, – что ты меня поправляешь! Я сказал то, что тебе хорошо известно, и не о чем нам спорить... Что-то долго не возвращаются дозорные... И дождь не перестает... – Цеев замолчал, потом с болью продолжил: – Что мы за люди, абадзехи? С недоверием относимся к убыхам, шапсугам, садзам, хотя по решению меджлиса составляем с ними единое государство. Мы в одной упряжке, но шаги у нас разные. Даже Верхняя и Нижняя Абадзехии не могут придти к единому мнению, а жителей селений в долинах Шхагуаше и Кужипса мы еле привели к взаимопониманию. И если бы не угроза войны, возможно, нам бы это и не удалось.

– Думаешь, абадзехи исключение? Считаю, все племена адыгов такие.

– Да, соглашусь с тобой. Возьмем, к примеру, бжедугов, кабардинцев, темиргоевцев или бесленеев. Большинство из них малодушно и бесчестно. Прости Аллах, если говорю непотребное, они ведь наши соплеменники. А мы? И мы не лучше. Убыхи, шапсуги и садзы похожи на птиц, гасящих бушующее пламя водой из клюва. Те, кто видят,

что крылья наши обожжены, например, англичане, кормят нас обещаниями, но помощи от них никакой.

– Так же относится к нам и Турция, – поддержал Биржев. – Не может простить, что во время Крымской войны мы не выступили на ее стороне, забыв, как поступила с нами в Адрианополе.

– К упомянутым двум государствам причисли и Францию, которая не допустила, чтобы мы стали отдельным государством¹.

– Да. Как рассказывал Сафербий Зан, Турция и Англия согласились вести с Россией переговоры по признанию нашей независимости, но Франция их не поддержала. Сейчас многих бы бед удалось избежать. Что теперь говорить... – Цеев тяжело вздохнул и улыбнулся: – Вспомнилось мне, как хаджи Хушт одаривал англичан по поводу рождения дочери у короля Англии. В тот момент он

¹ «...Вопрос о судьбе Черкесии был предметом острой дипломатической борьбы во время Парижского конгресса в марте 1856 г., на котором Лондон оспаривал право России на владение Северо-Западным Кавказом и, стремясь пересмотреть Адрианопольский мир, требовал признать независимость государства черкесов, – пишет В. Рябцев в книге «Черкесский вопрос...» – Но тогда Париж не поддержал своего союзника в войне с Россией и тем самым очень помог Петербургу сохранить свое лицо и его исходные позиции. Хотя царское правительство оказалось проигравшей стороной в Крымской войне, тем не менее ему удалось сохранить контроль над своими новыми владениями на Кавказе. Но и это не остановило пыл британцев. По меньшей мере, трижды – в 1857, 1862 и 1863-1864 гг. они инициировали, снаряжая военные экспедиции на черноморское побережье с целью оказать помощь черкесам и еще больше вдохновить их на борьбу с царской Россией. Усилиями «Черкесского комитета» в Лондоне, возглавлявшегося адвокатом Э. Билзом, были снаряжены пароходы «Чезапик» и «Самсон». Эта экспедиция высадилась в Убыхии. Черкесы, надевшиеся получить от Лондона масштабную военную помощь, вновь были разочарованы. Они (британские политические круги) плотно работали с черкесами. Очень пышно, например, встречали делегацию «Сочинского меджлиса» в Англии. Тогда прошли многочисленные митинги в поддержку черкесов. Но делегация уехала из Англии ни с чем ...»

выступал в парке и, угождая англичанам, бросал в толпу золотые монеты, которые мы с большим трудом собрали ему на дорогу. Да, это по нашему обычаю – одаривать за хорошую новость, но тот поступок хаджи я не одобряю.

– Хаджи говорит, что он прикупил два судна с оружием, но это целиком заслуга Уркварта и адвоката Билза, да и Джеймса следует поблагодарить.

– Непременно поблагодарим, как только эти суда придут к нашим берегам. Но было бы лучше, если бы они на помощь нам высадили на берег свои войска.

– Это война, Хатырбай!

– А разве гяуры с нами не воюют? Пусть русский царь узнает, каково это... – с болью произнес Цеев и продолжил: – Мы с тобой сидим и байки друг другу рассказываем, а очаг наш почти погас. Да и дозорные не торопятся, не знаем, что там происходит в Мамрукском ущелье. Смотри, скачет всадник! – Цеев встал, сбросив с плеч бурку и, наблюдая за ним, добавил: – Похоже, не с доброй вестью...

– Со стороны Туапсе тоже скачет всадник...

– У меня плохие новости! – сообщил Мола Гумиштов, соскакивая с коня, – пять сотен верховых казаков, возглавляемых Абдерахмановым, рысью скачут в нашу сторону.

– Какие у них намерения? – спросил Биржев.

– Откуда мне знать? Не стреляя, они мчатся сюда.

– Много за ними наших всадников?

– Трудно сосчитать, их становится все больше, многие присоединяются по дороге.

– Дауров знает о казачьей коннице?

– Дауров меня и послал. Он тоже собирался поехать за казаками.

– Сейчас же возвращайся и скажи Даурову, чтобы он не вводил войско на Мамрукский хребет, – распорядился Цеев и обратился к подъехавшему со стороны Туапсе Мазхабу Багову: – Какие новости у тебя?

– Едет конница убыхов и шапсугов.

– Теперь я понимаю намерения Евдокимова. Ты, Биржев, выходи навстречу собратьям и расскажи о наших планах. Я выступлю навстречу всадникам, которые преследуют казачье войско. Мы возьмем его в кольцо, но не станем нарушать договор, действие которого должно закончиться через день. Если наш единоведец Абдерахманов согласится на наши условия – отпустим его со всем войском с миром. Ослушается – уничтожим.

Хасан Биржев шел навстречу войску, на которое очень рассчитывал, но мысли его были о другом. Его беспокоило, почему молчат лазутчики, находившиеся в стане русских. «Выходит, Евдокимов в курсе наших намерений, а об их планах мы ничего не знаем. Но генерал не обо всем осведомлен: он не знает количество всадников, вышедших нам на подмогу. Он что, хочет нарушить мирный договор?.. Или уверен в том, что ему все простят, или провоцирует нас, чтобы мы первыми нарушили его. Мы ни на кого не нападали, нам не нужна война, поэтому не будем поддаваться на провокации, хотя гяуры и считают нас дикарями. Посмотрим, как поведет себя Абдерахманов, когда мы объявим, что его конница окружена. Нет такого человека, который не дорожил бы своей жизнью».

Абдерахманов, получив приказ о сдаче оружия, возмутился:

– Вы нарушаете перемирие!

– Вы сами его нарушили! – ответил Цеев.

– Мы не выпустили ни одной пули, не вынули сабли из ножен. У нас одно намерение: переговорить с войском, которое вы ввели в Абадзехию.

– Мы здесь власть, Абдерахманов, – грозно сказал Биржев. – Если вы хотите живыми вернуться туда, откуда пришли – сложите оружие!

– Исполняйте приказ! – Цеев, вскинув пистолет, выстрелил в воздух. Казаки, за ними и офицеры, стали

разоружаться. Последним сдал свое оружие полковник Абдерахманов.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

В тот же день неожиданная новость разнеслась по Тамбийхаблю: всадник с русскими погонями в сопровождении верхового, не останавливаясь ни у одного двора, на удивление всех остановился у Дадая.

Дадаю дома не было, в гостиную вошел его сын Магомет. При его появлении гости встали, и он, не нарушая адыгский этикет, поприветствовал их:

– Добро пожаловать, гости дорогие.

– Спасибо, сын мой, – ответил ему крепко сложенный мужчина, занимавший место старшего, – присаживайся.

– Не подобает мне садиться в присутствии ровесников отца, я постою. Отец скоро придет.

– Вижу, что ты достоин своего отца Дадаю. Как поживают родители? Та, что у нас в доме, не забывает старшую сестру спутника моего Едыга. Когда узнала, что мы едем в Абадзехию, попросила навестить вас. Как поживают Брагуновы и Марзухаевы? Слышали, что младший брат Бачира, Магомет, в Абадзехии уважаемый человек, сын Мишки Брагунова Ислам – староста-мухтар.

– Спасибо, все живы-здоровы. Магомет Марзухаев не только муфтий Абадзехии, но он эфенди в меджлисе да еще там и чтец Корана.

– Интересная новость, я не знал об этом... Если бы я это услышал в Кабарде, не поверил бы... – сказал гость. – Теперь назови нам свое имя.

– Все называют меня Магометом.

– Значит, ты носишь имя пророка Мухаммеда?

– Да, гость, это мое имя, но подобным пророку мне никогда не стать.

– Все может быть. Кто мог знать, что Магомет Марзухаев станет вашим эфенди, будет состоять в меджлисе и читать Коран?

– Любой достойный мусульманин может стать и эфенди, и чтецом Корана, и избираться в меджлис, но никто не сможет уподобиться посланнику Аллаха Мухаммеду, даже сравнение с ним – грех.

– И то правда, Магомет. Ты, парень, даже не спросил кто мы, откуда, почему здесь.

– Вы гости, и мне не подобает задавать такие вопросы. Если назовете свои имена – этого будет достаточно. – Увидев через окно отца, обрадовался: – Вот и отец идет.

Дадай с порога поприветствовал гостей и, разглядев, кто перед ним, вскрикнул:

– Это ты, Джамбеч! Сколько лет мы не виделись!.. – И мужчины обнялись. Дадай не подал вида, что ему не по душе русские погоны Накыжа-Джамбеча Аржанова. Протянув руку для рукопожатия второму гостю, снова удивился: – Едыг, я тебя не узнал!.. – И обратился к сыну: – Парень, обрадуй мать, скажи, что в гостях у нас Джамбеч Аржанов и младший брат его жены Асланкоз – Едыг. Пока будете разделять барашку, пусть нам по-быстрому приготовят что-нибудь.

– Нет, Дадай, не беспокойтесь, мы заехали ненадолго, к обеду уже должны вернуться в Мамрукское ущелье. И не осуждайте нас за русские погоны. Годы идут, времена меняются, уже и Шамяля нет в Дагестане, и его наиб не управляет вами, и о Зассе, который сажал на кольца головы адыгов уже не вспоминают¹.

¹ «...В разговоре с Зассом я заметил ему, – вспоминает участник Кавказской войны Н.И. Лорер, – что мне не нравится его система войны, и он мне тогда же ответил: «Россия хочет покорить Кавказ во что бы то ни стало. А народ, наших неприятелей, чем взять, как не страхом и грозой?.. Тут не годится филантропия, и А.П. Ермолов, вешая черкесов беспощадно, грабя и сжигая аулы, только этим

– Вместо него в Абадзехии есть трехглазый Евдокимов... – не сдержался Дадай и быстро добавил: – Но не нам судить о том, кто на чьей стороне воюет, это удел Аллаха. Он один все знает и видит, Он и решает. А вы помните, как мы молили Аллаха, чтобы Он смягчил сердце князя Тамбиева, когда он приказал сковать цепями беднягу Торнау?

– Как не помнить? Стоит мне вспомнить об этом, как сердце сжимается от боли.

– А помните, как мы его, Федор-Федора, учили адыгскому языку, а он нас – русскому?

– Конечно, помним... И не только нас, но и Асланкоз, твою жену. – И, как бы шутя, не удержался: – Тебе как раз и пригодился русский язык, вон, погоны их носишь... – И быстро сменил тему: – Жив ли бедняга Федор-Федор?

– Я спрашивал о нем знакомого офицера, он сказал, что тот больше не служит.

– Два года его плена были тяжелыми, хорошо, что больше не служит.

С улицы послышался шум. Дадай выглянул в окно и увидел у ворот несколько молодых всадников. Он попросил гостей не беспокоиться и вышел из хачеша-гостиной. Громко, чтобы слышали парни, стоявшие у ворот, спросил сына:

– Ты почему не приглашаешь своих сверстников в дом?

успевал более нашего...» В подражание проповедою Зассом идеи страха на нарочно насыпанном кургане у Прочного Окопа при Зассе постоянно на пиках торчали черкесские головы, и бороды их развевались по ветру. Грустно было смотреть на это отвратительное зрелище... Войдя как-то в кабинет генерала, я был поражен каким-то нестерпимым отвратительным запахом, а Засс, смеючись... вытащил из под кровати огромный сундук с несколькими головами, которые страшно смотрели на нас своими стеклянными глазами. «Зачем они здесь у вас?» – возразил я. «Я их вывариваю, очищаю и рассылаю по разным анатомическим кабинетам и моим друзьям-профессорам в Берлин...»

– Разве мы похожи на тех, которые спрятались у тебя в хачеше, Дадай? – выкрикнул один из них. – Если они мужчины, пусть выйдут!

– Ты что говоришь?! Разве ты не адыг? Не позорьте меня, вы ведете себя недостойно!

– Не принимай у себя тех, кто воюет с нами!

Проезжавший мимо Бачир Марзухаев, увидев шумевшую молодежь, подъехал к ним:

– Дадай, что здесь происходит?

– Бачир, ты помнишь Джамбеча Аржанова, дворового Тамбиевых?

– Накыжа, что ли?! – обрадовался Бачир.

– Он с Едыгом у меня в гостях, а эти не хотят, чтобы они здесь были.

– Они не такие гости, которым можно порадоваться, они при погонах тех, от чьих рук мы погибаем! – выкрикнул кто-то из молодых.

– Вот негодники! Ну-ка, разойдитесь по домам! Кто бы там ни были, но если они гости – значит они в крепости адыга. Идем, Дадай, в дом, сколько лет я не виделся с ними.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Генерал Евдокимов был оскорблен тем, как абадзехи поступили с казаками, которых он накануне отправил навстречу шапсуго-убыхскому войску. Он провел бессонную ночь, что окончательно испортило его настроение. С рассветом генерал собрал у себя офицеров: Абдрахманова, Геймана, Ванюкова, Сердюкова, Духовского, Смоленского, Аржанова.

– Полковник Абдерахманов, вчера на туапсинской дороге черкесы нанесли вам оскорбление, – начал Евдокимов, делая вид, что читает бумагу, лежавшую перед ним. – Вы понимаете, – бросил он офицерам, – что они унизили вас, или делаете вид, что вас это не касается? Сядьте, Абдерахманов! Да, я признаю, что в случившемся есть и моя вина. Но каковы абадзехи, как ловко они поступили! Соблюдая перемирие, не выпустив ни одной пули, они обезоружили вас. Какой позор! Надеюсь, вы знаете, как дальше следует поступить в сложившихся обстоятельствах. В первую очередь это относится к полковнику Абдерахманову, мне важно знать, как офицер, проявивший мужество в Дагестанской и Чеченской кампаниях ответит черкесам за свое унижение.

– Благодарю за доверие, генерал! – опять встал Абдерахманов.

– А я, полковник, поблагодарю вас лишь в том случае, если вы Биржева и Цеева, или хотя бы одного из них, принесете мне на холке своего коня. – И, выдержав паузу, продолжил: – Теперь, господа офицеры, доложите мне о готовности подразделений к военной операции. – Выслушав рапорты, распорядился: – Пора, господа, заканчивать период деморализации высших и низших чинов войска. Мой приказ будет краток: с именем Господа нашего и царя покажите свое мужество и доблесть в горах абадзехских! За перевалом Черное море, вы его увидите. В добрый час! Господин Аржанов, останьтесь.

– Слушаю вас, генерал! – вытянулся в струнку Аржанов.

Евдокимов с улыбкой подошел к нему и, дотронувшись до плеча, сказал:

– Вольно, капитан, расслабьтесь. Давайте, невзирая на наши чины и верования, поговорим откровенно.

– Спасибо, ваше превосходительство, – плохо скрывая затаенную обиду, произнес Аржанов, – но мои погony свидетельствуют того, что мне можно доверять.

– Похвально, похвально, капитан, что не столь резко выказываете свою обиду, – похвалил генерал. – Вы, как Абдерахманов, наш верноподданный, и кроме погонов русского офицера у вас на груди знак, пожалованный нашим императором. Я знаю, что вы мужественный и честный человек, но нам предстоит вместе выступить против черкесов, ваших соплеменников, потому и хотелось поговорить с вами откровенно.

– Я понял, ваше превосходительство, откуда у вас недоверие... – сказал Аржанов, сдерживая себя, и добавил: – Вот потому жена Ивана Грозного черкешенка Мария Темрюковна была всем подозрительна...

– Кто, говорите? – переспросил Евдокимов, но быстро поправился: – Вы о второй жене Ивана Грозного? Так это было давно, зачем нам углубляться в историю... У отца нашего императора Николая I в охране состоял черкес полковник Хан-Гирей Султанов. Хотя, если не ошибаюсь, он был из крымских татар.

– Не ошибаетесь, ваше превосходительство, – усмехнулся Аржанов, – но вы забыли, что немец генерал Засс тоже воевал за российское государство.

– Да, да. Были у нас и другие немецкие генералы, но они многие годы не могли справиться с Шамилем. Нет, я не забыл их заслуги, вы не думайте, что пленение Шамиля, который будоражил Кавказ, включая и ваших соплеменников, считаю только своей победой. Но не буду скрывать: его пленение в немалой степени моя заслуга. А сейчас, капитан, нам с вами поручено закончить войну на Кавказе. Но жители Западного Кавказа – абадзехи, шапсуги, убыхи нам не покоряются, значит, мы должны силой оружия завоевать их.

– Ваше превосходительство, со мною из Кабарды прибыл милицейский полк, мы готовы тотчас выполнить любой ваш приказ! – вытянулся перед Евдокимовым капитан Аржанов.

– Садитесь, садитесь. Возможно, вы обижены, что я не отправил вас на линию фронта, где сейчас наши войска, но скажу прямо – ваш черед еще не настал.

– Вы несправедливы! – Аржанов резко встал, забыв, что перед ним генерал. – Я не Абдерахманов...

– Сядьте, капитан! – приказал Евдокимов. – Это приказ, извольте его исполнять! – И мягче добавил: – Повторяю: я лично доверяю вам, зная о ваших заслугах перед царем и Отечеством, о мужестве, проявленном в Чечне. Думаю, пора подумать о повышении вам воинского звания, это в наших руках, Джамбеч Мурадович. Слышал, что ваше детство прошло здесь, в Тамбиехабле, и было оно тяжелым.

– Это правда, ваше превосходительство, но никого из рода Тамбиевых и Хамирзоковых, моих обидчиков, уже нет в Тамбиехабле. Говорят, перебрались в верховья Лабы... Давно это было, уже лет тридцать прошло. За это время много событий было в моей жизни.

– У каждого своя судьба, но нет на свете человека, который не любил бы свою землю, свою родину... – сказал Евдокимов и, улыбаясь, подумал: «Почему нет, вот он, передо мной. Чем он отличается от обрусевших Засса, Клугенауа, Орбелиани, Торнау, Абдерахманова...» – Да, Джамбеч Мурадович, люди все разные, какой бы нации они не принадлежали. Пример тому – сыновья и внуки очеркешевского казака Брагунова из вашего Тамбиехабля.

«Ходит вокруг да около, пересказал уже всю мою жизнь – с детства до погон. Но все же не доверяет, ведь не допустил меня с милицейским полком к военным действиям... Зачем тогда этот полк перекинули сюда? Чтобы настроить абадзехов против нас? – Перед глазами Аржанова тут же встала картина: разгневанные абадзехские парни у ворот Дадая. С благодарностью вспомнив о Бачире Марзухаеве, подумал: – Генерал осуждает Брагуновых, но не говорит о том, что их невестка русская. Неу-

жели Евдокимов не знает этого? Может, спросить? Нет, не буду торопиться, пусть сам скажет все, что он обо мне думает...»

– Я слышал, капитан, что недавно вы побывали в Тамбиехабле... – как бы между прочим сказал Евдокимов.

– Это правда, – быстро ответил Джамбеч, давно ожидавший этот вопрос. – Я попрощался с аулом, где провел детство.

– И как встретили? Как отнеслись к вашим поганам?

– Думаю, вы знаете, что адыг забывает о том, кто его гость, даже если это его враг.

– А что будет с гостем, когда после радушного приема его проводят за околицу?... – хитро улыбнулся Евдокимов.

– Вы знакомы с адыгским гостеприимством, ваше превосходительство, поэтому не стану вводить вас в заблуждение. Хозяин, проводив гостя за околицу, слагает с себя обязательства перед ним. Если гость его враг, может предложить ему вынуть оружие, чтобы сразиться в честном бою. Но тамбиехабльцы от меня этого не потребовали. – И, не дожидаясь следующего вопроса генерала, Джамбеч продолжил: – Правда, некоторым парням не понравились мои поганы, но Бачир Марзухаев вступился за меня.

Евдокимов не раз слышал и о Марзухаеве, и эфенди Магомете, и братьях Брагуновых, но уточнил:

– Это тот, который удочерил русскую девочку, а затем выдал ее замуж, породнившись с Брагуновыми?

– Именно так, ваше превосходительство. В гостях у Дадая нам было о чем поговорить. Марзухаев, Брагунов, Едыг – мы были соседями, и когда-то помогли русскому штабс-капитану Торнау бежать из плена.

– Эфенди абадзехов настолько ненавидит нас, что трудно поверить в его помощь кому-нибудь из русских. Из его уст только и слышатся призывы к священной войне с нами. Так вы говорите, что его брат воспитывает русскую девочку, выходит, их взгляды в чем-то не совпадают?

– Дадай рассказывал мне, что между ними разногласия в отношении вероисповедания.

Довольный услышанным, Евдокимов встал, тотчас встал и Аржанов. Опустив плечи, не поднимая головы, генерал медленно прохаживался по комнате. Не доходя до собеседника, приказал ему:

– Сядьте, капитан, сядьте. – Постоял у стены, разглядывая карту, потом присел и сам. – Вы подтвердили донесение наших лазутчиков. Скажу вам правду, Джамбеч Мурадович: я не хотел проливать кровь ваших соплеменников и сделал все, чтобы царь встретился с ними. Он приехал на Кавказ, оставив свои многочисленные государственные дела и выслушал их. Но абадзехи пошли на поводу у Цеева, а он, прикрываясь воззванием меджлиса, завел народ в тупик. В России проживает много народностей, но не к каждому из непокорных народов царь приезжает лично. Абадзехи не приняли его обращение и тем самым упустили возможность миром решить свою судьбу. Скажу и другое, капитан. Мы не бездействовали в этот месяц перемирия: вплоть до дальней Тубы наши лазутчики прочесали всю Абадзехию. В Турцию, Англию, Францию, на которых уповает руководство меджлиса, царь направил своих послов. Мы разъяснили истинное положение дел, и они дали добро на любые наши действия. Мне очень жаль тех безвинных абадзехов, которые погибли из-за принятого решения абадзехского руководства, это их большая ошибка. Но мне приятно, что ваши соплеменники из Кабарды прибыли к нам на помощь, это и солдатам дух поднимает.

– Я русский офицер, служу России! – вскочил Аржанов.

– Похвально, капитан, похвально, – генерал опять усадил вставшего перед ним навытяжку Аржанова и подумал: «Уж больно прямолинеен он, но честный и преданный нам...» и добавил: – Мы с вами хорошо погово-

рили, капитан. Наши войска уже на позициях, мы с вами хоть и не находимся на поле боя, но тоже все делаем для победы. Нужно подумать, как донести до абадзехов отмену в России крепостного права.

– Крепостничество в Абадзехии невозможно использовать в своих целях, ваше превосходительство, – решительно сказал Джамбеч Аржанов.

– Это потому, что абадзехи не считают себя подданными России? – спросил Евдокимов.

– И это тоже, ваше превосходительство. Они не знают, что такое рабство, горы, леса, и реки – их крепость.

– Суворов в Европе покорил и более защищенные крепости, чем у абадзехов, – улыбнувшись, заметил Евдокимов. – Уже спустя столетие русские погнали Наполеона до самого Парижа, а казаки Платова танцевали на Елисейских полях... Но откуда об этом знать абадзехам?.. Тем не менее, не желая кровопролития, мы должны использовать их распри между лидерами.

– Племена адыгов можно расколоть в мирной жизни, но когда беда грозит всему народу, они забывают о своих разногласиях. Но я знаю и показную адыгскую доблесть, потому мы должны быть непреклонными в своей борьбе.

– Похвально капитан, похвально, надеюсь, вы будете верны своим словам, – снова одобрил его Евдокимов. – Слушайте мой приказ: – Полковник Гейман и подполковник Духовской сражаются сейчас в урочищах Даха и Хамышки. Вам с милицейским полком надлежит немедленно поступить в их распоряжение.

– Слушаюсь, ваше превосходительство, – с готовностью отозвался Аржанов, покидая кабинет генерала Евдокимова.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Царские войска, выстроив в ряд пушки, залпом били по противоположному берегу реки Белой, где стояли абадзехи, но продвинуться дальше им не удавалось. Несколько раз они пытались вброд перейти горную реку, но абадзехи тут же заставляли их отступать.

У абадзехов тоже были большие потери – с поля боя на подводах увозили убитых и тяжелораненых, но оставшиеся – и стар, и млад продолжали мужественно сражаться. Кровь смешалась с облаками пороха, поднимающимися в небо; орлы, почуяв запах крови, все ниже и ниже спускались с высоты; напуганные криками и войной звери убегали в горные леса.

Не в силах оказать врагу сопротивление, женщины, старики, дети бросали свои дома, имущество, живность и уходили в горы. Горели Дах, Хамышки, Гузерипль, Мельчапа, Даурхабль, Кошхо, другие аулы.

Подполковник Духовской приказал капитану Аржанову:

– Не уничтожайте сапетки и стога сена, все это нам пригодится.

– Ты слышал приказ подполковника, рядовой Дауров? – обратился Аржанов к младшему брату жены Едыгу. – И напоминаю вам: говорите только на русском языке! Понятно? Выполняй приказ!

– В том доме, капитан, лежит больной старик... Что с ним делать? – спросил Дауров по-русски.

– Мы не в гости сюда пришли, это война! – Аржанов выбил ногой дверь и увидел лежащего безногого старика с кинжалом в руке.

– Если ты не трус, гяур, подойди ко мне! Я еще смогу сразиться с тобой! – гневно выкрикнул он.

Выскочив из дома, Аржанов в бешенстве вырвал из рук Даурова горящую лучину и закинул ее на камышовую крышу...

Бачир Марзухаев приостановил коня на лесной тропе, прислушался:

– Я слышу знакомую речь...

– Разве мы не на своей земле, Бачир, чтобы не слышать адыгскую речь? – удивился Ислам Брагунов и посмотрел на Дадаю.

– Ну-ка, Дадай, потихоньку подойди к ним поближе, послушай, о чем говорят, – попросил Бачир, прислушиваясь к голосам.

– Кажется, я знаю, кто они... – Дадай скрылся в лесной чаще и спустя несколько минут увидел на поляне Джамбеча Аржанова и Едыга Даурова.

– То, что мы делаем в Абадзехии, это позор, – услышал Дадай голос Даурова. – Лучше с оружием в руках воевать на поле боя, чем быть поджигателем.

– А если погибнешь, как я посмотрю в глаза твоей сестры?

– Умереть в бою – не позор, позор в том, как ты поступил с большим стариком...

– Дауров, если не уймешься, я тебя не пощажу!

Едыг спокойно произнес:

– Я верю, Аржанов, что ты на все способен, но не надейся на свои золотые эполеты, они-то тебя и погубят.

– А своими погонами ты гордишься?

– Какая гордость? На наших погонах пепел сожженных аулов соплеменников...

– Едыг, я понимаю, это тебя тяготит... – глубоко вздохнув, произнес Джамбеч. – Я не кровожадный, но идет война, и не надейся, что тебя пощадит тот, перед которым ты встанешь со своею саблей. А сейчас поехали, нужно догнать наших всадников.

Дадай не знал, как понимать услышанный разговор и быстро вернулся к своим спутникам.

– Мы не ошиблись, это были Накыж Аржанов и Едыг Дауров. Мне показалось, они не поладили...

– Не тяни! – поторопил Брагунов.

– Я говорю, что эти два адыга, выступившие против нас, недалеко ушли, давайте догоним их. Правда, они не одни...

– Втроем мы их не одолеем, поэтому преследовать не будем, – сказал Бачир. – Хорошо то, что они в чем-то не поладили друг с другом. Никогда бы не подумал, что Накыж и Едыг станут воевать против нас, но, как говорил мой отец, видно, на то воля Аллаха. Нам не стоит отчаиваться, мы на своей земле, над нами наше небо. Поехали, нужно поторопиться, нас ждут на совете в Биржхабле.

Военные действия, которые царские войска под командованием Евдокимова вели в Абадзехии, отличались от затяжной войны во времена генерала Филипсона и наиба Магомет-Амина. Только с туапсинской стороны абадзехам шла помощь от убыхов и шапсугов, с трех других сторон их окружили царские войска. Самым сильным и боевым было конно-пешее подразделение, которые со стороны Майкопа вели Сердюков и Ванюков. Такого количества пушек у абадзехов не было, к тому же они были мобильны и стреляли на дальнюю дистанцию. У них был и опыт ведения войны в горных условиях в Чечне и Дагестане. Но абадзехи, хорошо знающие свои горы, не раз заставляли отступать неприятельские войска. С одним не могли смириться – против них воевал милицейский полк из Кабарды.

– Что ты думаешь об этом, Бачир? – из головы Дадая никак не выходил разговор друзей детства, который услышал на поляне.

– Меня тоже волнует это, Дадай. Одно знаю точно: дни будут сменять друг друга, настанет завтра, возможно, нам будет тяжелее, чем сегодня, но не перестанет светить солнце, с деревьев так же будет падать листва, не знаю только, когда наступит мир на нашей благословенной земле... А что касается милиции из Кабарды, то рано или поздно они будут наказаны за безвинно пролитую кровь

сродственников. Думаю, что разногласие между Аржановым и Дауровым не будет долгим...

– Что делать, такие испытания послал нам Аллах на нашу грешную землю...

У поворота дороги из леса неожиданно выехали два всадника и преградили им дорогу.

– Братья абадзехи, приветствуем вас, – произнес один из них. – Меня зовут Каншаубий, этот – Барасбий. Мы из милицейского полка, но покинули его и хотим присоединиться к вам.

– Если вы поняли свои заблуждения и хотите избежать позора, добро пожаловать, – осторожно ответил Бачир.

– Жалко, что связанного Накыжа не привезли, – не сдержался Дадай.

– Кто такой Накыж, земляк? – спросил Каншаубий.

– Это Джамбеч Аржанов. Мы, тамбийхабльцы, называем его Накыжем.

– Если ты говоришь о капитане Аржанове, то ни привезти, ни подойти к нему не позволит брат жены, его бдительный оруженосец.

– Ты говоришь о Едыге Даурове? – уточнил Дадай. – Он тоже из нашего аула мы выросли на одной улице.

– Не удивляйся, Дадай, – сказал Ислам Брагунов, – в тревожные времена живем, не знаешь, кому доверять... Кто знал, что эти двое сродственников поймут свое заблуждение и воссоединятся с нами. Одному Аллаху все это ведомо, все в Его руках.

– Да, брат, я согласен с тобой, – вступил в разговор Барасбий, давно хотевший что-то сказать. – Мы ошиблись, но Аллах наставил нас на путь истины, не оставил в заблуждении.

– Это хорошо, что Бог в ваших сердцах, но надо поторопиться, нас ждут в Биржхабле, – напомнил Бачир Марзухаев, выходя из задумчивости, и группа всадников, увеличившаяся на два человека, продолжила свой путь.

Двигались молча, но каждый думал о войне в Абадзехии. Бачир размышлял: «Как могла случиться с нами такая беда, что будет дальше? Эта война уничтожит народ, есть ли какой-нибудь выход из нашего трагического положения...» Мысли Ислама Брагунова перекликались с размышлениями Бачира: «Сколько бед принесла нам война, какими жестокими оказались соплеменники моего отца...» Каншаубий и Барасбий, хотя и были довольны своим поступком, но тревога тоже не покидала их. Дадая же беспокоил вопрос: «Стоит ли доверять этим двум адыгам, нет ли здесь какого подвоха?» Не выдержав, обратился к Бачиру:

- Дозволь спросить тебя, старейший:
- Слушаю, – не оборачиваясь, сказал Бачир.
- Что делать с их милицейской формой?
- Ты видишь на них погоны?
- Нет.
- Ну, и что тебя беспокоит?
- Не знаю...

Каншаубий и Барасбий переглянулись, уловив недоверие в словах Дадаы, а Ислам с укоризной посмотрел на него. Бачир ничего не ответил, только пустил на рысь своего коня.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

За тридцать дней царское войско в сторону Хамышков через абадзехские горы продвинулось только на три-четыре версты. За это время с родной земли были изгнаны жители восемнадцати аулов, а от их домов остался только пепел. Густой осенний туман и сошедшая снежная лавина

приостановили наступление вражеского войска. Абадзехам выпало время тоже передохнуть.

Биржев и Цеев не знали отдыха, перемещаясь с одного поля сражения на другое. Эфенди Магомет Марзухаев неизменно сопровождал кого-нибудь из них: совершал с воинами намаз, пел зачиры, проводил беседы, ел с ними одну пищу. Одним словом, все тяготы войны переносили вместе.

С Хаджохского хребта хорошо виден вражеский стан, но его невозможно достать ни пушечным, ни ружейным выстрелом. Иногда белоснежное безмолвие нарушали одиночные выстрелы: от грохота и прокатившегося эха с ветвей деревьев падал пушистый снег, затем снова наступала тишина, и только дым от костров противостоящих друг другу противников смешивается под одним небом. Равнодушное ко всему происходившему на земле зимнее солнце, отсвечивая остывшим полуденным светом, медленно проплывало сквозь эту тишину.

Асланбек Багов, наблюдая, как его сын Мазхаб вертит в руках тяжелое старинное ружье деда, заметил:

– Парень, это ружье тебе не годится. Пока ты выстрелишь из него, противник успеет нанести удар. Вот это тебе подойдет, оно полегче и надежнее.

– А ты, отец, останешься без ружья?

– Пока заживет моя рука, привезут оружие от убыхов, может, что-то достанется и мне. Как ты думаешь, Мола?

Гумиштов, довольный тем, что к нему обратились, выпалил:

– И рука твоя, старейший, заживет, и оружие любое выберешь. Ты и в нас не сомневайся, врага не пропустим, правда, Гарун?

– Спрашиваешь, Гумиштов, конечно, не струсим, – уверенно сказал Гарун Коблев, нахлобучивая папаху. – А ты, Берекетов, что скажешь?

– Была бы у нас хоть одна такая пушка, как у гяуров, и говорить ничего не надо было... Только и видели бы, как они убегали, – с сожалением произнес Зауаль Берекетов.

– Я хоть и постарше вас, но тоже скажу свое слово, – шутливо поддержал сверстников сына Батыр Багов. – Саблю я крепко держу и в левой руке, поэтому запомните: ружье гяура, которого я первым встречу на поле боя, будет моим. И не надо смеяться!

К ним подъехали Биржев, Цеев и эфенди Марзухаев.

– Что, Батыр, подбадриваешь молодых?

– Предводитель абадзехов, среди них нет отчаявшихся, – уверенно сказал Багов. – Я верю в каждого из них.

Недалеко от Хаджохской теснины раздались выстрелы и все увидели всадника, поднимающегося на абадзехский хребет. Ему навстречу выехали несколько всадников.

Магомет эфенди удивился, увидев всадника, которого подвели к ним.

– Неужели это ты, Едыг?! – И добавил: – Это сын Алимджерия Даурова из нашего аула Тамбиехабля. А кто это на холке твоего коня?

– Это Накыж, эфенди... – Как поступить с Аржановым – вам решать. А я с вами.

Связанного полураздетого Накыжа-Джамбеча Аржанова сняли с холки коня и посадили перед всеми.

Биржев коротко распорядился:

– Развяжите его.

– Какое сочувствие может быть к изменнику, Биржев?! – гневно вскрикнул Цеев.

Толпа загудела, поддерживая его.

– Нет, джамахат, не горячитесь, – поднял руку Биржев. – Он свое получит, но не сейчас, а по решению суда.

Суд над Джамбечем Аржановым был недолгим. Его решение тотчас было исполнено: глашатаи возвестили, что предатель был сброшен с высокой скалы в пропасть.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Холодная зима 1862 года отступала. Но весна не радовала абадзехов своими теплыми погожими днями. Раскаты грома эхом перекатывались по горам, но это были не отзвуки весеннего грома, а грохот орудий войны.

Вся Абадзехия встала на защиту своей земли. В аулах не осталось мужчин, которые бы с оружием в руках не выступили против завоевателей, там оставались только немощные старики, женщины и дети. Отовсюду были слышны плач матерей и вдов.

В небольшой аул Тамбиехабль за неделю привезли шестерых убитых и одиннадцать раненых. На улице, где живут Брагуновы, трое раненых: Бачир, Дадай и его сын Магомет.

Бачир Марзухаев был ранен в плечо, но его больше тревожило состояние раненых соседей, особенно Дада, и он два-три раза в день навещал их. И сейчас, собираясь к ним, увидел входившую во двор дочь. Нафисет обняла отца, стоявшего у двери в накинутом на плечи легком кафтане, и спросила:

– Как прошла ночь, тат, рана не очень беспокоила?

– Моя рана заживает, доченька, со мной все хорошо, а вот Дадай... Вчера вечером он был совсем плох, иду его проведать.

– Конечно, будет плох, у него ведь пуля в животе... – отозвалась Джаншир, и, сочувствуя, закончила: – Бедолаге, думаю, недолго осталось жить.

– Куда дели трость отца, не могу найти... – проворчал Бачир, недовольный словами жены. – А ты не болтай лишнего, может, не все у него так плохо... Да вот же она, висит на стене, – произнес Бачир, снимая трость.

– Тебе тяжело ходить, тат? – забеспокоилась Нафисет. – Дедушкина трость, конечно, поможет тебе.

– Да, дочка, это трость твоего деда, такую теперь не сыщешь. Но нужна она не мне, а раненому в ногу Магомету. Я пойду к ним, а вы посидите, поговорите. – И, выходя из дома, предупредил жену: – Долго Нафисет не держи, ее ждут дети, да и без гостинцев не отпускай.

– Слышишь, что говорит твой отец? Видно, боится, что Брагуновы откажутся от тебя, – засмеялась она вслед скрывшемуся за дверью мужу. И, не заботясь о том, услышит он это, продолжила шутливо: – К нам дочка пришла с пустыми руками, пусть так же и возвращается.

Нафисет, не поддерживая шутливый тон матери, подошла к окну, и глядя вслед отцу с болью заметила:

– За этот год он очень сдал...

– Да, дочка, мы немало пережили... Будь проклят тот, кто ранил твоего отца, чуть нас не осиротил. – Джаншир встала за спиной дочери и тоже посмотрела вслед мужу. – Он не подает вида, не жалуется, но и так заметно, как тяжело ему держать раненое плечо, да и правую руку не может поднять... А хочет вернуться на войну. Может, к твоим словам прислушается, поговори с ним, пусть уже успокоится.

– Нет, я не могу сказать тате, что ему не место там, где сейчас находятся все мужчины аула. Ты же знаешь, нана, породу Марзухаевых, они не будут прятаться за спины других. Я бы тоже присоединилась к тем, кто с оружием в руках встал против врага. Кто еще защитит нас?

– Не женское это дело!.. – испуганно воскликнула Джаншир, обнимая дочь. – Твой бедный отец переживает, что ему не удастся исполнить свой обет – отвезти тебя на могилу твоей матери, а у тебя в голове вон что...

– Нана!.. – Нафисет вырвалась из объятий матери, затем снова обняла ее.

– Доченька моя, оставь Аллаху заботу о нас, адыгах, будем надеяться, что Он не оставит нас. Твоя свекровь то же самое скажет тебе. Лучше приведи ко мне малышкой, хоть душу мне отогреют, сердце смягчат... – и подумала о

настоящей их бабушке, лежащей под дубом на берегу Фарза, в Махошии.

– Нана, они же совсем недавно были у вас...

– Ну и что, хочу их снова видеть, соскучилась.

– Хорошо, хорошо, сейчас приведу.

«О, Аллах, пойми меня и прости, – Джаншир, оставшись одна, помолилась, – и я, и Бачир, и наша девочка страдаем на этой грешной земле. В чем вина ее кровных родителей? Мать ее, ни имени, ни фамилии которой не знаем, давно упокоилась, но отец возможно жив, и находится с теми, кто воюет против нас. А, может, и его нет в живых... Что дальше нас ожидает? Мы-то прожили свое, детей жалко... О, Аллах, в чем мы провинились перед тобой? Спаси и сохрани нас, дай мне счастье увидеть, как подрастают внуки, пусть на землю нашу вернется мир...» – детские голоса, раздавшиеся у двери, вывели Джаншир из раздумья.

Магомет, сын Дадая, прислонившись к столбу на веранде, курил, но увидев Бачира, быстро спрятал курево и, стараясь скрыть хромоту, радостно пошел навстречу:

– Кебляг, добро пожаловать, Бачир, отец только что спрашивал о тебе.

– Как он?

– Сегодня ему лучше, немного поел, а тебя ждет, чтобы подстриг его усы и бороду.

– Это хорошая новость, Магомет, – обрадовался Бачир. – А ты, я вижу, уже на ногах, но трость тебе еще пригодится. Поправишься – возвратишь, это трость моего отца. – Войдя в дом, похвалил сидевшего на кровати Дадая, обложенного подушками. – Аферым, Дадай, вижу, что тебе уже лучше!

– Был бы я молодцом, Бачир, если бы сейчас со своим парнем находился с теми, кто сражается с врагом. Знать бы, что там происходит... Но если мне доведется встретиться с бывшим соседом Алимджерием Дауровым, я бы сказал ему, что его сын – настоящий мужчина, благодаря

ему был наказан предатель Накыж. Но кто знает, когда я с ним встречу... Если кто-то из вас раньше меня увидится с ним, передайте мои слова. Да, Бачир, большая беда случилась с нами, но мы будем бороться до конца... Принеси, парень, мою бритву, – обратился он к сыну, – Бачир подстрижет меня.

На следующий день, после обеда, Дадай скончался.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Обращение Черкесского меджлиса уже было услышано в Европе, но русская сторона не прилагала никаких усилий в разрешении создавшейся ситуации. Тем не менее, дальнейшие действия русских войск были изложены на совещании у императора и одобрены им.

Офицер Смоленский был срочно вызван к заместителю Кавказа. В приемной навстречу ему поднялся адъютант заместителя и попросил:

– Присядьте, у вас еще пять минут.

Было раннее утро, но солнце уже взошло, ярко освещая комнату. На стене висел огромный портрет императора Александра II, его лицо выражало величие и державность. На противоположной стене висели большие беззвучные часы, которые показывали время дня, месяц и год.

До назначенного времени оставалась одна минута, и как только раздался первый бой часов, Смоленского пригласили войти в кабинет заместителя Кавказа.

Михаил Романов прохаживался по своему огромному кабинету. Он повернулся к вошедшему офицеру, вставшему перед ним во фронт, внимательно посмотрел на него и сказал:

– Я доверяю вам, поэтому поручаю этот пакет немедленно доставить в Кутаиси и вручить генерал-губернатору Колубякину. Здесь я указал поручение, которое вы должны выполнить вместе с ним. Не смею вас больше задерживать, капитан. Да, да, с сегодняшнего дня вы – капитан.

В своих воспоминаниях участник десанта 19 июля 1862 года С. Смоленский пишет¹: «...С наступлением весны 1862 года отряды войск под начальством графа Евдокимова штыком и топором пролагали путь в глубину гор с северной стороны Кавказского хребта. Энергичное наступление русских встревожило почти все население Западного Кавказа. На помощь абадзехам, на земле которых были главные силы правого фланга, спешили черкесы со всех сторон значительными партиями.

В середине июля кутаисский генерал-губернатор прибыл в Сухум. На другой день после его приезда была заметна какая-то суета, командующий войсками в крае собрал начальников частей для совещания. Все понимали, что войска готовятся к каким-то тайным маневрам, но что именно нам предстоит – никто не знал, все скрывалось под завесой секретности.

Пароходы давно уже развели пары, на баркасы с берега садились последние стрелки. Едва только мы взошли на палубу, начали поднимать якоря, взвился флаг на грот-мачте корвета и суда двинулись с рейда. Вслед за ними шли на буксире десять азовских баркасов из числа бывшей гребной флотилии сухумской морской станции.

Чтобы хоть немного отвлечь внимание черкесов, уже скопившихся в больших массах от всех обществ Западного Кавказа против войск правого фланга, кутаисский генерал-губернатор решил произвести диверсию в каком-нибудь из прибрежных пунктов Черного моря, заселенных

¹ С. Смоленский. «Воспоминания кавказца». Военный сборник. Т. 105. № 10, 1875.

племенем непокорных черкесов. Решено было сделать высадку на урочище Псахе, против зданий меджлиса.

К утру начало светать. Над горами, находившимися к северо-востоку, свод неба окрашивался в бледно-розовый цвет. Шли так же, как и ночью, малым ходом, соблюдая всевозможную тишину. Пароходы стали в одну линию: корвет и шхуна – на ближайший орудийный выстрел, а транспорт – на дальний. Затем десант был пересажен с судов на баркасы. На кормах баркасов, составивших десантную гребную флотилию, были поставлены флаги разных цветов, которые велено примечать солдатам, чтобы не могло быть замешательства при обратной посадке, когда каждый должен был по цвету флага бежать к своему баркасу.

Все лодки почти одновременно подошли к берегу. Стрелки выскочили на прибрежный песок, а баркасы, отойдя сажень на 15, бросили якоря и выстроили свою линию.

В этом месте прибрежная полоса из песка и щебня была шагов на 30 ширины, затем возвышался крутой скалистый подъем, покрытый лесом. На левой стороне от моря шел глубокий, также лесистый овраг. Небольшая тропа от береговой полосы пролежала по дну оврага, затем начинала подниматься косвенно по левому обрыву его, изгибаясь между громадными пнями деревьев, камней и скал. Весь подъем составлял сажень 70. После дорожка выходила на ровную площадь, покрытую густым, молодым лесом, перепутанным плющами и лианами. Сбившись с этой тропинки, трудно было выбраться на нее снова. Далее дорожка вела небольшим косогором к площадке, очищенной от леса, на которой стояло три деревянных здания с драничными крышами. Эти дома и составляли присутственные места администрации черкесов, или меджлиса «великого и свободного заседания», где, кроме залы парламента, стояли еще кунакская и молельная.

Было очень рано, и сторожа, вероятно, еще спали. Только тогда, когда стрелки поднялись на площадку почти

на виду их, сторожа успели запереть все двери зданий. Спасаясь, они не могли подавать своих сигналов из боязни попасть в руки солдат.

За зданиями правительственных учреждений черкесов расстилалась ровная, местами волнистая возвышенность, расходясь на обе стороны за овраг. Местность эта была густо заселена черкесами до крутых подъемов подходящих сюда горных отрогов, они занимали также котловины ущелий, выходящих из гор и долины речек. Тут находился центр населения убыхского племени, где и было избрано место для постройки помещений народных собраний. Отсюда имелись прямые сообщения с землями абадзехов, натухайцев и соседними обществами. Против зданий был еще спуск к морскому берегу, но крутой и местами обрывистый, поросший лесом и загроможденный скалами, по которому даже черкесы могли с трудом пробираться.

Выйдя на гору, стрелки рассыпались по лесу и образовали цепь вокруг площадки. Солдатам еще на судах даны были смоляные кранцы, гвозди для прибивки их к стенам и спички со свечами из состава, который мог гореть и на ветру, поэтому они сейчас же начали поджигать дома со всех сторон. Только в это время послышались в отдалении крики, а затем и несколько выстрелов. Между тем работа по зажиганию зданий деятельно продолжалась.

– Поджигай вон ту саклю, – приказывал один солдат другому, – а то она запалена только с одной стороны, а я отобью двери, нет ли там, внутри, какой бритой головы.

Последний начал прибивать кранцы к указанной ему стене и зажигать, а распорядитель отбивал двери камнем, что, однако, ему не удалось, двери оказались настолько крепкими, что он не мог их отбить. Взобравшись по углу до крыши, еще не занятой огнем, он отворотил часть ее, но дом оказался с потолком, замощенным досками.

– Что ты там видишь, Сысоич? – спросил стрелок, поджигавший соседнее здание.

– Какие-то подушки, – постель, должно быть, а палаты замощены. Хотел пролезть внутрь, да нельзя, а там, наверное, черкесы есть.

– Экие они дураки, что тебя не подождали. Когда мы первые взбежали на гору, то два или три черкесика, как есть раздемши, побежали вот от этой самой сакли.

– Мы им, бедняжкам, не дали и соснуть зорькой, – ворчал Сысоич, слезая с крыши.

– Как есть раздемши, – повторил стрелок, – с ружьями только, да с шашками в руках.

– Отчево же вы по ним не стреляли?

– Где там было стрелять, они как чикалки (шакалы) проскользнули промеж дерев, так что мы не успели и ружей с плеч схватить.

Огонь начал охватывать дома со всех сторон и клубы черного дыма высоким столбом поднимались кверху.

Перестрелка в цепи начала учащаться, к месту пожара стали сбегаться черкесы со всех сторон. Вокруг нас по лесам поднялся страшный вой сигналов, которые все больше и больше расходились по побережьям и в глубину ущелий. Слышно было, как кричали сбегавшиеся туда пешие черкесы и с гиками скакавшие всадники.

– Вишь ты, как на крыльях их несет, какая легкая на помин проклятая орда, – говорил солдат, пуская выстрел через овраг по направлению гиков.

– Не трать зарядов по-пустому, – заметил ему старый унтер-офицер, – на берегу еще настреляешься.

Сакли совсем уж загорелись, так что их не было никакой возможности потушить, почему мы сбежали вниз, на прибрежную полосу, а вслед за нами сошли и стрелки, находившиеся в числе зажигателей домов меджлиса. Осталась только в цепи рота 33-го батальона, которая вела деятельную перестрелку со скопищем горцев, все больше и больше собиравшихся к этому месту. Они стали уже показываться и на спусках к морю, с обеих сторон оврага, особенно много их появилось с левой стороны его от

берега. Неприятель засел за камнями и пнями деревьев, стреляя по нас.

На песке, недалеко от спуска, лежали два громадных полуистлевших дерева, за которыми расположились солдаты, отвечавшие на огонь черкесов. С каждой минутой выстрелы учащались, но нам нельзя было садиться на баркасы, не дождавшись спуска цепи с возвышенности на берег. Почти из-за каждого камня, пня и куста сверкал огонь, взвивался дымок и около нас с визгом летели винтовочные пули, но горцев мы почти не видели, несмотря на то, что нас разделял промежуток от 40 до 60 шагов. От колоды, под которой мы сидели или, лучше, сказать, лежали, потащили под руки одного раненого, другого и третьего на баркасы, подошедшие к берегу для принятия десанта. Дальше начали таскать и убитых то из-под одного дерева, то из-под другого.

Когда две роты, лежа под завалами, на песке, перестреливались с черкесами в ожидании спуска с горы третьей, никому нельзя было стоять на ногах. Как только кто поднимался, десятки пуль осыпали его. Почти не проходило без того, чтобы одного из двух носивших на баркасы убитых и раненых не подстреливали. Почему каждый из нас, по инстинкту самосохранения, прижимался к песку, укрываясь под гнилыми колодами, выглядывая из-за них только тогда, когда нужно было сделать выстрел. В это время начальник десанта капитан Барахович ходил взад-вперед сзади наших завалов. Пули сыпались на него со всех сторон, как дождь, взрывая и клубя песок, но, не обращая на то внимания, он продолжал ходить, делая необходимые распоряжения.

Черкесы особенно сильно наседали на нас с левой стороны оврага и высот, тянувшихся за ним, почему правый фланг гребных судов открыл по ним огонь из своих орудий. Они с гиками и воем бежали со всех сторон к месту перестрелки, а рота с горы не сходила, заведя жаркую перестрелку с неприятелем с целью не допустить его

к горевшим домам. Пожар был уже в таком виде, что не только невозможно было его погасить, но и спасти что-нибудь из горевших строений не имелось возможности. Подан был уже второй сигнал к отступлению и рота показала справа, по другой тропинке, шедшей также от зданий к морю, которая, к счастью, была отыскана. Возвращаясь прежним путем, при большом скопище черкесов на дне оврага и правой стороне ската его, рота могла бы иметь значительные потери, и должна бы была пролагать себе путь штыками.

Пешие и конные партии черкесов бежали из Сочи и Варданэ по прибрежной полосе щебня. Корвет посылал иногда в ту и другую сторону гранаты, что заставляло приближающиеся шайки скрываться в лесу возвышенностей или всходить на верх берегового ската и по нему уже продолжать путь.

Несмотря на усиливающийся огонь неприятеля, от которого стали чаще уносить наших убитых и раненых, на лицах солдат изображалось невозмутимое спокойствие.

– Ишь ты, сколько собралось их нечистой силы, – слышалось порой замечание под каким-нибудь бревном.

– И откудова так скоро набирается их столько?

Но подобные фразы вырывались редко, большей частью всякий солдат молча заряжал ружье и стрелял в те места, где показывался дымок черкесской винтовки, сосредоточивая все внимание на происходившем впереди.

Как только стала спускаться с горы рота, бывшая в цепи, остальные две, дожидавшиеся ее на берегу, побежали к баркасам и начали садиться на них. Но, сойдя с возвышенности, цепь наша опять остановилась, продолжая жаркую перестрелку. Усердие начальника ее в этом случае было совершенно неуместно, потому что десантный отряд, сделав свое дело, должен был уходить как можно поспешнее. Если горцы не бросились в шашки при первой посадке двух рот, то этим мы обязаны картечи с баркасов, которые, несмотря на сделавшуюся хотя и небольшую качку от

начинавшегося волнения, держали до этого времени неприятеля на почтительном расстоянии.

Приняв две роты, баркасы не могли отходить от берега далеко, так как на оставшуюся там третью роту черкесы могли кинуться в шашки и, пользуясь громадным численным перевесом, всю уничтожить. Как только эта последняя спустилась на прибрежную полосу, суда начали обстреливать высоты. Особенно удачно стреляла «Туапсе», подошедшая ближе к берегу. «Рысь», поворачиваясь на обе стороны, изрыгала с бортов своих массы ядер, гранат и картечи. Азовские баркасы также осыпали картечью места, занятые неприятелем, где замечалось больше дыму от их выстрелов. Стрелки с берега и лодок продолжали поддерживать ружейную перестрелку. Несмотря на то, что возвышенность, осыпаемая пулями и артиллерийскими снарядами, от которых трещал и ломался лес и сыпались осколки и листья, а земля и камни, взрываемые ядрами и гранатами, поднимали пыль, у черкесов пальба все более и более усиливалась. Особенно сильный огонь их был из-за оврага, при устье его, куда пароходы не могли стрелять.

Пока мы были на берегу, то имели возможность скрываться за колодами, на баркасах же, сидя кучами, мы представляли хорошую цель для черкесов, чем они и сумели воспользоваться. Там у нас было больше раненых и мало убитых, здесь же все раны, за редкими исключениями, были смертельны. До пояса мы были закрыты бортами баркасов, оставалась для прицелов горцев грудь и голова. Как только наш баркас стал отходить, мы опять начали стрелять в лес и камни, скрывавшие неприятеля. Сначала был убит стрелок, сидевший около меня с левой стороны, пуля попала в висок и он молча повалился на меня всей тяжестью тела, вслед затем ранен в живот милиционер-имеретинец, который схватился за рану и прилегло ко мне на ноги, он жил только четверть часа после того. Сидевший с правой стороны гребец, молодой азовец, с

тихим стоном «ох» тоже навалился на меня. На баркасе находился начальник десанта, почему нам невозможно было отъезжать от берега, вдоль которого мы тихо двигались для отдачи приказаний роте 33-го батальона, бывшей еще на берегу, остальные же гребные суда были дальше.

Садясь спиной к неприятелю, думал ли я что-нибудь в то время, не знаю; но, припоминая этот случай приходится невольно вспомнить, что недаром говорят: «смерти страшно в глаза смотреть», так и мне, по какой-то странной прихоти, не хотелось, чтобы пуля попала в лоб или грудь. Уж если наметит какая, так пусть бьет в затылок или спину, все не так страшно, рассуждал я в то время. Пули, между тем, как пчелы жужжали мимо ушей и волны шипели вокруг лодки, обдавая нас брызгами. Левый борт баркаса впоследствии оказался избитым, как решето. Смерть носилась кругом: то с той, то с другой стороны кто-нибудь со стонами валился на дно баркаса. В этот момент я почувствовал, что меня кто-то дергает за полу сюртука, а затем услышал голос:

– Лезь сюда.

Это был доктор батальона, который лежал на дне лодки. Я ответил, что не только лезть туда, но мне и повернуться-то трудно, так как я со всех сторон завален убитыми.

Черкесы больше метили в азовцев, стараясь перебить гребцов, рулевых и прислугу орудий. Оттого и потери у азовцев были большие. Командир баркаса сотник Перетяткин, когда убили у него рулевого, стал на его место управлять лодкой, но тотчас же был ранен в ногу. Передав гребцу руль, сотник перешел к орудию, прислуга которого была перебита, и начал заряжать его, но тут ранили его в руку. На другом баркасе урядник, находясь при орудии, был легко раненым, и видя, что убит рулевой, стал сам править лодкой, но через несколько минут был также убит. Командир есаул Козленко, став после урядника на руле, был ранен в руку. На одном баркасе до того перебили

гребцов, что, не поспей к нему на помощь катер с матросами, он остался бы под выстрелами неприятеля на произвол морского течения.

Наконец, стала садиться на баркасы и рота, бывшая в цепи, которая меньше всех понесла потерь, пользуясь закрытием небольшой песчаной возвышенности со стороны оврага, что и дало ей возможность так долго оставаться на берегу и перестреливаться с черкесами, провожавшими ее от горевших зданий.

По выгрузке с баркасов десанта с убитыми и ранеными эскадра пошла в обратный путь, взяв опять гребные суда на буксир. Черкесы, собравшись в большом количестве, продолжали выбегать на берег пешие и выезжать конные. По мере того, как суда двигались вдоль берегов, скакали они на лошадях по направлению к Сочи, предполагая, вероятно, как бы мы там не сделали новую высадку. По временам, через небольшие промежутки, корвет на ходу бросал в них гранаты. При этом мы заметили только двух всадников, опрокинутых с лошадыми ядрами, но черкесы, оставляя убитых на месте, продолжали бежать, почти не отставая от пароходов. Шхуна, подойдя ближе к берегу, оставила один азовский баркас, который, сделав несколько картечных выстрелов, заставил черкесов на долгое время остановиться и укрыться в лесу ската, спускавшегося к морю. Но как только баркас был забуксирован, они снова появились на прибрежной полосе. Преследовавших нас по берегу было около 500 всадников. Погоня за судами продолжалась почти до самой Сочи, где пароходы пошли полным ходом.

Всей потери с нашей стороны было более 70 человек, в том числе три обер-офицера. На берегу мы потеряли около 20 человек – большей частью раненых и очень мало убитых. Остальные были убиты и ранены на лодках.

У черкесов, пользовавшихся выгодной в сравнении с нашей позицией, по достоверным справкам, собранным в то время, было убитыми и ранеными около 50 человек. И

если у нас из раненых не так много осталось в живых, то у них был еще меньший процент.

Хотя наша потеря превышала убыль черкесов, зато нравственный перевес был на нашей стороне. Мы явились там, где нас не ожидали, и напали совершенно врасплох. Узнай они днем раньше, во время рекогносцировки, о месте предполагавшейся высадки, то из трех рот едва ли кто бы возвратился на суда. С таким небольшим числом людей можно было рисковать высадиться в центре населения одного из самых воинственных племен Западного Кавказа, только рассчитывая на нечаянность и спешность нападения.

Часам к четырем пополудни мы прибыли в Гагры для отдания погибшим последнего долга по христианскому обряду, а раненых – для помещения в лазареты. Транспорт «Эльбрус» на рейде укрепления недолго задержался и отправился в Сухум, так что к утру был уже там. Мы же выехали в 11 часов ночи, в Гаграх я пересел на «Туапсе». Для меня ночь прошла не совсем спокойно. Мне пришлось лежать рядом с ранеными азовскими офицерами, которых везли в сухумский лазарет. Часов около 12 дня, 20 июля, мы уже огибали Сухумский мыс и входили в бухту...»

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Разгром адыгского меджлиса болью и страданиями отозвался в сознании черкесов. Лишенные помощи, ненужные подстрекавшим их странам, они, упорно сопротивляясь, противостояли хорошо вооруженному почти трехсоттысячному вражескому войску¹. Но силы были

¹ «...Боевая, испытанная, на все готовая 280-тысячная армия, с которой можно было разгромить весь материк от Египта до Япо-

неравны и, оставляя сожженные врагом аулы, адыги отходили в сторону Черного моря, теряя в боях многих своих соплеменников.

– Куда ты, ни свет ни заря? – спросила мужа Джаншир, увидев, что он седлает коня, и обеспокоенно добавила: – Рана твоя еще не зажила...

– Ты слышишь грохот пушек? – проворчал Бачир. – Как я могу оставаться здесь, когда все мужчины воюют? – Увидев подходившего к ним соседа, добавил: – Молодец, Магомет, не опоздал. – И, повернувшись к жене, с болью произнес: – Берегите друг друга, вы остаетесь одни, у Брагуновых в доме тоже мужчин не осталось. Обними детей за меня... – Сердце его сжалось: «Я так и не выполнил свой обет – отвести Нафисет на могилу ее матери. Как только вернусь – исполню свое обещание», – твердо решил Бачир.

– Не беспокойся за нас, как все, так и мы, – не показывая свою тревогу успокоила мужа Джаншир.

Проехав весь Тамбиехабль всадники не встретили не только ни одного мужчины, но и ни одной женщины. Аулы словно вымер, правда, это было раннее утро. Ни призыва муэдзина на утренний намаз, ни лая собак, ни мычания скота, даже река Кужипс неслышно несла свои воды между берегами. В небе, где давно не парили орлы,

ни, – пишет в своей книге «Кавказская война» активный ее участник генерал Р.А. Фадеев, – была обращена на Западный Кавказ, где приходилось иметь дело с каждым человеком отдельно, надобно было бы покорять черкесов по одному... Нам нужно было обратить восточный берег Черного моря в русскую землю и для того очистить от черкесов все побережье... Конечно, война, веденная с такою целью, могла вызвать отчаянное сопротивление и потому требовала с нашей стороны удвоенной энергии, – надобно было истребить значительную часть закубанского населения, чтобы заставить другую часть безусловно сложить оружие, – но зато победа кончалась все разом. Принимая на себя исполнение этого громадного дела, граф Евдокимов говорил: «Я считаю себя вправе предоставить горцам лишь то, что останется на их долю после удовлетворения последнего из русских интересов». Так и было сделано...»

неспешно проплывали белые облака, легкий ветерок разносил по горным хребтам запах гари.

– Как твоя нога? – спросил Бачир Магомета, ехавшего по левую сторону от него.

– Мне больше не нужна трость твоего отца, Бачир, поэтому я вернул ее, – уверенно ответил Магомет. – А ты как себя чувствуешь?

– Даже внимательно присмотревшись к моим плечам уже не понять, какое из них опущено, – отшутился Бачир и, помолчав, добавил: – Мы-то с тобой знаем свой путь, а что ожидает стариков, женщин и детей, которые остались в ауле.

У подножия Кужипского хребта они присоединились к сотне абадзехских всадников, вылетевших из леса. Спустя некоторое время Бачир спросил у молодого всадника:

– Сын мой, куда мы едем?

– Вражеское войско пробирается к нашему хребту!

– Магомет, встань за мной! – приказал Бачир и пустил коня. Поднявшись на хребет, они увидели около пятидесяти пеших казаков, но те, не выступив против них, скрылись в лесу. Преследовать их не стали. Но неожиданно абадзехов обстреляли пушки, и не успели они опомниться, как были взяты казаками в кольцо. Их пехота тоже поднялась.

– Абадзехи, Аллах с нами! Не отчаивайтесь! – Мазхаб Багов с шашкой наголо выдвинулся вперед и скомандовал: – Разделитесь на три группы и встаньте против гяуров!

– Не обращайтесь внимания на пехоту казаков, сделайте вид, что вас застали врасплох, отступите назад, потом неожиданно повернувшись, тут же наносите им удары! – помчался вперед Бачир Марзухаев, тем самым отменив приказ Багова. Казаки, не понимая действий абадзехов, рассредоточились поодиночке, подставляя себя под удары.

Держа в руках седло и уздечку, снятые с павшего коня, Мазхаб Багов подошел к Бачиру и гневно бросил:

– Марзухаев! Ты внес сумятицу в мою сотню и все испортил!

– Парень, – не отрывая взгляда от убитых, перед которыми сидел, ответил Бачир, – думай, что говоришь... Тебе мало смерти этих троих? Пуля и стальной клинок поражают не только того, кто сломя голову бросается на врага, но и того, кто просчитывает свои действия. – И обратился к молодым, находившимся с ним рядом: – Найдите Багову коня, негоже ему оставаться пешим. А убитых казаков передайте их товарищам... – И, глядя черную бурку, накинутую на погибшего, запричитал: – Магомет, Магомет, сын мой, какое горе, какое горе! Еще не высохла земля на могиле твоего отца, а в ваш дом пришла еще одна беда. Как мне сказать твоей бедной матери, что я привез ей тело сына?..

– Мазхаб, если позволишь, мы вместе с Коблевым будем сопровождать тело Магомета в Тамбиехабль, – обратился к Багову Мола Гумиштов, – расскажем аульчанам о его храбрости на поле боя. – Некоторое время всадники ехали молча, затем Гумиштов произнес, обращаясь к Бачиру: – Меня беспокоит вспыльчивость Багова, разговаривая с тобой, он забыл, что ты старший. Не сердись на него, с тех пор, как погиб отец, мы его не можем успокоить.

– Батыра нет в живых?!. Как это случилось?

– На прошлой неделе в долине Псефира в него попало ядро, тело собирали по частям...

– Пусть земля будет ему пухом, Батыр был настоящим воином. Знал бы, пособолезновал Мазхабу. Но как мне было знать, почти полгода не общался ни с кем...

– От эфенди Магомета я слышал, старейший, о твоём тяжелом ранении... Да, Бачир, гяуры нас не щадят... То, что они на днях сделали с нашим меджлисом, единственной надеждой адыгов, не простится им никогда!

Бачир резко натянул поводья коня, поставив его на дыбы:

– Какие несчастья нам приходится переживать! – в сердцах сказал он. – Что же с нами будет дальше, Мола?

– Как говорит эфенди Магомет, отчаиваться не следует, Аллах нас не оставит, на Его милость и будем уповать. С Его помощью мы не допустим гяуров на Кужипский хребет. Я вижу, ты давно не видел своего брата...

– С тех пор, как он раненого отвез меня домой...

– А ты знаешь, где он сейчас?

– Возможно, там, где воюют абадзехские мужчины...

– Нет, нет, Бачир, – ответил Гумиштов и вкрадчивым голосом добавил: – Только трое, в их числе и я, знают, где он находится: посланник Аллаха эфенди Магомет сейчас в Стамбуле, у турецкого султана.

– Зачем он там? Чтобы султан пожурил гяуров, которые сожгли наш медресе?

– Чтобы оружием и войском он помог нам.

– Наши предводители не дружат с головой?.. – вспыхнул Бачир, имея в виду и Гумиштова, который вечно подслушивает чужие разговоры. – Чего можно ожидать от султана, суда которого захватывают русские!

– Бачир! – испугано вскрикнул Гумиштов. – Я ничего не слышал, а ты ничего не говорил о наших руководителях... И так между ними нет согласия, только стараются не подавать вида... В сложившихся обстоятельствах у нас надежда, после Аллаха, только на твоего брата эфенди абадзехов. Жалею, что не согласился сопровождать его в Турцию... Но я уверен, Бачир, и очень надеюсь, что Магомет эфенди вернется с хорошими вестями, и не только я...

– Перестань, Гумиштов! – прикрикнул на него Бачир и подумал: «Уж я-то хорошо знаю своего брата...» – В лесу они догнали троих всадников, сопровождавших арбу, в которой лежали два покойника. Спросили, кто они. Бачир спрыгнул с седла, услышав имена погибших.

Это были Ислам и Гучипс Брагуновы.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Вся Абадзехия в огне: повсюду свистят пули, звенит сталь, гремят пушки.

Над горным лесом смешались туман и пороховой дым. Горят аулы, которые до последнего своего часа защищали абадзехские мужчины. Женщины с младенцами на руках, старики, дети, спасая жизни, бежали из объятых пламенем домов. Царские войска, имея в прошлом опыт войны на восточном фронте, несмотря на ожесточенное сопротивление защищающих свою землю черкесов, продвигались к Черному морю.

– Неужели нет никакой надежды? – спросил Мазхаб Багов, который после совершения омовения готовился к намазу.

– Почему нет? – отозвался Гарун Коблев. – Аллах – наша надежда. После него надеемся на Биржева, Цеева и Магомета эфенди Марзухаева.

– Это так, – поддержал его Мола Гумиштов, – после Аллаха они – опора наша, правильно говоришь, сосед.

– Зря ты хвалишь наших предводителей, – улыбнулся Мазхаб Багов сквозь черные усы и бороду. – Думаю, ты ошибаешься, Мола.

– Нет, Багов, – остановил его Гумиштов. – Мы готовимся предстать в молитве перед Аллахом, давайте не будем хулить наших предводителей... Говорят, Магомет эфенди привез из Турции хорошие вести.

– Я даже имени его не желаю слышать, – проворчал Багов. – Кроме фески, он ничего не привез оттуда, мы ничего не видели.

– Нет, нет, Мазхаб, – стоял на своем Гумиштов, – я сам слышал, как он говорил, что не сегодня-завтра из Турции придет судно, груженое оружием.

– Каким оружием? – спросил Зауаль Берекетов.

– Оружием, которым мы сможем противостоять гяурам.

– Если там окажутся такие же ржавые ружья, которые однажды уже привозили нам, то пусть они оставят их себе, – отрезал Багов. – Нам нужны такие пушки, как у наших врагов!

– Может, и нам привезут такие...

– Не навлекайте на себя гнев божий, – остановил их Гумиштов. – Вы, что, готовитесь предстать перед Аллахом с оружием на поясе? Не становитесь на намазлыки, пока не снимете его!

– Конечно, сейчас оружие все время находится при нас, но перед Аллахом мы предстанем без него. – Багов снял с себя ремень с кинжалом, шашкой и пистолетом и положил справа от себя, его спутники сделали так же. Закончив намаз, удивился: – Странно, что гяуры не прервали нашу молитву, делают вид, что проявляют понимание... Для бездушного генерала Евдокимова это поступок, но если бы я повстречался с ним на поле боя – не пощадил бы, как и того, кто сжег наш меджлис, не помню его фамилию, Колубякин, что ли...

– А генерала Филипсона? – спросил кто-то.

– Он хитер, но душа у него все же была.

– Да, наиб находил с ним взаимопонимание.

– Слушаю вас, абадзехи, и удивляюсь вашей наивности, – вмешался в разговор Гумиштов, – и названные вами генералы, и другие, и наиб – все они действуют по приказу царя и его брата, под ружьями заставляя нас принять их подданство.

– Смотрите-ка, до чего он додумался... – насмешливо заметил Багов. – Если бы мой дружище Мола Гумиштов вместо Цеева был заместителем Биржева, то, ей богу, от него было бы гораздо больше пользы.

– Зря ты шутишь надо мною, Мазхаб, не думай, что я ни на что не способен. Я долго находился при наших предводителях, был их доверителем и многому у них

научился... Но мне бы не хотелось, чтобы до Хатырбая Цеева дошел этот разговор.

– Выходит, Гумиштов, предводители с тобой не советуются, хоть ты и находишься рядом с ними? – опять с насмешкой спросил Багов.

– Это не так, Мазхаб, – не подав виду, что его задел вопрос Багова, быстро ответил Мола. – У нас нет разногласий, но когда находишься между двумя предводителями, то не можешь не замечать их взаимонепонимания... Но, сказать честно, я никого из них не виню.

– Разве могут ужиться две матки в одном улье? – спросил Берекетов.

– Вот и я говорю...

– Значит, Цеев сначала противостоял князю Хаджемукову, затем русскому царю, а потом и нас, абадзехов, подставил. Где он теперь?

– Где ж ему быть? Там, на том хребте... – со стороны, куда указал Гумиштов, раздались пушечные выстрелы. От неожиданности он упал на землю, но опомнившись, быстро поднялся и еще раз повторил: – Молодцы, гяуры, дали нам спокойно совершить намаз...

Русские пушки начали активно вести огонь в направлении хребта, но пехота, численно во много раз превышающая войско абадзехов, в наступление не выступила, как это бывало по обыкновению. Абадзехов этот огонь не сильно беспокоил, расположившись вдоль хребта они в любое время были готовы отступить и поменять свое месторасположение. Их взоры были обращены к небу: не сегодня-завтра должен выпасть снег, и они надеялись, что зима на два-три месяца задержит наступление царских войск.

– Зиму переживем, а что с нами дальше будет?.. – обеспокоенно спросил Гумиштов.

– За это время наши предводители должны что-нибудь придумать, – неуверенно ответил Коблев.

– Упустили время, когда мирным путем можно было все решить, теперь пытаемся ухватить коня за хвост... – усмехнулся Берекетов.

– Я слышал, что Биржев ездил к генералу Евдокимову просить перемирия, но тот заявил: «Никаких перемирий, переселяйтесь в Турцию».

– Абадзехи, – рассердился Багов, – вы же знаете, что Евдокимов давно говорит о переселении нас в Турцию, но я уверен, что Хасанбий Биржев на это не согласится. – И подумал: «Так-то так, но откуда нам знать, о чем они договорились?..» – И продолжил: – Считаю недопустимым распускать такие слухи о достойном человеке. Да, нам сегодня нелегко, но каждому из нас нужно думать, что говоришь. А чтобы казаки не подумали, что мы пали духом, давайте споем одну из песен наших дедов.

– А, может, зачир-молитву? – предложил Гумиштов.

– Аллахом ниспосланный зачир тоже подойдет, но чтобы поднять свой дух, нам нужна героическая песня. Запевай, Берекетов, нашу любимую, мы будем тебе подпевать.

– «В верховьях Туапсе гремит гром...» – затянул Берекетов. Песню подхватили, и тут же, словно по команде, с казачьей стороны донеслось: «Запрягайте, хлопцы, коней...» Эхо смешанных разноголосых наречий прокатилось по горным вершинам. Абадзехи начали беспорядочно стрелять в воздух, тотчас на противоположной стороне послышались ответные выстрелы.

Услышав пение, Цеев обратился к Афамготову:

– Марау, передай абадзехам, что мы возьмем покойника, негоже им петь.

Подъехав к поющим, Афамготов с горечью сказал:

– Мы возьмем тело Азишта, сына Хасанбия Биржева...

– Какая скорбная весть!.. – Гумиштов поспешил навстречу арбе и, склонившись над телом, накрытым буркой, стал причитать: – Какое горе у нас, будь проклята

война, отнявшая тебя у отца! Все меньше мужчин остается в Абадзехии...

Цеев, недовольный причитаниями, проворчал:

– Что ты нам устраиваешь, Гумиштов? Пока идет война, всегда будут потери. И Биржев, как и все абадзехи, понимает это. Так что сообщите роду и Хасану Биржеву, находящемуся в Кужипском ущелье, что домой везут тело убитого Азишта.

Багов тотчас отправился к Биржеву. Услышав имя сына, Биржев спросил с тревогой:

– Он ранен? Убит?

– Тело твоего сына, Хасан, находится в твоём доме...

Биржев присел, прислонившись к стволу дерева. Посидев немного, сказал:

– Как и многие семьи погибших молодых абадзехов, мы тоже не увидели счастье своего единственного сына... Все здесь в таком положении... Старейшины рода пусть не осудят меня, я не могу покинуть сейчас ущелье, пусть хоронят парня без меня... Мне нечего добавить, Мазхаб.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

– На днях я уезжаю, выслушай мой наказ, о котором будешь знать только ты, – обратился генерал Евдокимов к полковнику Сердюкову. – От Майкопа до Пятигорска на каждой версте поставь казачьи патрули, может, попадутся черкесские абреки. Повторяю, казаки не должны предпринимать никаких военных действий.

Оставшись один, генерал размышлял: «Я ожидал, что вновь назначенный наместник Кавказа тут же пригласит меня в Тифлис для доклада о положении дел, но он дотя-

нул до зимы, а теперь, когда дороги стали труднопроходимыми, вызывает меня к себе. Ничего бы с ним не случилось, если бы самолично прибыл на место сражения своих войск и удостоверился, как обстоят наши дела. Если тебя назначили главнокомандующим всех войск на Кавказе, ты просто обязан это сделать. А то получается, что мы, не щадя жизни, завоевываем победы кровью своей, а они достаются им. Правда, я бы не стал так говорить о нашем императоре: он не забыл про меня, повысил в чине, щедро наградил, пожаловал мне, простолюдину, титул графа, и даже приезжал на Кавказ, к черкесам, чтобы самому удостовериться в обстановке. Но нынешний главнокомандующий, находившийся при государевой должности, может только приписать себе славу побед наших. Что тут поделаешь, всегда так было... Да пусть хоть кому достанется слава, лишь бы побыстрее закончилась эта война...»

Перед глазами Евдокимова проносились сожженные аулы, в панике убегающие в лес люди, в ушах стояли их крики. Но сейчас его тревожило одно: предстоящая встреча с наместником Кавказа. «Что, если он готовит мне замену, поставив на эту должность своего человека? Все силы я положил на алтарь войны, уже близок ее конец, осталось немного, неужели он предложит мне отставку? Хотя, кто сейчас вспоминает заслуги генералов Ермолова и Кацырева, усмиривших кабардинских черкесов? А Бяратинского, чье место он занял? А генералов Засса, Вельяминова, Филипсона... Неужели и меня это ожидает? Нет, даже если он и примет такое решение, то я думаю, его не поддержит старший брат император, он высоко оценил мои успехи. С другой стороны, намерения правителей нельзя предугадать... Но коней на переправе не меняют, – успокоил себя генерал, – я буду им нужен до тех пор, пока не закончу эту кампанию против черкесов, оттеснив их к морю...»

Экипаж Евдокимова, проехав верст сто и оставив в стороне Армавир, со скрежетом сделал поворот на обледелой дороге, выводя генерала из тяжелых раздумий. По сравнению с абадзехскими горами снега здесь почти не было, но колючий холодный ставропольский ветер пронизывал до костей. С той стороны, откуда он ехал, тянулась цепочка белоснежных гор, со стороны Пятигорска, где генерал должен остановиться на ночлег, был виден Эльбрус.

В башлыке, накрытый белой буркой, обутый в теплые сапоги Евдокимов не ощущал холода, но тревога, посетившая в душе, не давала ему покоя. Он думал о том, что выпавший снег в Абадзехии сделал горы непроходимыми, но был уверен – весна 1864-го года будет последней в войне на Кавказе.

Наместник Кавказа Михаил Романов, неожиданно для Евдокимова, встретил его в Тифлисе радушно. На вопрос о положении военных дел генерал ответил кратко:

– Весной этого года, ваше сиятельство, мы завершим войну на Кавказе.

– Это было бы хорошо, Николай Иванович, Его величество и я надеемся на вас. Скажите, чем вам помочь, чтобы приблизить нашу победу?

– Увеличьте количество турецких судов, которые будут вывозить черкесов в Турцию, – коротко ответил Евдокимов.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

Кавказская война в Черкесии, как и говорил Евдокимов, приближалась к завершению. Зимой 1864-го года это стало уже очевидным.

Офицер Духовской, активный участник этой кампании, писал: «...19 февраля 1864 года Даховское подразделение войск было готово к вступлению в бой. В состав данного войска вошли: 3-я и 5-я пешие роты 2-го Кавказского саперного батальона, 1-й, 2-й, 3-й батальоны Севастопольского войска, 1-й батальон, 3-й и 21-й пешие батальоны Кубанского войска, 1-й и 2-й батальоны Черноморского войска, 1-й и 2-й батальоны Таманского войска, 1-й батальон и 19-й артиллерийский Бакинского войска, Кабардинский пеший батальон, 1-й дивизион Тверской кавалерии, две сотни кабардинских милицеевских всадников.

Черкесы, видя наши войска, пугаются. Они говорят, что русские бесчисленны. С перевала видно, что наши войска на несколько верст простираются к черноморскому побережью.

Чем выше мы поднимаемся в горы, тем больше препятствий встречаем на пути. На рассвете повалил мокрый снег. На высоком дереве, стоявшем у дороги, замерз черкес. Бритая его голова свесилась, папаха валяется под деревом. Рваная черкеска прикрывает замерзшее тело, ноги босы. Вероятно, он был один из дозорных, что следят за нами. За один только день мы сожгли несколько десятков черкесских селений.

Пользующийся большим авторитетом среди шапсугов Касполет Шаов приехал с делегацией переговорщиков. Ни силой, ни войском хакучинские шапсуги не могли нам противостоять и потому пожелали мирным путем решить свой вопрос. Земли, что принадлежали шапсугам, они отдают императору и спорить по этому поводу уже не станут. Они желают лишь со своим небольшим скарбом, беспрепятственно покинув свои земли, перебраться в Турцию. Об этом нас просили переговорщики ...»

После сожжения меджлиса, черкесы, как ни пытались, уже не смогли собраться воедино. Последние три его созыва показали, что племена стали еще более разоб-

щаться, они ни в чем не могли договориться, не доверяя друг другу.

Перед глазами Карбатыра Зана стоял сожженный меджлис. Он вспомнил, как его отец Сафербий Зан, пока был жив, мечтал о создании черкесского меджлиса, но этого так и не произошло. На последнем заседании совета схлестнулись интересы различных племен и ни одно из них не уступало другому. Призыв Карбатыра к перемирию не был услышан, все его усилия оказались напрасными. Он не был трусом, но сегодня в своей душе ощутил страх, и, оседлав коня, выехал из дома.

Карбатыр Зан вышел на дорогу, идущую со стороны Екатеринодара. Сегодня она пустынна, а вчера нескончаемым потоком по ней шли пешие и конные войска, таща за собой пушки. Тяжелые думы одолевали его: «Два месяца прошло с тех пор, как я отправил царю свое послание, а ответа все нет. Если ему что-то нужно, он соловьем заливается, если нет – ничего не слышит. И решение свое может отменить, если ему выгодно. Абадзехи во всем винят генерала Евдокимова, не понимая того, что без ведома царя он шага не сделает. Что они готовят нам? Каюсь, я виноват перед соплеменниками шапсугами, что обнадежил их, приняв мирное соглашение. Но разве можно было предвидеть, что это обман? Что теперь делать, кто нам поможет? Ну еще два-три месяца мы сможем противостоять, теряя людей, а потом? Что будет с нами потом?..»

Карбатыр не мог проехать мимо кладбища на Куматыре, где покоились тела его родителей. Стоя у могил, он и здесь искал ответ на этот вопрос, но так и ушел без него.

Вечером жена спросила его:

– Карбатыр, я вижу твои переживания, но ответь мне, что нас, адыгов, ждет дальше?

– Знать бы мне, что будет с нами... – тихо ответил Карбатыр.

– Получается, нужно было принять предложение русского царя, зря тогда не прислушались к словам князя Хаджемукова. Сейчас бы не только наша семья, но и все адыги остались бы живы...

– Ты ошибаешься, если думаешь, что русские, у которых служили и я, и мой отец, отнеслись бы к нам по-другому, – вспыхнул Карбатыр. – Я исполнил свой долг перед адыгами, и, примирившись с ними, не спрятался бы подобно имаму Шамилю и наибу Асиялову в Петербурге.

И большие, и малые дороги в Шапсугии ведут к побережью Черного моря. По ним двигались люди, которых уже нельзя было остановить: гонимые, обессиленные, дошедшие до посленей черты. Шли, не ведая, что их ожидает в Турции, далеко ли она, близко? Надеялись, что среди единоверцев они найдут понимание и поддержку, хоть не знали ни языка, ни обычаев той страны. Знали одно: Аллаху ведомо, что с ними произошло, и надеялись на Его милость.

Много лет они защищали свою землю, но не смогли уберечь ни эти горы, ни леса, поля, пастбища. Переселяясь в чужую страну, оставляли здесь могилы предков. Да и сможет ли та страна принять многотысячных переселенцев, сможет ли сочувственно отнестись к их проблемам?

Карбатыр Зан опять, не усидев дома, направился в сторону аула Бастук, размышляя по дороге: «Россия получила то, что хотела. Что сказал император адыгам? «Не примете мои предложения – переселяйтесь в Турцию». Как такое можно было заявить перед мировым сообществом? Явно между Россией и Турцией был тайный сговор¹. И то, что Турция присылает к нашему побе-

¹ Поверенный делами России в Турции Д.С. Новиков от 5 декабря 1863 года пишет начальнику Главного штаба Кавказской армии Карцову о результатах переговоров с турецким правительством по поводу переселения черкесов в Турцию: «...Вопрос этот был обсужден Советом Министров, и решение сегодня было передано мне Али-пашою, Министром иностранных дел Турции, в общих чертах. Турецкое правительство не отказывается принять

режью свои суда – тому доказательство. И от нашего желания ничего не зависело – сами не захотите, силой заставим покинуть родную землю. Гоняясь за славой и гордясь своею храбростью, мы многие годы несли бремя войны и погубили себя, обвиняя в этом друг друга. Но не найдется человека, который бы сказал, что есть и его вина в том, что сейчас с нами происходит. И нет теперь у нас другого пути, кроме исхода в Турцию...»

То, что увидел Карбатыр на Бастукской дороге, привело его в ужас. Самое холодное сердце содрогнулось бы от увиденного. Подгоняемые вражеским войском люди думали только о том, как быстрее покинуть это страшное место. Труднопроходимая горная дорога и страх за свои жизни лишили их человечности и сострадания¹.

в пределы своей империи черкесов. Но само собою разумеется, что оно может допустить переселение в больших размерах только на двух условиях, без которых исполнение одного было бы материально невозможно... Соглашаясь принять их у себя, турецкое правительство предоставляет себе право выбрать и назначить те местности, по которым они могли бы быть удобнее распределены...

Неизлишним считаю прибавить, что на вопрос Али-паши на какое, примерно, количество переселенцев нужно рассчитывать, я не дал, да и не мог дать ему положительного ответа, но чтобы не слишком запугать его, я назвал ему 50 тыс., и уже эта цифра привела его в сильное недоумение. Не могу скрыть от Вашего превосходительства, что весь план переселения черкесов в Турцию, как и следовало ожидать, приводит здешнее правительство в большое смущение... Я полагаю, что было бы полезно продолжать начавшиеся переговоры с Турцией по этому делу, чтобы не давать ей времени одуматься и переменить намерение...»

¹ «...Поразительное зрелище представлялось глазам нашим по пути, – пишет И. Дроздов в своем воспоминании «Последняя борьба с черкесами на Западном Кавказе», – разбросанные трупы детей, женщин, стариков, растерзанные, полуобъеденные собаками, изможденные голодом и болезнями переселенцы, едва поднимавшие ноги от слабости, падавшие от изнеможения и еще заживо делавшиеся добычей голодных собак. Живым и здоровым некогда было думать об умирающих...»

А вот что рассказывает Ад. Бирже, которому пришлось быть очевидцем такой трагедии: «...Никогда не забуду того подавляющего впечатления, какое произвели на меня черкесы в Новорос-

У Карбатыра Зана не было больше сил смотреть на людей, спешащих к берегу Черного моря. Вернувшись к вечеру домой, с болью сказал жене:

– Более ждать нечего, отправляемся в Турцию. Как все, так и мы.

Следующим вечером Карбатыр Зан вместе с семьей сел на судно «Тигр», отправлявшееся из Сочи, и навсегда покинул родную землю.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

Когда случается беда, ищут виноватого. В Абадзехии вновь заговорили о Цееве, вспомнив его слова на встрече с императором в Мамрукском ущелье, решившей их судьбу. Беспокойство прибавила и вражда, возникшая между абадзехскими лидерами Биржевым и Цеевым.

Весенняя распутица горных дорог сдерживала царские войска, но с наступлением погожих дней остановить хорошо вооруженные русские войска, намного превосходящие абадзехов численно, было уже невозможно, хотя они мужественно сражались с врагом. В селениях, к которым они подступали, глашатаи без промедления созывали людей для отражения их натиска в долину Кужипса, на берега Пшехи, Псекупса, Пшиша. И там, где враг был сийской бухте, где их собралось на берегу около 17 тысяч человек. Позднее, ненастное и холодное время года, почти совершенное отсутствие средств к существованию и свирепствовавшие между ними эпидемии тифа и оспы делали положение их отчаянным. И, действительно, чье сердце не содрогнулось бы при виде, например, молодой черкешенки в рубище, лежащей на сырой земле, под открытым небом, с двумя малолетками, из которых один в предсмертных судорогах боролся с жизнью, в то время как другой искал утешение голода у груди уже окоченевшего трупа матери...»

более сильным, выставляли против него одну-две пушки, которыми располагали.

– Вот как с нами поступает русский царь... – недовольно произнес Цеев, указывая в сторону палящих пушек.

– Надо было раньше думать о том, что такое может произойти... – не удержался Биржев от упрека.

– Биржев! – вспыхнул Цеев. – Я, что, один виноват в этом?

– Мы все виноваты: и ты, и я, и Берзегов, и Зан.

– В чем наша вина? В том, что мы защищали свой народ? – в глазах Цеева вспыхнул гнев.

– Защитить его нужно было другим путем.

– Если ты такой умный, скажи, как?

– Нужно было прислушаться к словам князя Хаджемукова, – еле сдерживаясь, ответил Биржев.

Плохо скрывая свою злобу, Цеев усмехнулся:

– Много лет тебя знаю, но никак не могу понять. Если ты был согласен с Хаджемукковым, что же ты промолчал?

– Да ты никому не дал слово вымолвить, – быстро ответил Биржев. – Но хватит разговоров, в нашем положении уже нечего искать виноватых.

Стремительно подлетевший на коне Афамготов, как всегда выделяя Цеева, обратился к нему:

– К нам из Тубы прибыло семь сотен всадников и около двух сотен пеших из Пшехи.

– Молодцы, не подвели нас, прибыли, как и обещали, – одобрительно сказал Цеев. – Ты можешь назвать точное число пеших?

– Сто восемьдесят девять.

– Вот так и надо докладывать, Афамготов. Даже овец и тех пересчитывают, а тут люди. – И распорядился: – Семьсот всадников отправьте в сторону Туапсе, остальные пусть останутся с нами в долине Кужипса. Как обстановка в Убыхии и Шапсугии, где находятся Берзегов и Зан?

– В той стороне дела не лучше. Русские войска взяли Шапсугию, теперь наступают на Убыхию.

– Выходит, царь бросил на нас всю мощь своей армии... Обложили со всех сторон... А что с Карбатыром Заном, где он?

– Не хочется даже говорить о нем. Он бросил нас, сбежав с семьей в Турцию, заявив на прощание, что не желает оставаться с предателями.

– А сами Заны?! – возмутился Цеев. – Карбатыр забыл, что его дед продал Турции земли Анапы? Разве не он сам и его отец Сафербий были офицерами русской армии? Взбаломутили все адыгское общество, а мы оказались виноваты... Теперь я понимаю, почему Карбатыр не искал встречи с царем, за нашей спиной он другое замыслил... Ладно, что сейсас говорить об этом, уже ничего не изменить. Об одном тебя попрошу: не распространяйся о его отъезде в Турцию... А хаджи Берзегов, что с ним?

– Одни говорят, что он днем и ночью объезжает Убыхию, другие говорят, что из Турции еще не возвращался, – сдержанно ответил Афамготов.

Биржев, хорошо знавший характер Цеева, слушал, не вмешиваясь в разговор. На душе у него было спокойно, он уже знал, какое примет решение.

– Что же ты молчишь, Биржев?

– Вроде все сказано, мне нечего добавить...

– Этот разговор пусть останется между нами, – Цеев приостановил коня и тихо добавил: – Люди не должны видеть наши сомнения.

Поднявшись выше, они увидели на перевале беженцев, заполнивших долину. Нескончаемой вереницей они медленно двигались по дороге, таща свой скарб кто на себе, кто на арбе. Чтобы не мешать, Биржев и Цеев съехали с дороги, пропуская людей. Многие, узнав их, молча отводили глаза, кто-то выкрикивал им свою обиду. В основном шли малые дети, женщины, старики и мальчишки, которм еще не по силам поднять оружие.

– Предводители, после Аллаха, вы наша надежда, скажите, что ожидает нас? – с тревогой обратился к ним худенький старик. – Проклятые враги разорили нас, мы погибаем! Скажите же хоть что-нибудь, что принесло бы нам душевное облегчение.

– Что мы можем сказать... – Цеев многое бы отдал, чтобы не услышать такие слова. – Аллах свидетель, что мы всеми силами противостоим врагу.

– Мы это все время слышим, Цеев!.. – из-за спин собравшихся выкрикнул другой старик.

– Да, уважаемый, на земле адыгов идет война, – виноватым голосом произнес Цеев, – и мы не один день сдерживаем врага, теряя своих близких. Двое моих младших братьев и единственный сын Биржева тоже сложили на ней головы. Никто не знает, что ожидает нас самих, но это горе у нас общее. Мы договорились с жителями дальних горных аулов, что они примут вас, поделясь свои кровом, пропитанием и теплом...

– погоди, Цеев! – остановила его женщина. – Теперь вы оба меня послушайте. В этой войне погибли мои родные: дед, муж и три сына. Среднего и похоронить не успела, его тело я вожу с собой. Вон тот мальчишка – его сын, – указал она на мальчонка, – и вы оставили его без отца. Да, это вы навлекли на нас такое горе! Почему не смирились с царем, которого не можете одолеть?!

Слова женщины глубоко задела Цеева, но, едва сдерживая свой гнев, он ответил:

– Понимаю, сестра, сердце твое разрывается от горя, боли и страдания. Но неужели ты думаешь, что русский царь примирится с нами? О каком примирении можно говорить сейсас, когда тысячи адыгов положили головы за свою землю?..

– Да, они отдали свои жизни, сражаясь с врагом на поле боя. Но сегодня мы не в том положении, чтобы проявлять упрямство. Если бы вы пошли на мировую с русским царем, такого бы не случилось...

– Нам не следует преклонять колени перед врагом!
– уже не сдерживал себя Цеев.

– Я бы предпочла преклонить колени, но не дала погибнуть народу.

– Пойдем, женщина, пойдем, Самай,– остановил ее старик, выйдя из толпы.– Что бы ты сейчас ни говорила, эти люди тебя не услышат, от своего притворного мужества они стали глухими... Давайте лучше похороним умерших, пока у нас есть время...

Хатырбай Цеев был мужественным и справедливым человеком. За независимость родины и свободу своего народа он готов был отдать жизнь. Слова женщины задела его, ведь он искренне верил в свою правоту. Но не они пронзили его душу, ему было не впервой слышать такие упреки, сейчас почти каждый абадзех мог бросить такое обвинение. Его честь глубоко задела слова старика, который подверг насмешке его мужество. «Получается, все то, что я делал для их блага, принесло мне несчастье,– подумал Цеев.– Люди осуждают меня, упрекая в том, что я прикрываюсь притворным мужеством. Мое решение оказалось губительным для абадзехов, ради которых я жил... Для чего мне тогда жить?..»

Сгорая от нанесенного ему оскорбления, Цеев пришпорил коня и пустил его вскачь. За ним помчались Афамготов и Дауров, но взмахом руки он остановил их. Доскакав до края пропасти, Хатырбай Цеев, не спешиваясь, шагнул с высокого берега навстречу своей гибели.

Биржев считал, что Цеев, уйдя из жизни, совершил поступок, а отъезд в Турцию Карбатыра Зана воспринял как предательство.

– Никогда бы не подумал, что сын Сафербия Зана так поступит... – покачал потяжелевшей головой Биржев.– Как можно было уплыть на чужбину, предав дело, которому его отец посвятил всю свою жизнь? А мы осуждаем Цеева за то, что не смог перенести позора. Я считаю, он совершил мужественный поступок.

– Да, уважаемый,– согласился с ним Магомет эфенди.– Карбатыр Зан сбежал, оставив нас на погибель. Но относительно Цеева позволю себе не согласиться, Аллах не простит ему такую смерть. Я тоже не одобряю его поступок. Люди доверились ему, а он, вместо того, чтобы до конца находиться рядом с ними, бросился в пропасть.

– Успокойся, эфенди,– так и не поднимая склоненную голову произнес Хасан Биржев,– не надо так говорить о погибшем.

– Он самоубийца!..– сорвался на крик Марзухаев.– Погиб мой старший брат Бачир, погибли оба брата Брагуновы, их сыновья, многие другие абадзехи, в честном бою защищая нашу землю! – И, успокаиваясь, продолжил: – Спаси и сохрани нас, Аллах. Теперь нужно отыскать их семьи, спрятавшиеся в горах.– Магомет эфенди, никогда не позволявший себе такие резкие высказывания, смахивая слезу, отошел в сторону.

– Оставьте его в покое, пусть побудет один, у него тоже есть кого оплакивать,– сказал Биржев. И вспомнил своего единственного сына и жену, сердце которой не вынесло этой утраты.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

Суровая зима дала абадзехам передышку, поэтому яркая весна, пришедшая на их землю, никого не обрадовала: едкий дым сожженных аулов выедал глаза, от грохота пушек закладывало уши, отовсюду были слышны крики сотен людей, попавших под безжалостное колесо войны.

Царские войска неумолимо продвигались к побережью, чтобы окончательно завершить войну, а люди метались в поисках своего спасения, надеясь на выживание.

Магомет эфенди, не щадя себя призывал:

– Мусульмане, спешите к побережью, там вас ожидают корабли. Турция – рай Аллаха на земле, мы залечим раны, полученные на земле абадзехов. С мыслью и надеждой на Аллаха спешите туда, куда Он вас направляет!

Кто-то собирался в Турцию, искренне веря в проповеди эфенди Марзухаева, кого-то одолевали сомнения в правильности такого решения, были и такие, кто открыто и с ненавистью отвергал его призыв.

– Уже неделю не вижу Биржева, может, он последовал примеру безбожника Цеева?.. – покидая хадыженское предгорье с иронией спросил Магомет эфенди Мому Гумиштова. И назидательно добавил: – Сколько раз я говорил, чтобы жили с Аллахом в сердце, следовали Его наставлениям, спрашивали и моего совета, но они поступают по-своему, только делая вид, что прислушиваются к моему мнению. Потому Аллах и их оставил, и нас наказывает. А тебя, Гумиштов, могу взять с собой в Турцию, если будешь следовать моим наставлениям. У тебя же нет ни семьи, ни рода.

– Возможно, это провидение Аллаха, что я одинок. Но дарованную мне по Его воле абадзехскую землю в час испытаний я не могу покинуть. Прости, эфенди, мне не нужен турецкий мир, я не имею о нем никакого представления. Уверен, что не все согласятся покинуть родную землю. Как говорят абадзехи, лучше жить бедно, но честно.

«Вы послушайте, что говорит этот босяк...» – Магомет эфенди не подал вида, что сказанное ему не по душе и, улыбнувшись, спокойно произнес:

– Каждый волен распоряжаться своей судьбой. Если тебя устраивает такая жизнь, оставайся, больше к этому разговору возвращаться не будем.

«Лебезил перед Цеевым и Берзеговым, пока не добился должности эфенди меджлиса, а теперь готов их растоптать, показывая всем, что на нем одном все здесь держится, даже мою судьбу решает за меня, – с неприязнью подумал Гумиштов. – А ведь он один из тех, кто обманом заманил абадзехов в эту пучину. Сейчас ты посмеиваешься надо мною, эфенди, но я уверен, пусть и не буду тому свидетелем, что в своей Турции ты пожалеешь о том, что оставил свою родину...»

«Зачем он мне нужен? Возомнил, неблагодарный, что мне без него в Турции не обойтись», – с досадой подумал эфенди.

Их размышления прервала показавшаяся вереница людей, идущих к побережью. Очнувшись от дум, эфенди быстро сказал:

– Объедем их, не будем лишними разговорами никого расстраивать. А ты не допускай даже мысли о пути, ведущем в ад, не дай сомнению охватить твое сердце, мы с тобой забудем обо всех наших бедах, как только попадем в турецкий рай.

– Да, иногда меня посещают сомнения...

– Не допускай! – сердито бросил эфенди, приостанавливая на узкой тропе коня. – Это тебя черные джины сбивают с пути, не поддавайся им. Аллах не оставляет своих верноподданных, но вероотступников не щадит.

– А тех, кто заблуждается?

– Что за вопросы ты мне задаешь, Гумиштов! – вспылал Магомет эфенди. – Пользуясь моим расположением, ты слишком вольно ведешь себя с посланником Аллаха. Но я отвечу на твой вопрос. Аллах прощает заблудших, если они возвращаются на путь истины, Он милосерден, все знает и видит, поэтому думай, что говоришь, следи за своими поступками. А сейчас приближается время полуденного намаза, нужно предстать перед Аллахом и помолиться за себя и за тех, кто отправляется на чужбину. Пусть Он придаст им силы и покарает врагов наших. А

нам, Мола, надо быть бдительными, поэтому не станем снимать с себя оружие. – Когда закончили с намазом, эфенди сказал: А сейчас разъедемся. Мне необходимо захватить в Тамбийхабль, а ты попрощайся с Биржхаблем. Завтра встретимся здесь же, береги себя, не попадись в руки казакам.

Белая чалма Марзухаева скрылась в чаще леса, и Гумиштова вдруг пронзила мысль: «О каком Тамбийхабле он говорил? Его же давно сожгли... Наверное, хочет попроситься со своей землей... Да, горе не различает кто ты – тфокотль, эфенди, князь, предводитель... Интересно, где сейчас Хасан Биржев? В Туапсе мне сказали, что видели его в горах Тубы, злые языки пустили слух, что он сбежал, а кто-то утверждает, что сдался Евдокимову. Даже Магомет эфенди, услышав это, многозначительно промолвил: «Как знать...» Сейчас каждый может сказать о нем то, что ему захочется. Но кто бы что ни говорил о моем соседе Хасане Биржеве, пока сам не увижу – не поверю».

Проехав по лесу около получаса, Мола Гумиштов поднялся на небольшой холмик в чагарнике и увидел обоз из нескольких арб, который сопровождали пешие и конные. Он поскакал им навстречу. Подъехав к Зауалу Берекетову, попытался остановить его:

– Зря уходите, лучше бы остались здесь.

– Ничего нет хорошего и там, куда ты сейчас едешь. Но разве мы по своей воле уезжаем? Мы спасаем свои семьи от неминуемой смерти... – Люди молча проходили мимо, не обращая внимания на всадников, остановившихся у обочины. Берекетов заторопился: – Мне пора, да и ты езжай, но боюсь, что от твоего аула остался один пепел...

Пока Мола Гумиштов добирался через перевалы, сердце рвалось на части, представляя картину сожженного аула. Но как только увидел у подножия горы Биржхабль целым и невредимым, радостно прищпорил коня. Проехав до центра аула, свернул на улицу, где стояли его и Биржева

дома. Подъехав ближе к дому, увидел полковника Сердюкова и нескольких казаков, беспрепятственно пропустивших его. Спешившись, поприветствовал их:

– Здорово булы, казаки. Я Мола Гумиштов, если вам кто-то нужен, я готов помочь.

– Мы уже нашли того, кто нам нужен, – ответил полковник и посмотрел в сторону Серебряного родника, где обычно совершал омовение перед намазом Хасан Биржев.

– Биржев ваш пленник?..

– Пока совершает намаз, он не пленник.

– Ну, тогда я присоединюсь к нему, чтобы не пропустить намаз, – Гумиштов встал по левую сторону от Биржева, шепнул ему: – Я с тобой...

Закончив намаз, Биржев, проводя руками по щекам, тихо сказал:

– Приготовь оружие, другого выхода нет. – И обратился к Сердюкову: – Ты проявил терпение, пока мы совершали намаз, а теперь, если ты мужчина, прояви свое мужество! – И, выхватив саблю, бросился к полковнику. Казаки из охраны схватились за оружие, но им наперез бросился Гумиштов. Прогремел выстрел, и Мола, сраженный пулей, упал. Хасан Биржев недолго смог противостоять окружившим его казакам, их силы были неравными. Он погиб, до конца исполнив свой долг перед своей землей.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

Эфенди Марзухаев не поехал в Тамбийхабль, что ему делать на пепелище? У него были более важные дела, чем прощание с родным аулом, и думал только о себе: «А куда бегут эти бедняки, кто их ждет в Турции? Я хоть и не

владею турецким языком, но там не пропаду, свой кусок хлеба заработаю чтением Корана при какой-нибудь мечети. Да и не с пустыми руками поеду туда...» Он скрылся в чаще леса и направился к большому камню, под которым было зарыто золото-серебро Мерзабеча Гишева.

«О, Аллах, я уже не нужен тем, кому проповедовал Твою веру. Цеева уже нет в живых, Зан покинул родину, Биржев прячется в горах, Берзегову тоже не до меня, а отчаявшимся абадзехам лучше не попадаться сейчас на глаза, они все равно меня не услышат, – оправдывал себя эфенди Марзухаев. – Прости меня, Аллах, я живу с верой в Тебя, Ты всегда в моем сердце. Под этим валуном я спрятал... здесь ли оно?.. – Эфенди торопливо спешил. Подойдя к камню, несколько раз ткнул под него кинжалом и достал сверток. Оглядываясь, сунул его за пазуху и вскочил на коня. – Добро несчастного Мерзабеча мне сейчас очень пригодится. Я виновен в его смерти и молюсь за него, если на том свете ему не откроются врата рая, то пусть хотя бы душа его упокоится...» Чтобы не встречаться с людьми, он горными тропами направился к черноморскому побережью.

Любая тропа ведет к большой дороге, и перед рассветом Марзухаев, всю ночь проведя в пути, вышел на нее. Вдалеке показалось море. Но то, что он увидел в это пред-рассветное утро последних весенних дней, заставило его застыть: по всей длине дороги, по обочинам, под деревьями лежали трупы людей, на пригорке и в низине стояли брошенные арбы. У погасших костров сидели уставшие люди, матери из последних сил пытались успокоить голодных и больных детей. Со всех сторон раздавались проклятия и плач женщин, потерявших родственников. Со стороны моря слышались выстрелы и ругань, видны были лодки, которые люди пытались взять штурмом. Магомету эфенди показалось, что кроваво-красное солнце, поднимаясь на горизонте, опалило верхушки деревьев, но его душу эти горячие стрелы лучей не обо-

жгли. Стараясь уйти незамеченным, он развернул коня, но вдруг услышал за спиной свое имя. Обернувшись, увидел спешащую к нему Нафисет.

– Как хорошо, что я, наконец, нашел тебя, девочка! – спешил Магомет эфенди. – Где твоя мать, дети?..

Нафисет бросилась на грудь дяди и разрыдалась:

– Нану и Колеса мы похоронили на туапсинской дороге... Тата погиб, Брагуновых тоже уже нет, даже не знаю, похоронили ли их, в живых остались я и маленькая Лацина. Пусть прокляты те, кто сделал нас несчастными, пусть Аллах возвратит им наши страдания!..

– Нафисет, успокойся сама и девочку успокой. – Обими руками эфенди гладил головы племянницы и Лацины. – Я позабочусь о вас, наконец-то мы нашли друг друга... А твоего отца и Брагуновых я похоронил, пусть твоя душа будет спокойна за них. И они, и невестка, и Колеса погибли от рук гяуров, надеюсь, им уготован рай. Хорошо, что вы живы, недалеко берег турецкий, там мы позабудем о всех наших бедах... Ты из чьего рода будешь, сестра? – спросил он женщину, прижимавшую к груди голову подростка.

– Это Самай, – опередила ответ старухи Нафисет, – а это ее внук Алибеч. Если бы не она, ты бы нас с Лациной уже не увидел...

– Спасибо тебе, сестра, никогда не забуду этого, – поблагодарил женщину Магомет эфенди. – А сейчас вместе с Самай подкрепитесь тем, что послал Аллах, – и протянул женщинам котомку, в которой оказалось несколько кусков вяленого мяса и кусочек сыра. – Пока будете есть, я займусь нашими делами. Мой конь пусть останется здесь, может, кто захочет купить его. Я скоро вернусь за вами.

Отойдя от успокоившейся Нафисет, Магомет эфенди снял с себя чалму и, чтобы быть неузнанным, надел лохматую папаху. Добравшись до берега и заплатив перевоз-

чику вдвое больше положенного, на первом же судне отплыл в Турцию.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ

Хаджи Берзегов надеялся, что сможет решить свои дела в Убыхии. Но из послания генерала Геймана узнал, что абадзехи и шапсуги ему не помогут. Для получения разрешения на вывоз в Турцию четырехсот семей своих подданных, хаджи Берзегов со старейшинами отправился к генералу Гейману.

Вот как это описывает Духовской: «...После обеда к нам прибыл Джирандук Берзегов с пятнадцатью старейшинами. Генерал Гейман грубо спросил их:

– Почему, убыхи, вы приехали ко мне? Где же ваши союзники из Европы? Я не вижу их. Где же обещанные вам пушки? Их тоже нет.

– Да, нам не на кого рассчитывать, мы остались одни, – ответил хаджи Берзегов. – Мы прибыли обсудить с вами наше положение.

– Вы собираетесь вести с нами переговоры? Зачем вам переговоры, если вы такие сильные и храбрые? Может, хотите сразиться на поле боя, чтобы узнать, кто победит? – откровенно насмехался генерал.

– Сейчас мы не можем надеяться на победу, но еще можем оказать вам сопротивление, но этим можем погубить народ. Да и с вашей стороны без потерь не обойдется, поэтому давайте мирно решать наш вопрос.

– Не рассказывайте мне сказки, я хорошо вас знаю!.. Если убыхи забыли дорогу в Турцию, пусть спросят абадзехов и шапсугов. Не будет для вас никаких поблажек! – сказал генерал Гейман и вышел...»

Не получив поддержки, хаджи Берзегов в течении трех дней спешно собрал свою семью и подданных и погрузил в суда, подготовленные для отправки в Турцию.

Обманутые Магометом эфенди, оставшись без помощи и поддержки, Самай и Нафисет увидели хаджи Берзегова, направлявшегося на судно. Надежда на спасение подняла Самай с места:

– Алибеч, сынок, напомни о себе Джирандуку, пока он не сел на корабль! Он ел хлеб-соль твоего деда, он нам поможет!

Алибеч побежал навстречу хаджи Берзегову:

– Господин!.. Я Алибеч, правнук Тима Некрасова... Уже более месяца мы с бабушкой Самай находимся на побережье, не могли бы вы помочь нам...

– Это кто мне преградил дорогу?! – грозно, словно перед ним стоял враг, вскричал Берзегов, не проявив жалости к обессилевшему, плохо одетому подростку. И с издевкой переспросил: – Некрасов, говоришь?.. Как ты посмел, неверный, обратиться ко мне, забыл свое гяурское происхождение? Ты видишь, как соплеменники твоего деда выгоняют нас из нашей страны?..

Обида пронзила сердце Алибеча. Не помня себя, крикнул убыхскому князю:

– Мои дед и отец сложили головы за адыгскую землю!

– Уйди с глаз моих, отродье гяура!..

– Боже мой, Алибеч, идем, сынок, идем!.. Это я виновата, не надо было посылать тебя к нему... – Самай, еле держась на ногах, встала впереди внука, закрыв его от князя. – Запомни, хаджи, горе этих людей еще отзовется тебе! – гневно бросила она на прощание и, не оглядываясь, пошла прочь.

Позади оставалась все та же картина: люди, стремясь попасть на судно, силой отталкивали от него слабых. Забравшись на него, ступали по обессиленным, еле дышащим людям, не замечая их страданий. Отовсюду слышны детский плач, крики обезумевших людей, проклятия.

Оставляя родину, целовали землю и брали горсть земли с собой, из отходивших судов раздавались прощальные выстрелы.

Почуявшие трупный запах орлы все ниже и ниже спускались к земле...

Перед самым окончанием Кавказской войны, весной 1864-го года, наместник Кавказа Михаил Романов писал императору: «От северо-запада реки Лабы всю долину Кубани и Туапсе мы очистили от врагов своих». И царь собственноручно приписал: «Слава тебе, Господи!»

Есть еще одно свидетельство жестокого обращения с черкесами – отчет генерала Геймана: «...25-го марта 1864-го года, в полдень, не выпустив ни единой пули, мы взяли крепость Навагинскую (ныне Сочинскую), и тем самым разорили последнее гнездо черкесов. Так обстоят дела сегодня, но надобно знать, что завтра все может стать по-иному. Подтвердим наше положение пословицей: «Куй железо, пока горячо». Хоть и готовы сейчас черкесы переселиться в Турцию, но количество судов для перевозки их через море недостаточно. Переселенцы собраны у побережья. Бесперывно ходят малые суда. К Туапсе подходят и большие корабли, но по сравнению с количеством выселяемых их очень мало. Поэтому нам снова, неся потери, придется черкесов опять сгонять с гор. На мой взгляд, следует более активно заняться их скорейшей высылкой. Посему следует ускорить сию компанию, иначе все, что нами сделано ранее, будет напрасным. В горных лесах прячутся остатки черкесских семей. Туда надо пустить охотничьи группы, чтобы обошли все тропки и очистили землю от них ...»

«...На колонизируемом Закубанском пространстве возведено 52 станицы и 3 поселка с расселением в них 4374 семей разного рода переселенцев; – генерал Евдокимов отчитывается перед военным министерством, – казаков Кубанского войска – 2438, Донского – 200, Азовского – 339, Оренбургского – 425, Уральского – 217, государ-

ственных крестьян по назначению начальства – 477, временно-обязанных крестьян войска Донского – 17, охотников разных сословий – 12, мещан города Николаева, отставных и служащих матросов – 166, при 43 офицерских и 31 священнических; все означенные переселенцы в настоящее время уже прибыли в назначенные для них места, за исключением оренбургских переселенцев, находящихся в пути.

Так как вследствие покорения Западного Кавказа обстоятельства, при которых производилась колонизация настоящего года, совсем не те, при каких мы колонизировали Закубанский край в прошлые годы, то выбор мест для станиц, размещение переселенцев и самое устройство станиц произведены под условием мирного времени; с удалением из края враждебного нам населения сложные требования, сопровождавшие возведение станиц в прошлые годы, не имели ныне места. Станицы 1864 года возведены без оград и артиллерийского вооружения в местах, удовлетворяющих лишь хозяйственным и земельным условиям, без соображения важности этих мест в военном отношении. Число дворов определялось смотря по обстоятельствам и удобству местности в хозяйственном отношении, причем допускалось образование отдельных поселков и хуторов. Переселенцы южного склона, несмотря на отправление их, во избежание расходов на морской переезд, через вновь проложенные горные перевалы: Гойтхский, Шебшский и Азербийский передвижение это со всем имуществом и скотом совершили без особых затруднений.

По прибытии переселенцев в места водворения им тотчас указывались усадебные места, дабы, не теряя времени, они могли заняться устройством своих жилищ и полевым хозяйством. В этом последнем отношении переселенцы 1864 года находились в самом благоприятном положении.

При изгнании черкесов в феврале и марте из мест, занятых теперь нашими станицами, войска в большей части случаев оставляли нетронутыми как аульные постройки, так и засеянные поля, вследствие чего переселенцы по прибытии могли тотчас же воспользоваться готовым сухим и прочным материалом для построек в свое время и собрать в поле засеянный хлеб. Действительно, этими благоприятными обстоятельствами переселенцы воспользовались как нельзя лучше. В настоящее время у многих казаков запасы собранного хлеба не только достаточны на весь зимний период, но и для посевов в будущем году...

С 1861 года начинается непрерывное переселение в Турцию в больших или меньших размерах народов Кубанской области, которые до сих пор не были под непосредственным нашим владычеством. Ввиду возводимых нами станиц им нельзя было оставаться на прежних местах жительства, а потому им было предложено отправиться в Турцию в самый короткий срок... Дело началось с бесленевцев, как с племени самого вредного и опасного для нас, дававшего всегда отличных вожаков в наши пределы и вообще предводительствовавшего набегу на наши границы. На мирный исход дела рассчитывать было нельзя, а потому они внезапно были окружены нашими войсками и под конвоем отправлены в Турцию согласно изъявленному ими желанию.

Наконец, наступил 1862 год, самый тяжелый в нашей борьбе с туземцами Закавказского края, сделавший перелом войны на Западном Кавказе. В это время мы заняли под нашу колонизацию, с одной стороны, весь край до реки Белой, а с другой – от восточного берега Черного моря до Адагума. Такие действия имели прямым результатом стеснение всех абадзехов на пространстве между рекой Белой и Супом. Разумеется, мохошевцы, егерухавцы и темиргоевцы не могли оставаться на занимаемых ими местах и они отправлены в Турцию...»

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ

1864 год, 21 мая.

В долине Кбаады, Красной поляны, проходит торжественный парад русских войск в честь окончания Кавказской войны.

Природа словно протестует его проведению: небо затянуто хмурыми облаками, пошел мелкий дождь, под ногами слякоть. Но царские войска не замечают непогоду, они радуются тому, что остались живы в этой кровопролитной войне. Пуговицы на мундирах начищены до блеска, эполеты подчеркивают торжественность парада. Но капли дождя, стекая с их лиц, напоминают горькие слезы черкесов.

Эриванские лейб-гренадеры, принесшие славу русскому царю, первыми стоят в торжественном строю. За ними следуют войска, которые с боями прошли от Арапча до берегов Черного моря. Далее – войска, воевавшие в Чечне и Дагестане. Донские и кубанские казаки тоже стоят в ожидании, готовясь парадным шагом пройти перед наместником Кавказа. Заклучало парад войско, состоящее из цебельдинцев, мингрелов, имеретинцев, гурийцев, одетых в свои национальные одежды.

Настал час молебна в честь окончания Кавказской войны.

Наместник Кавказа Михаил Романов в окружении генералов встал на помост. За генералами выстроились офицеры и солдаты, награжденные Георгиевскими крестами.

По окончании молебна наместник Кавказа объехал войска, выражая свою благодарность. Затем выступил перед ними с короткой речью:

– Я поздравляю каждого из вас с окончанием Кавказской войны и горжусь вашими завоеваниями. Вы проявили мужество и героизм в боях за Западный Кавказ.

Благодарю господу, даровавшего вам великую силу, вы достойны похвалы! Вечная память солдатам, сложившим свои головы, приближая этот радостный час!..

– Дитя мое, ты слышишь, о чем он так громко говорит? – недовольно спросила Самай, прислушиваясь к речи наместника Кавказа.

– Поздравляет своих воинов с окончанием войны, – ответила Нафисет.

– Он благодарит их за то, что убивали людей?.. Этим они открыли себе дорогу в ад!

– Нана, а если бы мы одержали победу, разве не стали бы праздновать?.. – спросил Алибеч.

– Замолчи, побойся Бога! – замахала руками Самай. – Мы все когда-нибудь предстанем перед Ним, поэтому, пока живы, будем замаливать свои грехи.

Звуки марша и крики «ура!» огласили окрестность. Весеннее солнце выглянуло, наконец, из-за туч, но земля адыгов не ощутила его тепла.

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ

Русско-Кавказская война завершилась, но бедствия адыгов не закончились. Горными дорогами и тропами выжившие в войне люди, не ведая, что их ожидает, но надеясь на возвращение, пробирались к черноморскому побережью.

Свидетель изгнания адыгов в Турцию француз А. Фонвиль так описывает его: «...Мы были уверены в чистосердечности черкесов, союзниками которых являлись и на стороне которых воевали, но дальнейшее наше пребывание в Черкесии не имело смысла.

С тех пор, как русские захватили Туапсе, к черкесскому побережью беспрепятственно стали причаливать многочисленные турецкие суда, и тех, кто покидал родину, за небольшую плату доставляли в окрестности Самсуна или Трапезунда. Для нас это было очень удобно, потому как незаметно для русских можно было на турецком судне перебраться через Черное море.

Лишь бы черкесы убрались с глаз, русские им не чинили препятствий.

Мы договорились разделить по одному и отправиться в дорогу. Мы нашли это лучшим способом, чтобы всем вместе не попасть в руки русских, даже если поймают одного из нас, есть шанс, что хоть кто-то доберется до Турции.

Как только на берег ступал какой-то капитан, черкесы старались договориться о плате за перевоз своей семьи, при благоприятном ветре судно отправлялось в плавание. Невозможно было понять: черкесы быстрее стремились попасть в Турцию, или сами турки были жадные до прибыли, но суда все отправлялись с большим перегрузом. На корабль вместимость около пятидесяти-шестидесяти человек забрасывали до трехсот. Спасавшиеся люди брали с собой из провизии только мешок пшеницы и бочонок воды. Им предстояло плыть морем до Турции пять-шесть дней, за эти дни несчастные переносили огромные страдания.

Какие тяготы приходилось переносить вынужденным переселенцам, нам рассказывали турецкие моряки: несколько судов, отправившихся в путь, потонули, на других судах переселенцы умерли и их тела сбросили в море. Несмотря на это, черкесы говорили, что их участь решена богом, и если даже им придется умереть или утонуть, считали – что им суждено, того не миновать.

Состояние черкесов было ужасающим. Собравшиеся на берегу желали только одного: чтобы поскорее приплыл

корабль, который их заберет. Убитые горем и подавленные обстоятельствами, несчастные люди не пытались даже строить шалаши, чтобы укрыться от дождя и ветра. Одна только мысль была в их головах – как можно скорее добраться до Турции. Они целыми днями сидели у моря и как только видели корабль, всеми возможными способами призывали его причалить к берегу.

Вместе с судовладельцем Якубом я покинул Вардане, с ним я и раньше часто встречался у побережья, много раз он помогал мне. Якуб посадил меня на место с хорошим обзором, откуда можно было хорошо видеть что происходит, но из-за густого тумана и вскоре наступившей темноты можно сказать, что я почти ничего не увидел. Мужчины, стоя по пояс в воде, на руках заносили на корабль детей и женщин, и только посадив всех членов семей они сами забирались на корабль. Женщин отправляли в трюм. Якуб стремился, чтобы не осталось ни одного свободного пространства. Набив корабль несчастными до отказа, он снова и снова находил места для других страдальцев. Мужчины на корточках плотно сидели на палубе. Из-за этого матросам трудно было передвигаться по судну, и они вынуждены были ходить по их головам.

Якуб уселся рядом со мной, подняли паруса, и мы отправились в плавание. Хоть ветер дул не слишком сильно, мы плыли с довольно хорошей скоростью. Только сейчас я узнал точное количество людей, набранных на борт судна – триста сорок семь человек. Около полудня на судне поднялся переполох: вдалеке показалось черное пятно, как оказалось, это был корабль. Пока я следил за ним, обратил внимание на то, как увлечено беседуют черкесы с одним из стариков.

– Кто этот старик, с которым беседуют черкесы? – спросил я старого приятеля.

– Он им ничего не говорит... – изменившимся голосом ответил мне Якуб.

– Как это он ничего не говорит, мне кажется, он говорит обо мне. – Люди смотрели в мою сторону, поэтому я не согласился с ним. – Что он говорит? Не скрывай.

– Да, они говорят о тебе, но ничего хорошего. Их волнует одно: если окажется, что это корабль русских и они при досмотре обнаружат тебя, то и их могут пленить, поэтому хотят тебя бросить за борт.

Не надеясь остаться в живых, я пристально стал следить за кораблем. Мне казалось, что эта темная точка застыла на месте, но как только я различил, что над ним реет турецкий флаг, обрадовался.

Первые два дня прошли без особых происшествий, на следующий день тела двух задавленных женщин и одного умершего ребенка бросили за борт. В тот день умерли еще одна женщина и двое мужчин, на четвертый день – умерли пятнадцать человек, на утро пятого дня показался турецкий берег. Мы обессилели от голода и страшной усталости, провиант, который взяли с собой, закончился на пятый день плавания. Если бы нам предстояло еще столько же оставаться в море, половина пассажиров, не добравшись до Трапезунда, погибла бы в море.

Горы Малой Азии еще покрыты снегом, а оливковые деревья у побережья облеплены бело-розовыми цветами. Мы прошли по берегу некоторое время, ближайший порт был в городе Аче. Только вблизи этого города мы смогли причалить к берегу и безопасно высадить на него женщин и детей. Иногда были видны маленькие турецкие селения с небольшими белыми домами и минаретами. Черкесы смотрели во все глаза на новую страну, которая могла стать и их. «Аллах акбар, Аллах акбар», – часто повторяли они, восхваляя Всевышнего, который помог им перенести тяжелую дорогу и остаться в живых.

Я и раньше бывал в городе Ачкале, поэтому сразу узнал небольшое укрепление, которое располагалось невдалеке от него. Я увидел, что со стороны этого укре-

пления идет огромная толпа людей. Как только они приблизились к берегу, мы разглядели, что это были черкесы, и услышали их плач.

У берега были причалены двенадцать таких же судов, как и наше. Некоторые из них были пусты, их готовили к отплытию к черкесскому побережью, а с других спускали на берег доставленных. По их бледным лицам можно было догадаться, что и они преодолели много трудностей в пути.

Мы бросили якорь, и мужчины в воде на руках вынесли на берег женщин, детей, тела умерших.

Дошел черед и до меня. Я смертельно устал, еле передвигал ноги. Уже два дня, как во рту не было маковой росинки, в последние сутки я не пил воды. Подошел к ручью у подножия горы и напился воды. Это придало мне сил. Осознавая, что для этих людей я чужак, стал искать возможность как можно быстрее добраться до Трапезунда.

Как мне рассказывали, черкесы, прибывшие сюда с наступлением зимы, умерли в количестве двенадцати тысяч. Им не хватило пропитания, они сильно ослабли, их охватила эпидемия оспы, холеры, других инфекционных заболеваний, из-за чего многие жители Трапезунда тоже умерли. Напуганные эпидемией турки оцепили черкесов и выставили перед ними войска, чтобы не пускать их на территорию своего государства.

Мое прибытие на берег Малой Азии совпало с массовым исходом черкесов. Только в небольшом городке Ачкале скопилось более пятнадцати тысяч выгнанных из Черкесии людей. Несмотря на холод, они жили в шалашах, сделанных из веток оливковых деревьев. У них давно закончилось пропитание, которое брали с собой в дорогу, и потому они жили тем, что им иногда подбрасывала Турция. Я видел, как распределяли между ними еду: по узкому проходу к берегу причалили три лодки с хлебом, у прохода поставили вооруженных солдат. Чтобы получить свой кусок хлеба, каждый черкес должен был пройти через этот узкий проход. Но не каждому пришедшему

сюда это удавалось, хлеба было очень мало, его не хватало даже половине людей. Остальные должны были ждать следующего дня, когда будет привоз.

Я объехал все места, где были сосредоточены черкесы, и заметил, что они старались следовать определенным правилам. Они были разделены по родам, каждый род располагался под определенным деревом, одежда, которая была на них, одеяла – вот все, чем они располагали. От безысходности у женщин глаза были полны слез, они варили оставшееся у них пшено, чтобы хоть чем-то покормить своих детей.

Перед заходом солнца муэдзин призвал к вечернему намазу. Мужчины совершили омовение и, расстелив свои кафтаны, встали, обратившись лицом к югу. Их лица, окрашенные лучами солнца в кроваво-розовый цвет, были наполнены какой-то тайной тревогой.

Муэдзин читал суры из Корана и все повторяли их вслед за ним, затем разом становились на колени. Как только молящиеся совершали какое-либо движение, сабли, кинжалы, пистолеты, которыми они были обвешаны, издавали воинственные звуки. Этот мужественный народ русские хоть и победили, но было видно, что они сопротивлялись до последних сил.

После совершения намаза похоронили умерших. Четверо на плечах несли тело, за ними шли мужчины из его рода, женщины, немного отставая от них, оплакивали покойного. Черкесские похороны в Ачкале невозможно было выдержать – душераздирающий плач эхом разносился по окрестным горам¹.

¹ Черкесы массами гибли от холода, голода, эпидемических болезней. По сведениям разных источников, огромная часть изгнанников погибла в пути. «С начала выселения, – писал русский консул Мошнин в своем донесении от 10 июня 1864 г., – в Трапезунде и окрестностях перебивало до 247 тыс. душ. Средняя смертность – 180-250 человек в день... Смертность достигла таких ужасающих размеров, что к концу 1864 года в одном только Сам-

Якуб свел меня с каким-то стариком, который обещал довести меня до Трапезунда. Звали его Ахмед – веселый старик с белоснежной бородкой.

– Я везде пройду, – увидев, что меня одолевают сомнения, сказал он, – моя обязанность тайно пройти мимо кораблей главы Трапезунда.

– Как тебе это удастся?

Прежде чем давать ответ, он повел меня в огромный сарай, стоявший невдалеке от его дома, показал мне узкую длинную лодку. Тогда я успокоился.

Как только пришла пора собираться в дорогу, по зову Ахмеда подошли к нам гребцы. Лодку они отнесли к морю, и мы отплыли.

Постепенно голоса черкесов стали отдаляться, были видны только костры, которые они жгли в местах скопления. Чем ближе мы становились к Трапезунду, радость моя увеличивалась; несчастных черкесов, чьим гостем и соратником по оружию был, я покидал навсегда, но забыть их страдания и не жалеть их я не мог. Сердце мое сжималось от того, что я не в силах был помочь отвести от них гибель.

Старика, в лодке которого я находился, волновали только его дела. Ничья беда его не беспокоила, он был занят лишь одним – разглядеть что-либо в тумане.

– Бедные черкесы так несчастны, – сказал я, чтобы испытать старика.

суне было 50 тыс. черкесских трупов рядом с 60 тыс. живых переселенцев».

Такую же бедственную картину описывает немецкий историк Ф.Канитц: «В Ларнак, на острове Кипр, вошли три маленьких судна, заключавшие в себе 2100 черкесов, из которых дорогой умерло менее от заразной болезни, чем от жажды и голода в продолжение 32-дневного переезда 1300 человек. Народонаселение Ларнака и тамошний французский консул энергично восстали против высадки на берег полумертвых людей, зараженных тифом или оспой».

– Ничего не поделаешь, так Аллах решил их судьбу, – беззаботно ответил он.

– Это так, но они же умрут от голода и холода!

– Значит, на стамбульском базаре черкешенки будут дешевы, как никогда, – равнодушно ответил мне старик-турок...»

СОДЕРЖАНИЕ

Изгнание. Исторический роман.5

Александр II

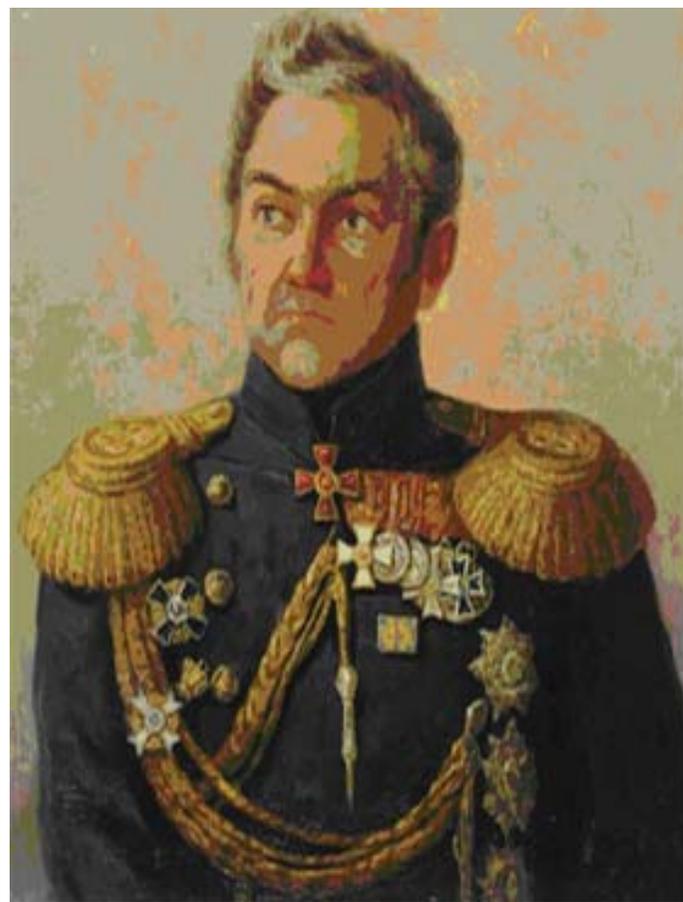
Пленение Шамиля

Переговоры с Шамилем

Генерал Г. И. Филипсон

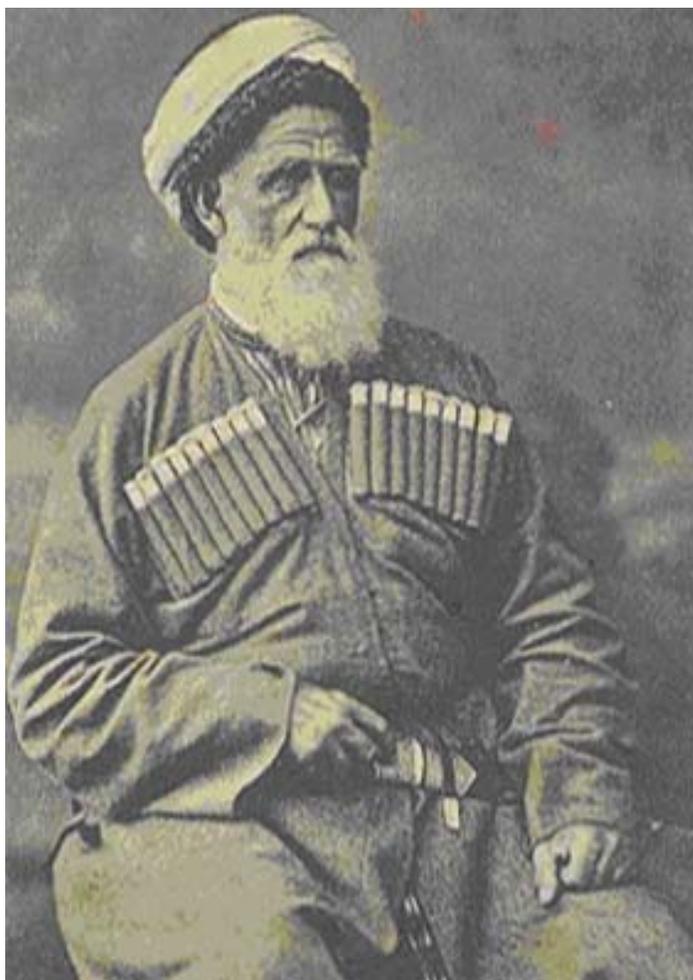
М.П. Лазарев, адмирал, командующий Черноморским флотом

Сафербий Зан

Мухамед-Амин

Хаджи Берзег

Карбатыр Зан

Давид Уркварт, секретарь Английского посольства в Турции

Шапсутские послы и Александр II в Тамани

Встреча Александра II с предводителями Абдзехии

Сражение в абдзехском ауле

Адыгский князь

Воин в бою

Бой в горах

Ширухуко Тугуж, Хаджико Магомет, Ордэзауко Дзепш

Взятие аула Меретукохабль

Сражение

Адыгское войско

Битва у реки

Погоня

Сражение адыгов и казаков

Адэгские воины в атаке

Русский военный лагерь в окрестностях Сочи

Адльгские воины в походе

Эпизод боя

Эпизоды Кавказской войны

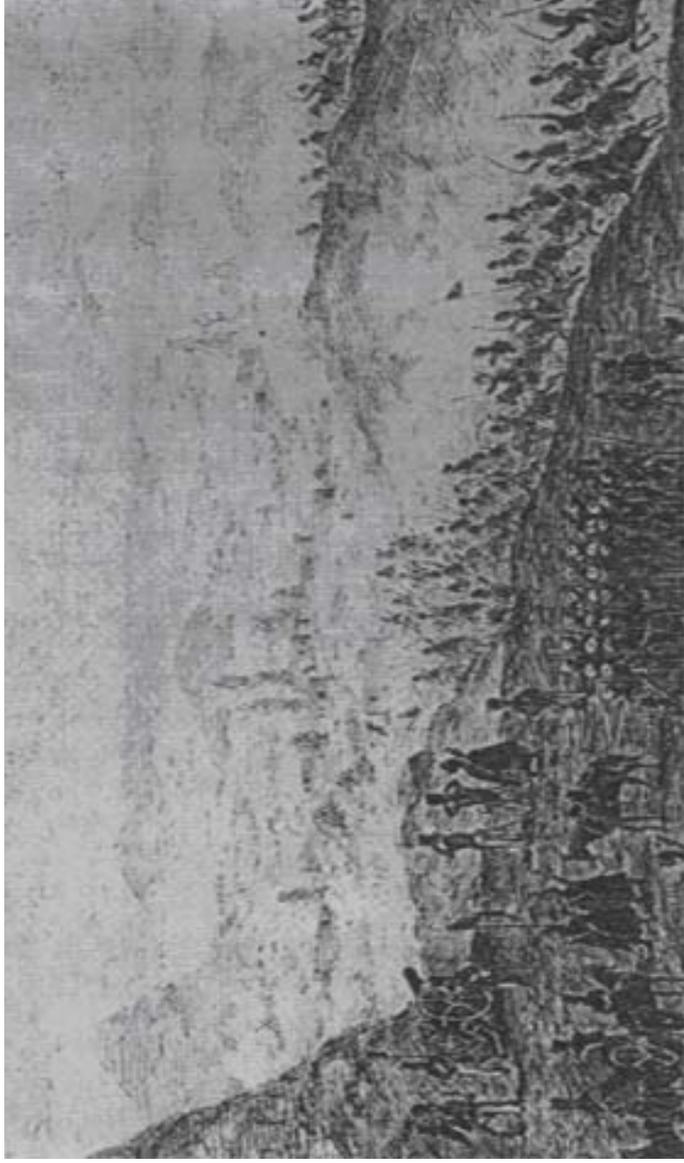
Переход русских солдат через реку Абын

Адыгские депутаты в Лондоне

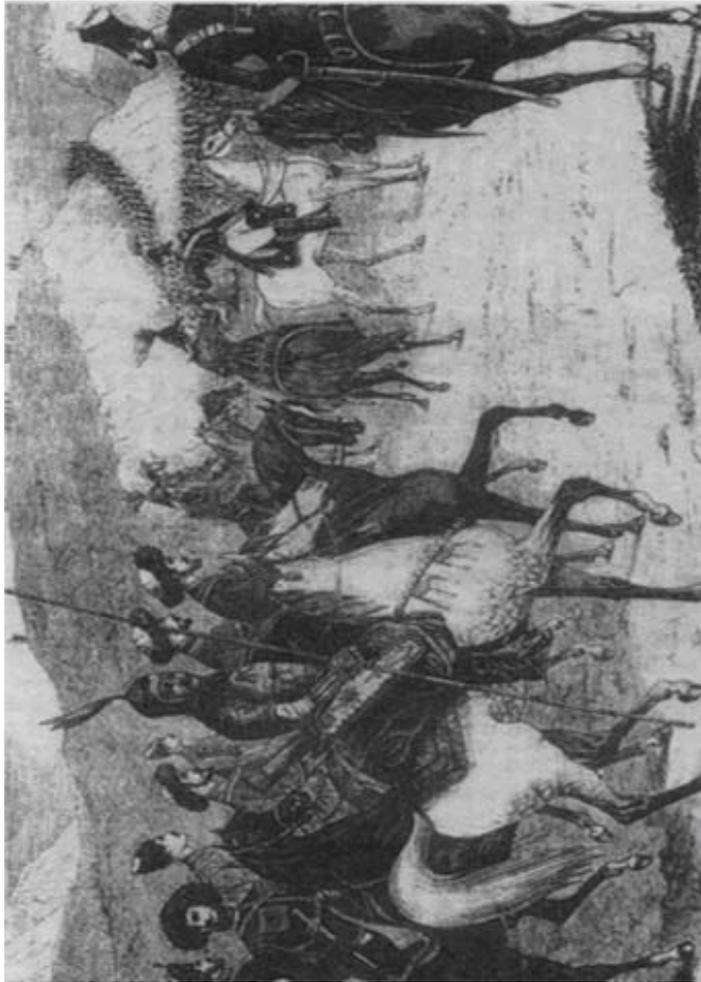
Атака адыгской конницы

Нападение русских войск на абадзехский аул

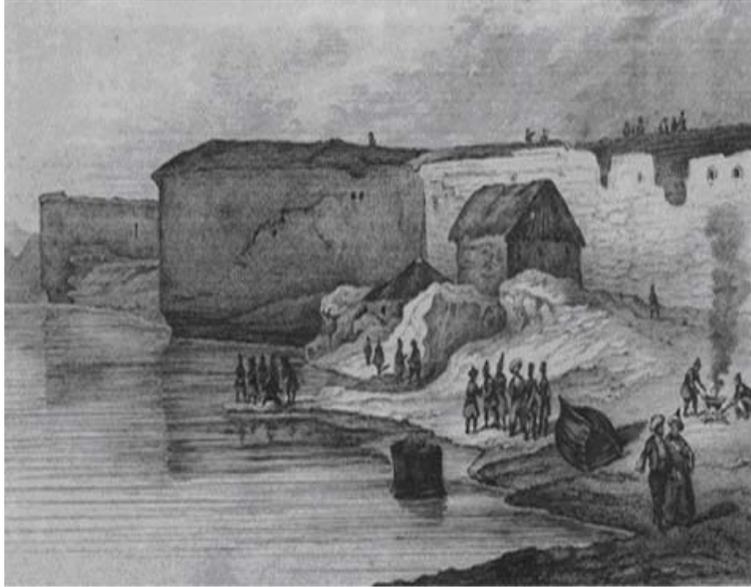
Дозорные

В горах Западного Кавказа

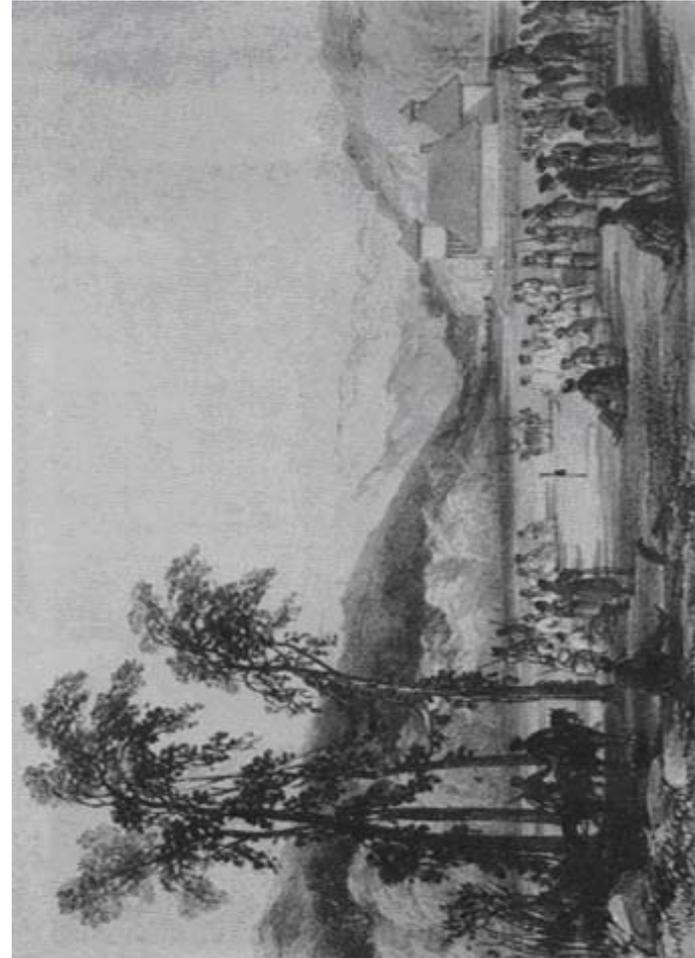
Ночной дозор

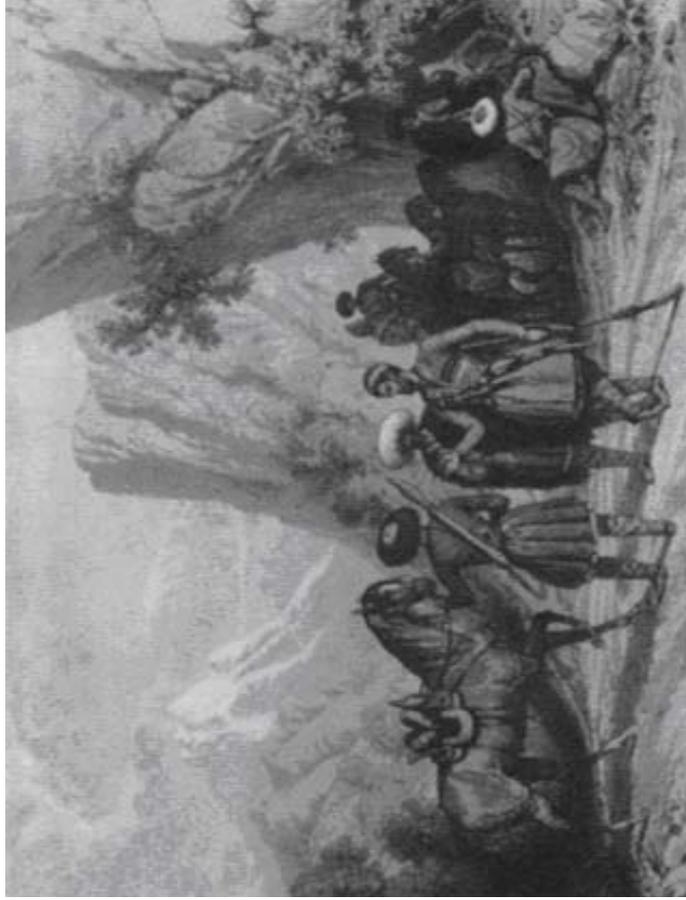
Крепость Анапа

Переправа

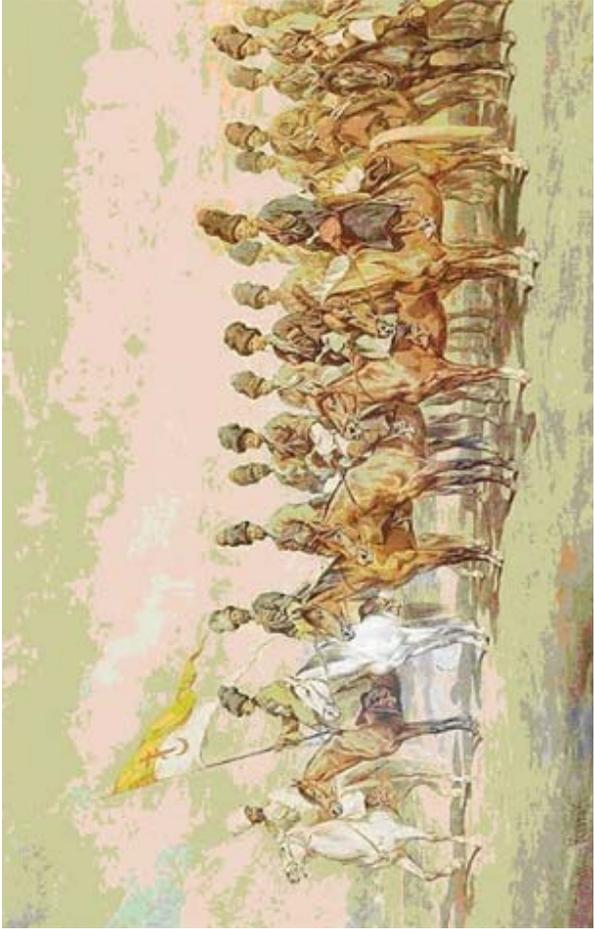
Адыгский Меджлис (Парламент) в районе Сочи

Привал адыгского отряда в горах

Офицеры регулярной армии

Казакы

Атакуюшче

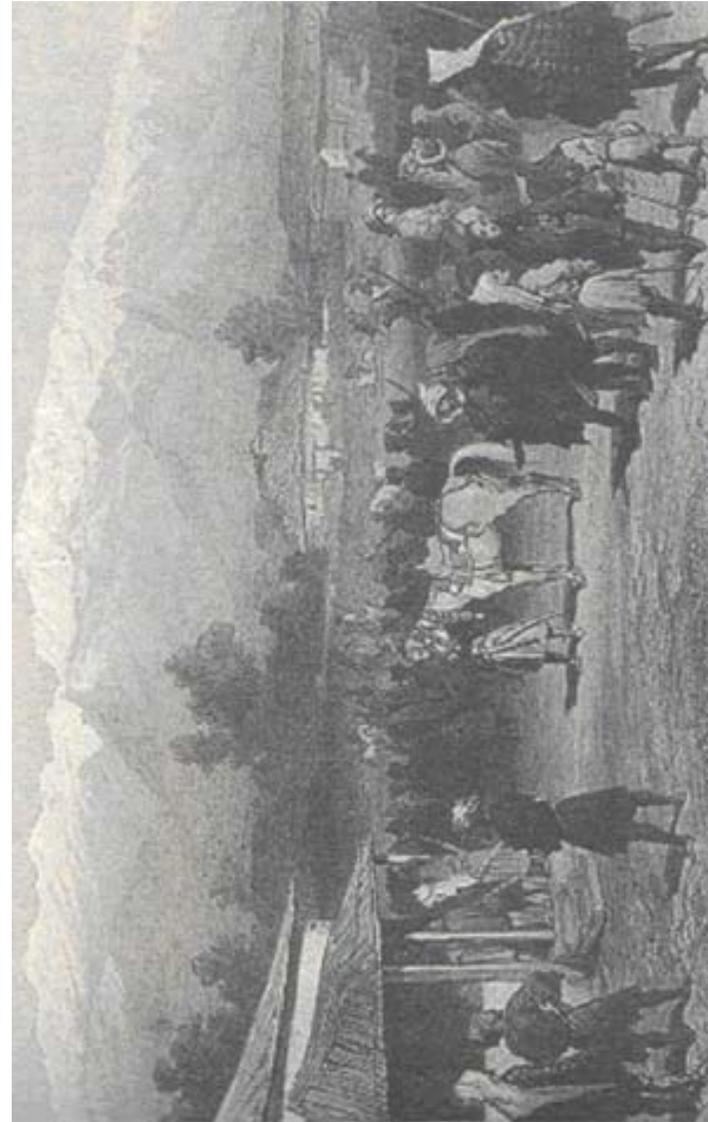
Казакки на марше

В атаке

Перед боем

Сбор воинов на окраине аула

В разведке

Воины на крутой высоте

Противостояние

Беспощадная атака

Адыгские воины в горах Западного Кавказа

Донцы в бою

Бой в горах

В поход

Отстреливающийся воин

Люди, уходящие в горы от неприятеля

Гуманитарная помощь

Изгнание адыгов в Турцию

Прощание с родиной

Трагедия в Цемесской бухте Новороссийска

На берегу Черного моря

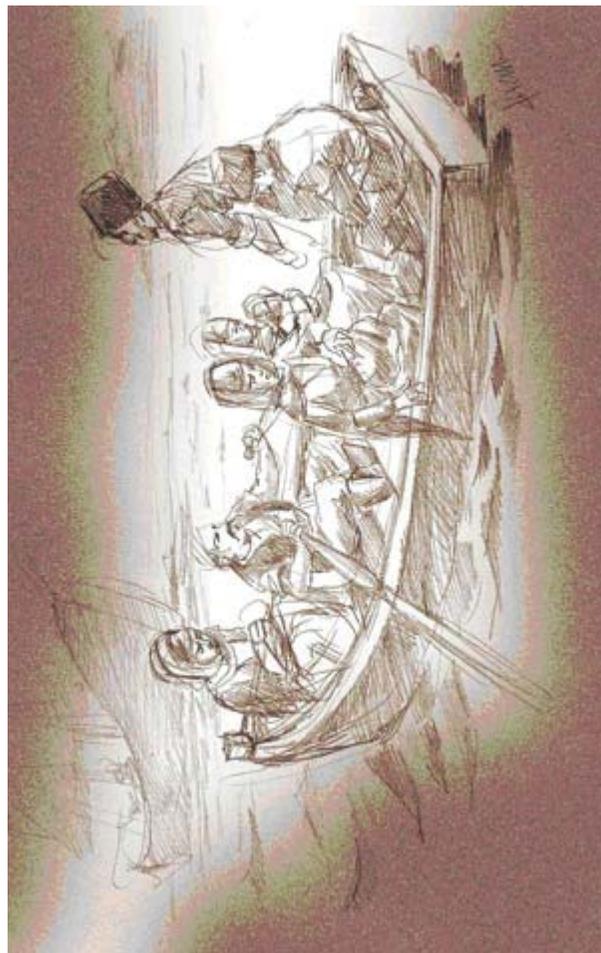
Посадка в шлюпке

Отлыгье

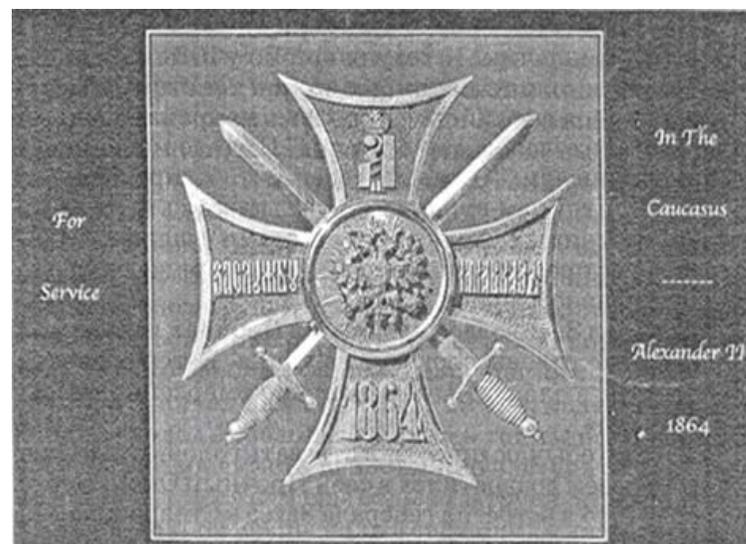
В море

К кораблю

Турецкий берег

Медаль «За заслугу на Кавказе», которой награждали участников Кавказской войны после ее окончания в 1864 г.

Исхак Шумафович Машбаш

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в двадцати томах

Том XII

Изгнание

Исторический роман

Редактор **Л. З. Гоголева**

Корректор **М. Р. Чамокова**

Компьютерная верстка **Т. А. Косяк**

В книге использованы портреты и иллюстрации
русских и зарубежных авторов.

ИБ № 00

Сдано в набор 00.00.2015. Подписано в печать 00.00.2015. Формат
84x108/32. Бумага офсетная. Гарнитура шрифта «PetersburgС». Печать
офсетная. Усл. п. л. 00,00. Уч.-изд. л. 00,00. Тираж 1000 экз. Заказ 012.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ОАО «Полиграф-Юг».
385000, РА, г. Майкоп, ул. Пионерская, 268.
Телефон для справок (88772) 52-23-92.